

Гадильше Отебаев

ДЖАМБЕЙТИНСКИЕ НЕМЦЫ

60 лет депортации
немецкого населения
в Джамбейтинский район
Западно-Казахстанской
области (1941-2001 гг.)

60 Jahre der Deportierung der
deutschen Bevölkerung
nach Rayon Dshambejta
Gebiet Westkasachstan (1941-2001)

Уральск 2003

Серия «Уральская библиотека»

Гадильше Отебали

Джамбейтинские немцы

Издательство ТОО «Оптима»
2003 г.

ББК 63.3 (2К)
Г 13

Г 13 *Гадильше Отебали -*
Джамбейтинские немцы. - Уральск, Издательство ТОО «Оптима»,
2003. - 214 с.

ISBN 9965-9370-0-1

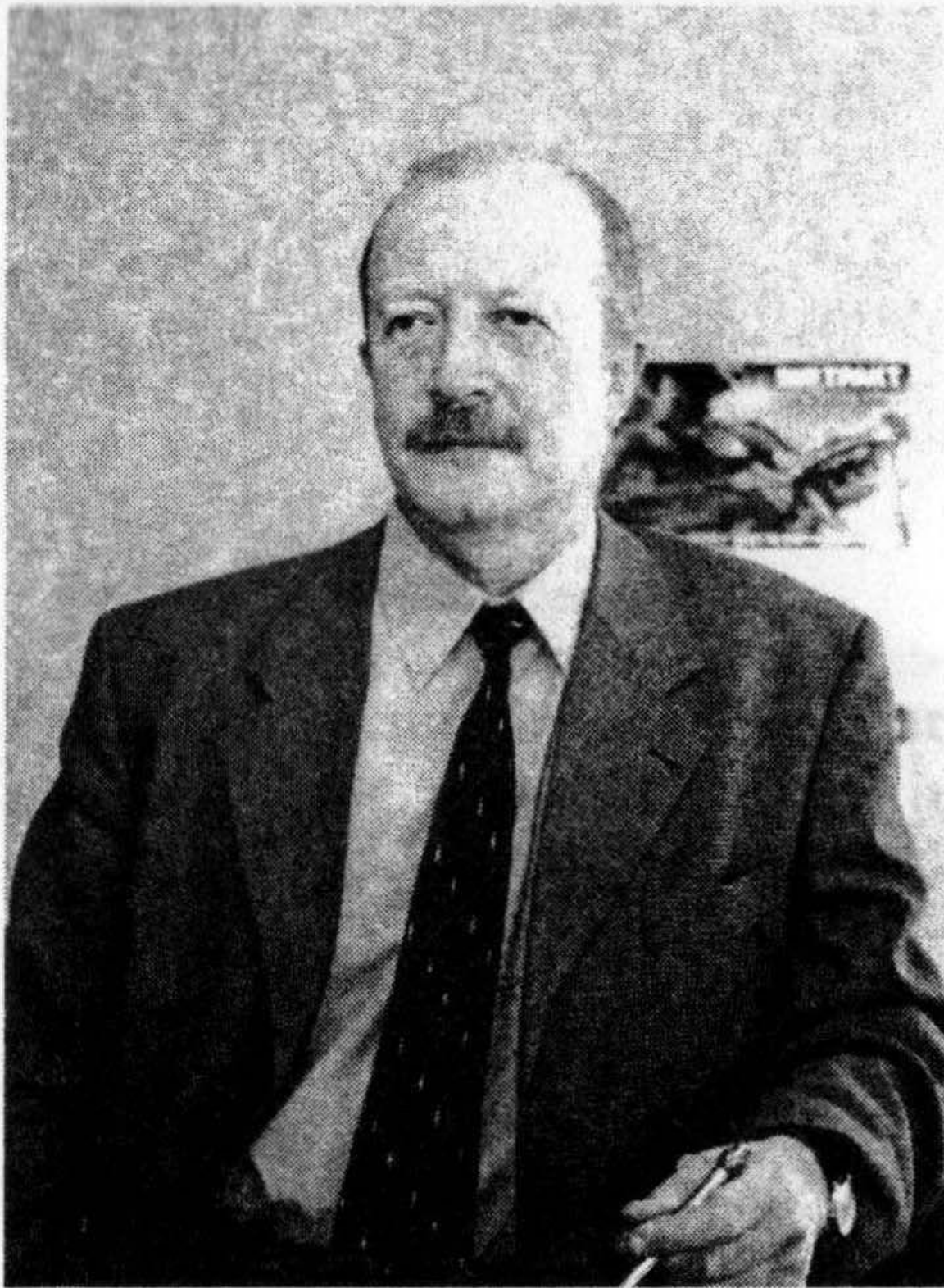
ББК 63.3 (2К)

© Отебали Г., 2001

© Издательство ТОО «Оптима», 2003

**Кому из нас не приходилось бывать в беде?
Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире
нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве
после суровой зимы, не приходит полноводная
цветущая весна?**

Абай

Лехман Владимир Иванович

Повествование “Джамбейтинские немцы” на казахском языке было издано в мае 2002 года, при личной поддержке **Владимира Ивановича Лехмана** – директора УМГ “Уральск. ЗАО Интергаз - Центральная Азия”.

Этот хороший человек понял и принял идею книги, и сделал всё, чтобы страничка нашей общей (с немецким народом) истории вышла в свет.

Спасибо Вам, Владимир Иванович!

Herzlichen Dank dem Leiter der Außenstelle “Oral”, AG “Intergas ZentralAsien” Herrn Wladimir Lechman, der für das Entstehen dieses Buches eine große Hilfe geleistet hat.

G. Ötebali

На долгую, добрую память

**Онгарбеков
Марат Кенжетаяевич**

В Джамбейте мы были в курсе, что Гадильше-агай Утебалиев последние годы интересуется историей немецкого населения нашего района, но, честно говоря, не думали, что это серьёзно, и он почти что на свои средства выпустит книгу.

Основной материал, вышедшей в мае 2002 книги «Жымпитылық немістер» (всего 120 экземпляров) – картины и факты тех лет глазами очевидца – просты и убедительны. Идея книги – дружба народов, как сложились

узы братства в трудные военные годы. Сугубо исторические материалы написаны от сердца. Вот такую книгу – теперь уже на русском языке – рекомендуем нашим читателям.

Учитывая, что большинство наших земляков, особенно молодёжь, всё-таки русскоязычные, автор в течение года работал над переводом своих рассказов на русский язык, как он говорит, “для наших немцев в Германии”.

Районный акимат поддержал инициативу автора и принял непосредственное участие в издании настоящей книги – наш презент землякам-джамбейтинцам на их исторической родине.

Действительно, в истории Джамбейтинского района немецкое население занимает особое место. В первую очередь – трудовые заслуги немцев старшего поколения, де-

портированных в район зимой 1941-42 годов. Многие заслуженные рабочие и специалисты-немцы заняли достойное место в первой книге нашего земляка.

Лично я знаю не понаслышке жизнь джамбейтинских немцев, внесших немалый вклад в развитие экономики и культуры крупнейшего в Западном Казахстане района.

С детских лет я был самым тесным образом связан с немцами, поселенными в годы войны в совхозе "Булдуртинский". Наша семья жила здесь в мирном согласии с добрейшими соседями Шумахер, Эльснер, Даршт, Гаас. Я крепко сдружился с их детьми. Мы вместе рыбачили, играли, учились в школе, помогали друг другу по хозяйству. Не забуду дружескую переписку с ними в годы службы в армии.

С особой гордостью вспоминаю свою первую учительницу Полину Петровну Люфт, классную руководительницу Эрнестину Александровну Карх, учителей Артура Эрнстовича Вегеле, Евгения Ивановича Гольмгрейн, которые оставили в моей душе глубокий след.

Соседи-булдуртинцы часто собирались за общим дастарханом, тесно общались, и даже породнились. Мой племянник и одноклассник Мурат Жанузаков женился на Катерине Волингер. У них родился сын и две дочки-двойняшки, одна из которых является полноправным членом нашей семьи, остальные сейчас живут в Германии.

Узы сватовства соединили нашу семью с семьёй Альберта Гаас. Моя старшая сестра Айман, врач по образованию, вышла замуж за Якова Альбертовича Гаас. Сейчас они живут в Москве, у них три дочери: Асель, Инесса и Маргарита. В нашем районе десятки таких интернациональных семей. Немки безо всяких предрассудков, по любви выходили замуж за джигитов-казахов, а те в свою очередь отдавали свои сердца немецким девушкам. (К сожалению, автор этой теме уделил мало внимания, но полагаю, в дальнейшем она получит развитие).

Хочу добавить, что мой отец, Кенжетай Онгарбеков, приехавший в Булдурту молодым специалистом, более 20 лет работал здесь директором совхоза. Он высоко ценил трудолюбие и мастерство немцев, со многими из которых обращался по-братски, стараясь создавать им благоприятные условия для работы и жизни. Назову лишь некоторых: это бригадиры-механизаторы Иван и Антон Ольгейзеры, Василий, Отто и Бертольд Эльснеры, Антон Яковлевич Даршт, Альберт Гаас, плантатор Норус Берг, строитель Иван Май, водитель Шумахер и другие.

Некоторые из немцев, уехавших на свою историческую родину, навещают джамбейтинскую землю, где родились и выросли. Кто-то приглашает в гости родственников, друзей-приятелей. Видимо, эти поездки связаны с определёнными трудностями и не просты. Желающих навестить родных, друзей немало, а возможности ограничены.

При таких условиях пусть эта книга станет ещё одним связующим мостом дружбы между казахским и немецким народами. Думается, эти встречи – не только частное дело отдельных джамбейтинцев с той и с другой стороны. В дальнейшем, насколько позволят возможности, намерены проводить встречи делегаций земляков. Есть и другие планы, чтобы наше общение стало более регулярным, служило упрочению родственных и дружеских связей с теми, кто родился и жил здесь, с их детьми и внуками. До свидания, дорогие земляки!

М. Онгарбеков
аким Сырымского (Джамбейтинского) района

Слово к читателю.

(Беташар к “Жымпитылык немістер”)

Перед Вами, дорогой читатель, первая публикация о немцах-спецпоселенцах нашей области. Эта книга – один большой рассказ, бесхитростный, искренний. Рассказ-воспоминание о судьбе наших земляков, которые ещё в 30-е годы прошлого века переехали в Казахстан из соседней области России - немцев Поволжья.

Известно, что наши немцы – это потомки немецких колонистов, приглашённых в Россию для освоения пустующих земель в 60-е годы XVIII века императрицей Екатериной II, выполнявшей наказ Петра Великого. Но в 1941 году, в связи с началом Великой Отечественной войны, они, как и все советские немцы, подверглись репрессиям и испытали все тяготы депортации.

В ноябре-декабре 1941 года из г.Уральска и из пригородных районов под охраной МВД немецкое население области было выселено в Джамбейтинский района – в Зауралье, в распоряжение спецкомендатуры. Так, в Западно-Казахстанской области появились первые спецпоселенцы. Как жили немцы-спецпереселенцы в первые месяцы и годы вынужденного переселения, что пережили – об этом рассказывает книга Гадильше Утебалиева, казаха по национальности, жившего среди них и близко к сердцу принявшего их трудности и беды.

Уверены, что эта небольшая, но мудрая по своей простоте книга найдёт своих читателей в Казахстане и в Германии, где в настоящее время живут дети и внуки тех, о ком пишет автор.

Специально для этой книги

Виктор Киянский,

г.Астана, Республика Казахстан

доктор технических наук, профессор,

г.Астана, Республика Казахстан

член Ассамблеи народов Казахстана

г.Астана, Республика Казахстан

Майра Барадосова,

г.Астана, Республика Казахстан

член Правления немецкого

г.Астана, Республика Казахстан

культурного центра “Хаймат”

Das Wort zum Leser

“Die Deutschen von Dshambejta” ist die erste Veröffentlichung über die Deutschen in unserem Gebiet.

Das ist eine Geschichte, erzählt so offenherzig und aufrichtig, und ist vor allem eine Erinnerung über das Schicksal unserer Landsleute, deren Vorfahren in den 30. Jahren des vorigen Jahrhunderts nach Westkasachstan umgezogen sind.

Unsere Deutschen sind Nachkommen der deutschen Kolonisten, die in Russland seit 60. Jahren des XVIII Jahrhunderts lebten. Während des zweiten Weltkriegs sind sie sich den Repressionsmaßnahmen unterzogen worden und haben alle Schwierigkeiten der Deportation erlebt. Im Oktober 1941 ist die deutsche Bevölkerung von Uralsk und anderen Gebietsregionen ins Bezirk Dshambejta unter Kommandaturbewachung ausgesiedelt worden.

Wie haben die ausgesiedelten Deutsche gelebt, schildert das Buch von Gadilsche Ötebali, der selbst kasachischer Volkszugehörigkeit ist, der aber alle Sorgen zusammen mit den deutschen Ausgesiedelten miterlebt und vieles sich nah zu seinem Herzen genommen hat.

Das Buch ist an heutige und zukünftige Generationen deutscher Herkunft gewendet, damit man seine Wurzeln nicht vergißt.

Wir hoffen, daß die kleine aber sehr weise und interessante Erzählung ihre Leser nicht nur in Kasachstan findet, sondern auch in Deutschland.

Viktor Kijanski
Professor, Doktor, Mitglied des Assemblees
der Völker Kasachstans

Majra Baradossowa
Mitglied des Vorstandes der deutschen Gesellschaft

(Вместо предисловия)

После того, как в 1997 году в районной газете “Кайнар” (редактор Энгельс Шынгалиев) были опубликованы первые рассказы о наших немцах, некоторые мои друзья-товарищи, знакомые при встрече замечали:

- Правильно делаешь, что пишешь о них, мы у немцев многому научились. Жили – дружили. И они, наверное, нас не забыли. Продолжай, не пропадай.

- Молодцы они! Көршілермен татулығы қандай еді!

- Технари-механики. Это – их призвание.

- Совхоз “Правда” и Шубин на немцах и держались.

- А наши талдыбулакские немцы в гостеприимстве и дружелюбии ничуть не уступают любому казаху.

- Веру свою берегли. Язык родной не забывали. Дети и молодежь крепко держались за старших.

Но один мой курдас:

- Друг ты наш, вечно ты занят – только заботы у тебя не казахские: то юбилей Пушкина справляешь, теперь вот историей немцев интересуешься ...Приехали ссыльными, житье-бытье наладили, детей своих вырастили, выучили, и ...нах хаузен в свою Германию. Забудут. Так что, пиши-ка лучше о тех, кто здесь – вон сколько достойных аксакалов. Каждый из них – полная чаша истории. Да и тебе на старость – благодарность.

А другой, давнишний приятель:

- Чтоб я ослеп, если увижу семью, не пострадавшую от той войны. Кто они тебе, эти немцы – брат, сват или нагашы? Мировой “интернационал” когда еще жить приказал. А ты немцев в сорок первом ищешь, напрасный труд.

Тогда в Джамбейте такое примерно состоялась «беседа». Собеседников помню поименно. Они были со мной откровенны.

Пройдут годы, и кто-то из них скажет мне или вслед моей памяти... Что-же? Он будет прав.

Арнау. Посвящение

В августе 2001 года, я нанес кұлақ – қағыс - визит своим знакомым в одном-двух учреждениях Уральска. Цель визита была обусловлена простой идеей: в год 60-летия депортации немцев в Джамбейтинский район Западно-Казахстанской области (октябрь 1941г.), организовать встречу уехавших на историческую Родину – в Германию – немцев со своими, коренными земляками – джамбейтинцами, которые первыми приняли их той тревожной осенью 41-го. К сожалению, и тех, и других остается все меньше и меньше...

Мы много говорим о дружбе народов, но, думаю, что ничто не заменит одну такую живую встречу – встречу земляков-побратимов. Ведь для нас, джамбейтинцев, немцы – не просто прибывшие сюда когда-то, по какому-то случаю люди. Эти люди навечно вошли в историю нашего края. В одном районе, в одном ауле 50-60 лет бок о бок жили, росли, трудились, роднились (язык не поворачивается сказать “представители двух народов”) соседи - көрші ағайын односельчане, которых связала общая беда, не смогли сломить годы лихолетья, жили по законам чести и братства.

С уехавшими (как и 10-15 лет назад, так и совсем недавно) в Германию, дружественные и родственные связи у джамбейтинцев не прерываются.. Однако, время идет. Не общаясь, и родные (кровные) братья, порой, становятся чужими. Вот почему эта встреча (юбилейная) стала бы наглядным проявлением внимания к людям, к их проблемам, конкретным подтверждением существования дружбы народов. К сожалению, такое не произошло. Подумаешь, жили-были в каком-то районе люди, да уехали...

Но я твердо уверен – не забудут Джамбейту наши немцы, расселившиеся по разным землям Германии, они помнят здешние места, друзей – соседей, в первую очередь, - тех, приютивших в тяжелое для всех время. Думаю, обо всем этом будут помнить и их потомки, которые, надеюсь, тоже станут нашими самыми искренними доброжелателями на многие годы.

Как примут уважаемые читатели этот сборник?
Уақыт көрсетер - время покажет.

Я не писатель и не историк. Есть люди, знающие джамбейтинских немцев не хуже меня, и они, возможно, тоже скажут о них свое слово. Я же сделал все, что смог - (қолымнан келгені) слушал рассказы-воспоминания очевидцев, некоторых из них хорошо знал, встречался с ними, беседовал. Просмотрел материалы, имеющиеся в областном и районном архивах (40-х – 50-х годов), касающиеся немецкого населения области, депортированных в наш Джамбейтинский район.

Мои рассказы о джамбейтинцах - немцах. Но в каждом из них присутствуют казахи. Без них тоже не получаются рассказы о наших немцах. Так что, наша “немецкая” книга посвящается всем джамбейтинцам 40-х, 50-х годов (уже прошлого века), труженникам военных лет и послевоенного восстановления.

Из казахского издания 2002 года где-то два десятка экземпляров мы могли передать нашим землякам за границу – в Германию. Выяснилось, что у них уже сложности с казахским языком. Забывают.

Настоящее издание на русском языке – перевод с казахского, - предпринят именно с учетом сказанного, в основном для джамбейтинских немцев, выехавших на историческую Родину.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ АЛМАТЫ АЯҚАУДАҒА

АЛМАТЫ АЯҚАУДАҒА

Ноябрь 1941-го года

(Краткая предыстория первых немецких поселенцев)

Легко ли покидать обжитые и согретые потом предков места, где родилось и выросло не одно поколение людей? И не просто расстаться, а под грозным конвоем (с автоматами) в считанные часы население всей Немецкой области загнано в “телячьи” вагоны и - на Восток. Тогда многие еще не понимали, что их, с вековыми корнями вросшие в волжские земли, срывали с родного очага, с земли родной - навсегда.

Прибывшие в Поволжье еще при императрице Екатерине Второй, по приглашению русского Правительства, немцы-колонисты за полтора-два десятилетия обустроились, хозяйство наладили основательно. Меры российского правительства в отношении приглашенных были обдуманными и долгосрочными: беспроцентная кредитная помощь на начальный период освоения новых земель и 30-летнее освобождение от всех видов податей. Структура местного и регионального управления немецкими колониями были утверждены в высшей госинстанции. В период становления немецких переселенческих колоний высочайшим Указом учреждена была “Канцелярия опекунов иностранных”, Президентом которой назначен некто-нибудь, а влиятельнейший во дворе граф Григорий Орлов.

Планы освоения Поволжских земель с привлечением немецких специалистов задумывались еще при Петре Первом. Германия в эпоху Петра I и Екатерины Великой была для русского двора вроде второго дома. Много было поводов у государственных людей ездить в Германию: учеба, лечебные воды, стажировка мастеровых...

Конечно же, сыграло роль и то, что Германия – родина Екатерины II, что она урожденная Софья Фредерика Августа Анхальт – Цербстская. Она, однако, в делах российских была более русской, чем некоторые вельможные природные россы. Государственные интересы России императрица, что ни говори, ставила превыше всего.

За привлечение рабочей силы из Германии взялись планомерно. Были выделены необходимые средства. Послы Российские в Европейских государствах (в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Голландии) получили конкретные задания. В течение нескольких лет проводилась подготовительная работа. Кого ни попадя, первых встречных “добровольцев” не брали. Проводился тщательный отбор. Во-первых – возраст и здоровье. Чтобы до Волги не на последнем издыхании добрались. Не владеющих каким-либо ремеслом, равно как и любителей выпить, просили не беспокоиться. Спрос был на специалистов, мастеров своего дела: кузнецов, плотников, скорняков, портных и других полезных людей. Особый спрос был на земледельцев и животноводов. Наводились справки о семейном положении, состоянии хозяйства и т.д. с целью проверки достоверности сведений, представленных потенциальным переселенцем о себе. Списки будущих колонистов уточнялись тщательно. Случалось, просачивались и случайные люди, но они со временем быстро покидали Россию – добровольно или принудительно.

Таким образом, в шестидесятые годы восемнадцатого столетия колонисты из Германии, простившись с Родиной в поисках счастья, стали заселять новые земли в России. Кроме Поволжья предлагались и другие районы России – Таврия, Одесская, Николаевская области. Сведения о том кто, откуда и когда приехал, тщательно хранились в архивах двух городов, но Саратовский немецкий архив спалил атаман Пугачев, а уцелевшие остатки его,

говорят, находятся в архиве г. Энгельсе (Саратовская губ). И еще, имеются списки переселенцев, прибывших через Балтику, и прошедших регистрацию в Кронштадте.

Пишу об этом потому, что наши, джамбейтинские немцы, являются прямыми потомками тех самых колонистов, добровольно приехавших в Россию осваивать пустующие земли по приглашению русских царей в 60-е годы XVIII века.

19 октября 1918 года декретом Совета Народных Комиссаров бывшие немецкие колонии были объединены в уезды Автономной области немцев Поволжья. Затем, в 1924 году область была преобразована в Автономную Республику немцев Поволжья. Но мирная, жизнь, налаженная здесь трудолюбивым народом, была разрушена через семнадцать лет. Началась война. 28 августа 1941 года Указом Верховного Совета СССР Немецкая автономия была упразднена. Сами жители республики рассматривались, как вероятные союзники противника и были оперативно депортированы в Казахстан и Алтайский, Красноярский края, в Омскую, Новосибирскую области. А в Поволжье остались освоенная земля, дома, имущество, домашний скот и все то, что было нажито честным трудом за многие годы мирной жизни.

Первые партии немецкого населения подлежащие депортации, (шестидесят четыре семьи) прибыли из Уральска в Джамбейту 2-го по 24-ое ноября 1941 года. А всего с 1941 по 1954 год зарегистрированы Джамбейтинской спецкомендатурой более четырехсот двадцати семей, предки которых родились в Поволжье, на юге России (Одесская, Николаевская области), а у некоторых – в приграничных с Поволжьем Самарской и Оренбургской областях.

В нашей области граждане немецкой национальности проживали в прилегающих к Автономной Республике немцев Поволжья в Джаныбекском и Каменском, а также в

самом Уральске и в ближних к областному центру – Теректинском и Зеленовском районах. В Западный Казахстан немецкое население стало переезжать в тридцатые годы – годы большого голода в Поволжье, с образованием крупных совхозов № 500, “Таловский”, “Шиповский”, конезаводов № 67 и № 117. В Теректинском районе два колхоза (им.Энгельса, “Розенталь”) в основном, были заселены немцами Поволжья.

Документов вышестоящих исполнительных органов о переселении первых партий граждан немецкой национальности в Джамбейтинский район я не нашел. Имеется другой документ - о переселении их из других районов области в наш осенью следующего, 1942 года. Это решение суж.заседания исполкома Западно-Казахстанского Совета депутатов трудящихся от 18 сентября 1942 года о переселении в Джамбейтинский район немцев, проживающих в Урдинском, Каменском, Джаныбекском, Зеленовском, Теректинском, Бурлинском районах. “В связи с приближением линии фронта к границе Западно-Казахстанской области и в целях обеспечения от возможных диверсий считать необходимым переселения немцев, проживающих в вышеперечисленных районах в Джамбейтинский район не позднее 1 октября 1942 года”.*

Каждой семье выделялась одна конная повозка (что влезет, то и вези: то ли самое необходимое из вещей, то ли детей и стариков).

Артур Эрнстович Вегеле, которому в том памятном году было семнадцать лет, вспоминает: “Даже самые необходимые из вещей не смогли вместить в телегу. Погрузили все, что влезло, и выехали на улицу Ленина в сторону моста через Урал. Мы трое – мать, сестра и я, - пошли пешком, а позади - милиционер”.

* Госархив ЗКО. Фонд 1121, Дело 221, л.37.

Выселенные из Уральска все 64 семьи были доставлены под надзор Джамбейтинской спецкомендатуры № 273, учрежденной в том же 1941 году.

Почему в Джамбейту? Бурлинский и Теректинский районы на Бухарской стороне расположены близко к стратегическим объектам: железной дороге и самой реке Урал, а в дальнем Каратобинском районе разместить такое количество семей составляло определенную трудность, к тому же и зима была не за горами. В Джамбейтинский район, где были такие совхозы, как “Булдуртинский”, “Таскудуский” и “Джамбейтинский”, являлся, по сравнению с Каратобинским, наиболее хлебным районом, да и потребность в квалифицированных рабочих кадрах здесь была больше. Учитывались, вероятно, и другие факторы.

Жилищную проблему тех лет нельзя сравнивать не только с сегодняшним, но даже с 50-60ми годами. Местные старожилы утверждают, что казахи более терпимы к жаре и холоду, если в достатке тезек, караган, тобылги – зимовать в земляных шалашах не так уже сложно.

Немцам же, у которых в Поволжье даже подвалы и погреба были обложены красным кирпичом, было нелегко в таких условиях, но выбирать не приходилось. Шла война. Да и у казахов – одно лишь преимущество, что местные, и имеют возможность поздно вечером добраться до своего угла, и насколько позволят “просторы” - вытянуться по всей землянке – «Айқай өз үйім – кең сарай боз үйім» .

А у немцев, кроме этих неудобств – холод, теснота, недоедание – были еще жгучая постоянная тревога, страх, – что будет с нами завтра!! Что их ждет? А если на улицу выставят, что тогда? Куда идти? Кому жаловаться? И думается, что была у них единственная надежда – это уповать на Бога, просить всевышнего спасти их души, молиться и учить молитвам своих детей. В те тяжелые

для них годы это придавало им силу духа, помогало выжить и выбраться, если не в родное Поволжье, то на свою историческую Родину через пятьдесят лет.

Разумеется, никто из знакомых немцев, с кем приходилось общаться в эти годы, об этом мне не рассказывал - даже в самых доверительных беседах, и не расскажет. Это мое личное предположение. Если я ошибаюсь, то прошу их простить. Я делюсь лишь собственными впечатлениями, которые сложились за годы совместной работы, встреч-общении с некоторыми из лиц немецкой национальности. Нам, более открытым и простодушным казахам, случается трудно понять строгую выдержанность характера этих людей. Тем более, что мы говорим о первых месяцах пребывания в районе. Рассказывает Марта Иоганновна Траутвейн: “В декабре 1942 года в совхозе “Смычка” под снегом соорудили кое-какое жильё из развалин заброшенного сарая без крыши и окон. Благо, брат Александр был мастером – строителем. Совхоз дал нам несколько досок, гвозди”. Остались в памяти те суровые дни и у пятилетнего тогда Евгения Алексеевича Эли: нас, четырех детей, мать сумела обогреть в первую зиму, приспособив угол коровника – сарая для жилья. Хорошо помню: мама говорила, что помогли соседи - казахи.

Артур Эрнстович Вегеле: “На первой ферме совхоза “Булдуртинский” (управляющий Рахмет-ага Шантиев) тесновато жилось, зато в тепле. Соседи дали кизяк, из совхозной пекарни в первые дни нам отпускали хлеб”.

Если бы немцев переправили в соседний Каратобинский район, то вряд ли смогли бы создать им даже такие условия жизни, о которых сказано выше. Вероятно, и руководители области понимали это.

О том, как встречали джамбейтинцы в 1941 году первых поселенцев-немцев, документы не сохранились ни в аулах, ни в самом райцентре. Но имеется кое-что о вто-

ром этапе выселенцев, прибывших в район осенью 1942 года. Вот “план” расселения немцев по аулам района.

10 октября 1942 года.

Совхоз “Смычка” - из Каменского района 18 семей – 65 человек.

Совхоз “Таскудукский” - из Зеленовского района фермы № 1 совхоза “Шиповский” - 20 семей – 79 человек, фермы № 2 – 8 семей – 47 человек.

Колхоз “1 Мая” из Урдинского района – 4 семьи – 17 человек.

Как видим, решение облсовета о завершении переселения немцев не позднее 1 октября выполнено с большим опозданием, выселенцы-немцы прибывали и в декабре!

Есть еще “разнарядка” райисполкома от 18 декабря того же 1942 года. По которому следует, что за три дня в район были доставлены 162 семьи (717 человек), из которых 52 – дети, не достигших двенадцатилетнего возраста.

Из Зеленовского района – 36 семей, 185 человек, 57 из них – дети до 12 лет.

12 декабря председатель райисполкома Б.Уалиев шлет директору Джамбейтинской МТС Елеугалиеву и председателю Шолак-Анкатинского аулсовета Нысанбаеву следующее указание: “При отправке немцев из райцентра в хозяйства района, чтобы их дети не замерзли, организуйте для них надежный транспорт, валенки, войлок и другие теплые вещи...”*

Вот еще один документ того периода: “Председателям колхозов и аулсоветов Джамбейтинского района. 23.02.1943г.

Из поступающих к нам сведений известно, что на местах пребывания немцев, в ряде колхозов отсутствуют элементарные условия существования последних. Им не записываются трудодни, они не обеспечены хлебом и топ-

* Госархив ЗКО. Фонд 1121, Дело 221, л.15

ливом. Это безобразие! Партия и Правительство такое отношение к людям немецкой национальности считают недопустимым. Поэтому районный Совет депутатов трудящихся поручает вам следующее:

1. Всех немцев, согласно их заявлениям, принять в ряды колхозников.

2. В зависимости от выполненной ими работ производить правильную запись трудодней.

3. Слабым и больным среди них оказывать необходимую помощь.

4. Об исполнении доложить в райсовет народных депутатов не позднее 25.03.1943г.

Председатель исполкома Джамбейтинского
районного Совета народных депутатов
Бактыгали Уалиев”*

В Джамбейтинском районе и до прибытия спецпоселенцев жили несколько немецкие семьи. Это:

- Граф Александр Иванович, 1906 года рождения, рабочий конезавода № 117. Его дочери Лидия Александровна, 1935 года рождения и Фаина Александровна, 1940 года рождения.

- Линдт Андрей Давыдович, 1914 г.р. тракторист конезавода № 117.

Остер Людвиг Рафаилович, 1919 года рождения – ветврач совхоза “Таскудукский”

- Штромбергер Александр Андреевич, 1897 года рождения, работал бухгалтером совхоза “Булдуртинский”

- Вебер Циля Георгиевна, 1916 года рождения – агроном совхоза “Булдуртинский”. Ее дочь, Джема Антоновна, 1936 года рождения.

- Винтер Александр Андреевич, 1903 года рождения – бухгалтер-счетовод конезавода № 117.

* Госархив ЗКО. Фонд 1121. Дело 221, л.14

Прилагаю неполный список первых спецпереселенцев, доставленных в Джамбейту в ноябре 1941 года. В списке указаны только главы семей (не всегда старшие по возрасту) на тот период времени. Все трудоспособные мужчины были мобилизованы в трудармии или в рабочие колонии. Мужчины соответствующего возраста уже были отправлены до выселения, а из числа прибывших призваны в трудармии через военкомат в декабре 1941 года и в начале следующего 1942 года. Например, выселенные из Уральска Альдергот Эмилия Христиановна (1906 года рождения) и Альдергот Лидия Филипповна (1914 года рождения) – жены двух братьев. Муж первой, Готфрид Генрихович, прибывший вместе с семьей был отправлен в трудармию 12 марта 1943 года, а муж Лидии Филипповны, Давид Андреевич, был призван на “трудфронт” до депортации и больше о нем ничего не известно.

В списке имеются одна фамилия Кремер и три фамилии Креймеров. Первый из них в период депортации находился в трудармии или в заключении в трудколонии г.Копейске Челябинской области. После прибытия его семьи в Булдурту, на него пришла “похоронка”. Умер от болезни. А в семье остались дочь Регина Яковлевна, 1928 года рождения, сыновья - Давид и Карл – умерли после переезда в совхоз. В нашем списке только фамилии их матери.

В семье Креймер Е.К. – сноха Софья Самойловна, внук Николай Андреевич, 1940 года рождения и младший сын Александр Иванович.

Супруги Креймер А.И. и Е.И. приехали в Джамбейту вместе: сын Иван – токарь, Александр, 1935 года рождения, дочь Мария, 1940 года рождения.

Александр Иванович был механизатором широкого профиля. Через два месяца его забрали на трудовой фронт. Креймер Филипп Андреевич – инвалид, от мобилизации был освобожден. В семье: Роза Андреевна, 1885 года рождения, сыновья – Филипп, 1930 года рождения; Карл, 1937 года рождения; дочери – Анна, 1929 года рождения, Тереза, 1928 года рождения – трактористка. В 1954 году работала в бригаде первоцелинников. В списке указали только Филиппа Андреевича. И весь список заполнен по такому принципу. На каждую семью в пятидесятые годы Джамбейтинская спецкомендатура имела личные дела. Они и являлись основными источниками информации, наши земляки указаны так, как они значатся в архиве МВД. Многие из них названы по-русски – “Иванович”, “Андреевич” и т.д. Родные братья – один Генрихович, а другой – Андреевич. Возможно, теперь, проживая на своей исторической родине в Германии, эти люди исправили свои имена и фамилии согласно правилам немецкой орфографии и правописания (на родном языке).

В списках райисполкома и сельских советов путаницы еще больше: Периг – Берг, Бител – Питтель, Газ – Гаас и т.д. У некоторых вариантов фамилии еще больше: - Гинец – Ганц – Гейниц... Поэтому, возможно, имеются искажения и другие неточности фамилий, имен и отчеств. Прошу читателей при возможности свои поправки и замечания сообщить мне (через джамбейтинский районный архив).

Уточнение фамилий автор просит в связи с намерением (планом), чтобы в будущем восстановить полный список немецкого населения области депортированных в наш район в 1941-1954 годах.

Немецкие семьи, выселенные из г. Уральска

в Джамбейтинский район

2-24 ноября 1941 года *

№	Фамилия, Имя, Отчество	Год рождения	Аулы- пункты расселения
1.	Альдергот Эмилия Христиановна	1906	Коздигара
2.	Альдергот Лидия Филипповна	1914	Джамбейта
3.	Бенцлер Елизавета Егоровна	1891	Булдурта
4.	Борнеман Лидия Георгиевна	1894	Джамбейта
5.	Браун Мария Петровна	1897	Кара-кудук
6.	Брунгард Варвара Богдановна	1908	Арал-тобе
7.	Вегеле Лидия Андреевна	1892	Булдурта
8.	Вервейн Александр Карлович	1896	Арал-тобе
9.	Вольф Карл Андреевич	1914	Арал-тобе
10.	Граф Георгий Георгиевич	1886	Тнали
11.	Гибшер Эмма Адольфовна	1893	Атансай
12.	Герц Иван Федорович	1892	Кара-оба
13.	Гюнтер Вильгельм Фридрихович	1879	Таскудук
14.	Гейнц Василий Филиппович	1913	Джамбейта
15.	Гейнц Филипп Филиппович	1894	Джамбейта
16.	Гильд Мария Мартыновна	1890	Булдурта
17.	Гроссер Владимир Рихардович	1925	Атан-сай
18.	Гросс Клавдия Александровна	1910	Аккудук
19.	Генза Анна Карловна	1920	Тнали
20.	Гутарева Александра Петровна	1912	Атансай
21.	Гергерт Давид Филиппович	1886	Арал-тобе
22.	Дэрр Христиан Давидович	1907	Арал-тобе
23.	Дэссерт Клара Петровна	1916	Кара-кудук
24.	Дитман Валентин Гергардович	1935	Булдурта
25.	Кремер Мария Карловна	1905	Булдурта
26.	Креймер Елизавета Кондратьевна	1875	Кара-кудук
27.	Креймер Елена Ивановна	1909	Аще-сай

* Всего за 1941-43гг в Джамбейтинский район из г.Уральска и рай-
онов области высланы 267 семьи – 974 человека.

28. Креймер Филипп Андреевич	1890	Когерис
29. Клепп Густав Францевич	1913	Джамбейта
30. Ленц Мария Генриховна	1894	Джамбейта
31. Люфт Елизавета Федоровна	1898	Аще-сай
32. Макарычева Элла Ивановна	1901	Арал-тобе
33. Нацаренус Артур Андреевич	1930	Ала-тау
34. Рауш-Соляникова Гильда Ивановна	1905	Арал-тобе
35. Рифферт Эмилия Яковлевна	1896	Арал-тобе
36. Стеффен Антонина Михайловна	1847	Булдурта
37. Фрицлер Роланд Карлович	1912	Булдурта
38. Флеглер Доротея Генриховна	1916	Булдурта
39. Шейкина Екатерина Филипповна	1907	Батпакты
40. Штрейс Эрнст Михайлович	1893	Атан-сай
41. Шмидт Христиан Лукьянович	1885	Когерис

26

1930

1901

1907

1916

1912

1896

1898

1894

1847

1913

Одна беда на всех

Всякая война – это смерть и неисчислимые беды. Особенно вторая мировая война, самая близкая к нам, перекалечила судьбы многих народов. Её ужасы порой были такими, что живые завидовали мертвым.

Простым людям трудно разобраться в причинах и других перипетиях большой войны. Наши в ауле знали одно: войну начал Гитлер, а Гитлер – немец, а если ты немец – значит враг. Мать, получившая “похоронку” на единственного сына, горько оплакивая его, шлет проклятия кому? – Немцу. Попробуй, переубеди, объясни этой, убитой горем женщине, что Гитлер – еще не весь немецкий народ, народ цивилизованный, трудолюбивый, имеющий свою высокую культуру и живущий в самом центре Европы.

- Цивилизованный, говоришь? А что этому цивилизованному нужно в чужой стране?

- Культурный, значит? Разрушать, поджигать, насиловать, убивать. Это его культура?

И как той же матери объяснишь, что на немецкой земле родились и творили великие Гёте, Шиллер, Гейне, Маркс?

Казахи с восхищением читают на родном языке прекрасные поэтические строки: “Горные вершины спят во тьме ночной”... Их перевёл Абай, читая на русском языке Лермонтова, а он, Лермонтов, перевёл их с немецкого за сто лет до Гитлера. Автором, перед гением которого преклонялись два великих поэта, является немец Гёте. Это он подарил миру такие вдохновляющие, поющие стихи. Даже после двух переводов, на третьем языке, они, уводят меня в широкие степные дали, возносят на вершины родных гор, вобрав в себя необъятные просторы родного края.

Конечно, сейчас и казахи, и все другие народы знают кто есть Гитлер и кто есть немецкий народ. А тогда, черной осенью, в ноябре 1941 года, когда смертельная опасность нависла над самой Москвой, когда каждый божий день уходили на фронт отцы, братья, сыновья, когда с тревогой и надеждой ждали вестей с фронта. Как думалось людям тогда? Ждали солдатских треугольников, а получали “похоронки”. В тот период кого могла интересовать история народа, проживающего более 175 лет на русской земле, называющего себя российскими немцами.

Их (немецкие семьи) в наши аулы доставляли неожиданно. Даже аульный узункулак не успел что-то передать с опережением, как это обычно принято. Может, такая ситуация сыграла некоторую положительную роль? Мобилизованный из города казенный транспорт где-то в конце ноября, в начале поздних осенних холодов доставлял в дальние аулы детей, женщин, больных стариков, которые некоторое время оставались прямо под открытым небом. Надо было подыскать им жилье, потеснить тех, кто и так ютился в тесных землянках. Тут приказами – угрозами только усложнишь дело. Я не раз подчеркивал, что большинство прибывших семей были многодетные. Думаю, именно дети стали тем решающим фактором, что некоторое отчуждение местных жителей прошло в считанные часы. Многие аульные женщины и без указания колхозных бригадиров сами стали приглашать, в первую очередь, семьи с детьми в свои бедные жилища, и поэтому не случайно тогда, в ноябре-декабре 41-го, ни одна немецкая семья на джамбейтинской земле не осталась на улице.

Кумисшаш Апай (аул Кызыл-агаш) рассказывала: в ноябре или декабре, утром, проснувшись, увидели на такыре перед домом женщину с грудным ребенком, к ней прижались еще двое-трое маленьких. Как бы ни худо-бедно жили казахи, а потеснились, освободили угол в зем-

лянке, поделились вечерним айраном или последним то-стаганом-коже. Да, трудное было время для всех. Тогда вроде мы и не задумывались, что прибывшие – немцы. Они с первых дней очень подружились с нами, джамбейтинцами, делились, как и мы, всем, что сами имели, и сразу же впрягались в сельскую работу.

Бывало, случались и недоразумения. Прибывших расселяли не только в райцентре Джамбейте, но еще в 20-ти населенных пунктах – аулах. В Шидерты сопровождающий конвоир или арбакеш (по незнанию или по болтливости) объявил, что привезли немцев-военнопленных. Почему-то такое известие шокировало многих местных. Но большинство шидертинцев возражало: какие они пленные – дети да женщины! Срочно приехавшего представителя комендатуры переселенцы слезно упрашивали разъяснить, что они не военнопленные, они – советские. Их мужья в трудфронте, они никогда не воевали. Потом разобрались. Случай может быть единичный, но остался в служебном рапорте сотрудника райотдела. Замечу, что в то время далеко в степи многие казахи плохо говорили по-русски (как и конвоир), а немцы – не знали казахского языка. И всё же до прибытия арбитра, даже при отсутствии языкового общения, часть немецких семей была определена под крышу.

* * *

Немного истории.

Прибывшие в тридцатые годы прошлого века по своей воле на работу и пустившие уже свои корни в Западно-Казахстанской области немцы испытали те же беззакония, что и их соплеменники, насильственно сосланные в Сибирь, на Север и в глубь восточных районов распавшего Союза с территории бывшей немецкой автономии в Поволжье.

С ноября 1941 года все немцы, проживающие в районах, прилегающих к бывшей немецкой автономии (Джаныбекский, Урдинский, Каменский и др) и г.Уральске были выселены с правого (Европейского) берега Урала в Джамбейтинский район. Только в самой Джамбейте поселились более 50 таких семей. Нам, казахам, издревле живущих на земле своих отцов и дедов, нелегко понять, трудно даже вообразить, что это такое насильственное переселение.

Почему же своих немцев, живущих в Западном Казахстане, в своей же области, было необходимо собрать в наш же Джамбейтинский район? Прежде всего, с целью сосредоточить все семьи немецкой национальности в одном месте и поставить их под контроль соответствующих государственных органов. А о том, есть ли возможность в районе создать спецпоселенцам хотя бы минимальные условия жизни, никто ни у кого и не спрашивал.

Сегодня мало кто знает, как жилось людям в те годы. О сорок первом ничего не скажу, а вот сорок шестой год остался в моей памяти. В Жетиколе, например, в крохотной мазанке – размером в одну комнатку проживали две семьи. И это было нормальным явлением того времени. Не хуже и не лучше других. Повторяю, это был сорок шестой год, когда уже была “налажена” жизнь переселенцев. А каково было в сорок первом году, в самом начале войны, трудно представить.

Основной контингент спецпоселенцев составляли женщины и дети. Мужчин было мало. Они были согнаны на тяжелые работы в Сиблаг, Карлаг, Воркуталаг и другие ЛАГи.

В семье Карла Богдановича Риффеля росли пятеро детей. Будущему Герою Социалистического Труда было тогда тринадцать лет. У Амалии Егоровны Цых – шестеро детей. В совхозе “Таскудукский” Полину Ивановну

Зоммер доставили с детьми – их было пять. При всех трудностях все эти дети выжили, выросли и выбились в люди благодаря огромному трудолюбию их родителей, их безмерной воли к жизни и бескорыстной помощи местного населения. Сегодня каждый из этих детей имеет свою семью, воспитывает своих детей и внуков. Например, семья одного из пяти братьев – поселенцев в Булдурте, пятнадцатилетнего тогда паренька Норуса Берга сегодня вместе с детьми и внуками составляет целый аул. И таких примеров немало.

Прибывшие в трудное время не по своей воле люди сумели преодолеть превратность судьбы, прижиться на новом месте и пустить корни.

В самой Джамбейте жили – работали электромонтер Кригер, валяльщик Цых, механик – мельник Моос. Среди немногих мужчин, прибывших на поселение, были трактористы, комбайнеры, токари, слесари, кузнецы и овощеводы – все они с первых же дней зарекомендовали себя хорошими специалистами, умелыми тружениками.

Они быстро освоили поступившую в пятидесятые годы сельскохозяйственную технику, отличались своей организованностью, трудолюбием, высокой дисциплиной труда. Благодаря этим качествам, неутомимые механизаторы и животноводы совхозов “Правда”, “Булдуртинский” и “Таскудукский” постоянно добивались высоких результатов труда, и немалая их заслуга, что эти совхозы до 80-х годов считались по праву среди лучших в области.

Более пятидесяти лет прошло, как прибыли первые немцы - поселенцы в Джамбейтинский район. Все эти годы с детьми многих из них вместе росли и дети местных жителей, вместе ходили в детский сад, учились в школах, со многими спецпоселенцами местные казахи породнились, стали сватьями. Вместе работали на совхозных полях и животноводческих фермах, и всегда немцы отлича-

лись завидным трудолюбием. Среди механизаторов, например, ныне покойный Эдуард Карлович Риффель первым в районе был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Своим трудом добились почета и уважения местного населения и все остальные поселенцы. Кому выпала судьба, из числа прибывших в 1941-42 годах, нашел вечный покой на этой земле, но многие из тех, кто уцелел, выжил, в последние десять лет изъявили желание переехать на свою историческую родину, в Германию, и покинули обжитые места, оставив добрый след на Джамбейтинской земле.

В настоящее время в хозяйствах, где проживали спецпоселенцы, осталось не более десятка семей, да и те уже собираются уехать. Эти люди, прожившие столько лет на другой земле, с другим народом, делившие с ним и горе, и радость и породнившиеся с местными жителями, сумели сохранить свой язык, свою культуру, обычаи свои. Такие люди вызывают только восхищение. Это - уже воспоминания джамбейтинцев две тысячи третьего года.

Нельзя не сказать о выдержке и долготерпении этих людей. Жить приходилось в режиме постоянного "прослушивания" почти 15 лет, когда нельзя было ни шага шагнуть, ни слова вымолвить, ходить только там, где положено, сидеть только там, куда укажут. Как они работают, где отдыхают, о чем говорят - все было под неослабным контролем спецкомендатуры, хотя и являлись эти люди гражданами одной из мировых держав - СССР. И как бы то ни было, совместный труд, совместная жизнь немцев - спецпоселенцев с местным населением в течение полувека - это одна из незабываемых страниц истории двух народов.

Интересная история получается. Когда-нибудь кто-то из специалистов-языковедов обратит внимание (может уже есть такие ученые записки) - на казахский язык нем-

цев Казахстана. Казахи - от простодушия ли, или, они, имея ввиду сегодняшнюю проблему родного языка в целом, когда начинают говорить о бывших своих земляках – первое это – "ой, қазақшасы қандай еді"! Об остальном, какой он был хорошим соседом – расскажет потом. Я тоже вспомнил.

Однажды (где-то конец 60-х) по службе находился в кабинете предрайисполкома Георгия Георгиевича Графа (Георг Граф). Развернув районную газету "Кызыл-ту", он по телефону разговаривал (қазақша) с редактором Уали Султановым: "Уали, звоню по дружбе. Знаешь, твою газету читаю с удовольствием. Просьба, в обращении к Пеленше-ака – у этого слово ... ведь прекрасная замена, - как и по-казахски тоже "синоним" дейме? Слово-то приятное и звучит помягче.

... - Ие. Знаю. Красив и богат наш язык (это он говорит о казахском). Так и надо писать.

Раньше я много слышал какие доклады делает Граф, о том что его казахскую речь – заслушаешься. Несколько раз лично убедился, что предрайисполком "не простой казах".

До прибытия немцев в Джамбейте жили несколько семей давнишних – "коренных" жителей – русские. Они тоже знали казахский. Но слушая казахскую речь немцев, трудно поверить, что они говорят не на родном. Одной из причин того, возможно, является то, что все выселенцы-немцы – казахстанцы. Абсолютное большинство их – немцы, переехавшие в Западный Казахстан из Поволжья еще в тридцатые годы в совхозы "Таловский", "Шиповский", конезаводы № 61, 62 Урдинского района, в г.Уральск, Теректинский и Бурлинский районы, где жили – общались с казаками и имели кое-какую языковую практику. А вот послевоенные советские переселенцы и целинники уже не проявляли таких способностей и стремления к

казахскому, да и необходимости такой уже не было – русский язык повсеместно становился державно – государственным в союзных республиках, доминируя над национальным.

Прошлым летом беседовал с несколькими джамбейтинскими аксакалами, ветеранами уже послевоенных лет: “Они работали беспрекословно и хорошо. Совсем уже бессовестно было бы к ним придираться за то, что они – немцы”.

Много значило то, что они всего за несколько месяцев освоили казахский – и взрослые, и дети. А казах тому, кто с ним говорит на его родном языке, готов отдать последнюю рубашку.

Как не стать таким немцам своими, родными для джамбейтинцев!

Первое “знакомство”: джамбейтинские Дислинги

Была зима 1944-го, или 1945-го, точно не помню. В маленьком ауле Жетикуль, что в 12 километрах от Джамбейты, в четырех-пяти саманных лачужках, занесенных снегом по самую печную трубу, жили двенадцать-пятнадцать семей. Наше жилище, возле единственного огромного карагача, сраженного молнией еще в 70-е годы, состояло из четырех “однокомнатных квартир”, где жили большие и малые семьи. Каждая от другой разделена небольшой печкой, рядом – тезек, теленок, всякая домашняя утварь.

Родители уходили на работу рано – мы спали, и возвращались очень поздно – почти ночью. Каждая мама закрывала детей в своей комнате – “клетушке”. И мы из дома выходили редко.

Однажды из райцентра приехал мальчик повзрослее нас. Он выпустил всех нас “во двор”. Дверки были снаружи завязаны тесемочками – замков мы не знали. От этого мальчика я узнал, что у них за печкой живут – немцы! Баке, наш вожатый, видимо “вдохновил” малышей, и мы подумали, что за той печкой – наши враги. Мы гурьбой горстями носили снег со двора и через открытый верх азиатской теплушки открыли “огонь” - забросали снегом, наперегонки, с азартом! Потом стали “бомбить” сверху, через печную трубу. По данным нашего предводителя за печкой находились “маленькие немцы”, но оттуда никто не подавал голоса. Когда все-таки мы ворвались туда, за дверью, как сейчас помню, прижавшись друг другу, стояли двое малышей (примерно нашего возраста) – мокрые и худые. Сами мы были тоже немощные – малышня военных лет, но их мне стало сразу жалко.

Дети старшего из джамбейтинских Дислингов Климентия Александровича - Александр, Анна, Анатолий.

Глиняный пол превратился в жидкую грязь, которая уже сочилась за порожек. И мы, тоже босые, одетые в старые тряпья, стояли в той грязи, как и они. Постояв немного фронтом, разошлись по домам.

В тот день я уснул, не дождавшись маму. На следующий день вернулась она пораньше, и я получил такой “шапалак”, которого не забыл до сих пор:

- Тапқан екенсіңдер жауды ! Что скажу их матери – Олардын шешесінің көзіне не бетіммен қараймын?? Они тоже дети Аллаха - Оларды да жаратқан бір құдай!

А наш сосед Кенжегара-ага, отец Баке, был человеком крутого нрава. Он и в будни (без таких “ЧП”) скор на расправу. Он и наказал сына по-настоящему. Вместо поясного ремня сверх жадагай пользовался арканом из конских волос, собранного в несколько кругов - қыл арқан .

Это, наверное, жестче и больнее. (Так говорю потому, что мой отец, умерший рано, никаких орудий устрашения по отношению ко мне не применял). На другой же день Бэкеңа с первой попутной повозкой (досрочно) родители отправили в школу. А я был надолго закрыт в своей “клетушке”.

* * *

Матери тех малышей – воробышков я так и не увидел. Она с моей мамой и другими женщинами работала на животноводческой ферме (сыир пермі). Кроме работы на ферме они возили сено за 10-15 км от аула. Несколько повозок, запряженных по паре рабочих волов – огиз – выезжали с первыми петухами, а возвращались поздней ночью. Лопатами выкапывали небольшие копнёшки из-под снега, потом вилами выдергивали спрессованное мерзлое сено и грузили его на 5-6 возов.

Мама рассказывала, что в те годы снега выпадало намного больше. Летом в колхозе как следует скирдовать сено не успевали. А мелкие копнёшки полностью заносило снегом. Иногда приходилось долго искать эти копна.

Работали на морозе весь день. Где-то к закату огизский свой караван усталые женщины направляли в сторону аула. Животные сами находили санный след. Случались и бураны – метели. Иногда ночи коротали в степи, зарываясь в возки с сеном. И с собой не брали ни кусочка хлеба (мать об этом даже не обмолвилась, если бы спросил – ей было бы непонятно – как это, брать хлеб с собой...)

* * *

В ту зиму немцев - соседей нашего Баке куда-то увезли. Об этом я узнал в конце марта или в начале апреля, когда нас, наказанных, стали выпускать “во двор”; мы кучковались на солнечной стороне, грелись рядом с курами.

Из нашей семьи на войну ушли пятеро: двое родных братьев отца и трое его сыновей. Вернулись только двое. Такое горе коснулось миллионов советских семей. Казалось бы, сердца пострадавших должны были ожесточиться не только против немецких фашистов, начавших кровавую бойню, но и против всей германской расы. Но такого не наблюдалось. Все видели, как “наши” джамбейтинские немцы, глубоко переживали навалившуюся на всех беду, как им было стыдно за неслыханные злодеяния единокровников-немцев. Они, как все советские люди, самоотверженно трудились на полях, на фермах, стараясь приблизить победу над общим врагом – немецко-фашистскими захватчиками.

Лично я четко запомнил то, что моя мама испытывала искреннюю жалость и уважение к женщине-немке, жившей с нами по-соседству, а для меня их дружеские отношения послужили мудрым уроком - уроком справедливости.

Кем была та женщина, и где сейчас её семья? Пока то да сё, мама, старшая сестра Зулейха и другие, кто бы мог помнить их, ушли в мир иной. Теперь и спросить-то некого.

В памяти осталось, когда той же весной старшая сестра, приехавшая из интерната на каникулы, упрекала маму. Мол, что за щедрость – раздаривать свое добро, когда сами непонятно каким чудом выживали в ту зиму. Оказывается, когда уезжала в зимние морозы наша соседка, чтобы укрыть ее детей, мама отрезала часть кошмы, которой был покрыт земляной пол нашего жилища. Видимо, ничего другого у неё под рукой не было. Ни цвета, ни узоров той кошмы не помню. Веками, в худые времена, казахи благодаря кошме выживали в лютые зимы в юртах. Добротный кииз – под себя посте-

лить, себя укрыть и крыша над головой. Сегодня висит она – кошма-кииз в музее, в старинных узорах – с разноцветным орнаментом. Вряд ли нынешняя молодежь понимает, что означало кииз в долгой истории выживания наших предков.

* * *

История, похожая на “отрез кошмы”, повторилась, когда мы переехали в Джамбейту. Жили во времянке у дяди, Сайжана Ахтанова. Дело было, опять же, зимой. В дверь постучали. Мама открыла и увидела цыганку, держащую на руках совершенно голенького ребенка. Мама была в доме хозяйкой, и сама принимала решения. На случай ночёвки гостей было у нас “шахматное” одеяло. Так вот, недолго думая, мама это одеяло – пополам, и одну половинку отдала цыганке. Прихожу из школы – женгей ходит, обиженная на мать, а брат молчит – он, даже если мать единственную корову отдаст, слова не скажет.

Через несколько дней из Таскудука приехал Шакен жездем. Острый на язык, узнав об истории с одеялом, не смог удержаться от заковыристой шутки: “Только что, вот – из соседнего дома, тоже цыганка вышла, и мальчонка у неё – красный комочек – қызыл-шақа. Если б знал, привёл бы её к вам, всё равно ведь от оставшейся половинки толку мало. Отдать ей, и дело с концом. Кошму – немцам, одеяло – цыганам... В следующий раз, когда к вам соберусь, не забыть бы корпешку захватить”. Мама, как это могла только она, коротко осадила шутника: “Когда сами по свету мыкались, сколько добрых людей нам помогали. Нельзя смеяться, когда бедствующим помочь надо”.

Оставшаяся половинка “шахматного” одеяла еще долго служила ковриком у нашего порога.

* * *

То, что в Жетикуле были какие-то Дислинги, слышал много раз, но всё как-то пролетало мимо ушей, пока не появилось время для размышлений.

По архивным документам, в Джамбейтинском районе с такой фамилией было несколько семей? А мои “знакомые”, те два воробышка – чьи они, которых Дислингов?

Осенью 1942 года из совхоза “Шиповский” Каменского района прибыли Дислинг Климентий Александрович, 1904 года рождения, жена Елизавета Фокеевна, сыновья Эйбергардг и Александр, дочь Анна. По возрасту они намного старше нас (им было по 15-18 лет), могли бы и уши нам надрать. Возможно, это были не они. К тому же, отец у них тракторист, его сразу на Джамбейтинскую МТС бригадиром определили, а оттуда – в Джамбейтинский совхоз. Оба сына женились, Эйбергардг много лет работал кузнецом.

Вторые Дислинги – семья Адольфа Александровича, 1907 г.р. В декабре 1942 года по обвинению в антисоветской деятельности он был этапирован в Магадан на 10 лет. Супруга, Вера Андреевна Гаас, осталась с дочерью Марией и сыном Мильхором. Дядя Адольф оказался крепким парнем. После полного отбытия срока вернулся из Магадана и до пенсии образцово трудился в Булдутинском совхозе кузнецом. От сына Мельхора баловал внуков: Андрея, Виктора, Альберта и Елену. Все они (внуки) получили высшее образование и хорошие специальности. По прибытии в Джамбейту, эти Дислинги, вроде бы, сразу были переправлены в Булдуту.

Третья семья Дислингов (по списку спецпереселенцев) – Дислинг Мария Ивановна, 1882 г.р., сын Александр Александрович, 1918 г.р., дочь Регина (Рая), 1923 г.р. Жена другого сына Мильхора, Эмилия Александровна с дочерьми Марией и Раей (по 7-9 лет). Сын, Сальвадор, отправ-

лен в Темиртау, на учёбу в ФЗО. Сперва они были распределены в Джамбейте, сохранился их временный адрес: ул. Новый Свет, 18.

Эмилия Александровна до 1952 года работала комбайнёром-трактористкой. В конце войны она признана в районе (по двум МТС) лучшей среди женщин-девушек механизаторов. Александр Александрович был шофёром, трактористом. По прибытии в район работал на плантации колхоза “Жас кайрат”. Позже семья этих Дислингов переехала в совхоз “Булдуртинский”. С 1962 года и до пенсии работал плантатором совхоза “Улентинский”. Его дочь Эмма, 1949 г.р. до недавнего отъезда в Германию в районном быткомбинате работала мастером – в районе и в области модно было носить ее “знатные” великолепные дублёнки и кожаные плащи.

Мария Ивановна к моим “знакомым” не подходит. “Мария-Марьям” для казахского произношения не составляет труда. Запомнил бы и я. Из всех немцев, проживавших в самой Джамбейте в 50-е годы, наши близкие родственники лучше всех знали Раю Дислинг – Регину Александровну, “нашу Раю”. Она некоторое время жила и работала в колхозе “Арал-тобе”. Думаю, она не забыла Мугилсин женгей, Мурат-ага Айткалиева, Сармухановых, ставших ей близкими в тот послевоенный период.

Мама упоминала “Амалию”. Имя “Эмилия” из-за первой буквы “Э” считается трудно произносимым. “Э” зачастую для аульных казахов того времени – это “А”. Эмилию Александровну в Жетикуле женщины-доярки на свой лад, возможно, так и звали – Амалия.

Выходит, зимой 1944-го или 1945-го в ауле Жетикуль колхоза Арал-тобе, что в 12-ти километрах от райцентра Джамбейты, находилась Эмилия Александровна Дислинг с двумя дочерьми – Марией Мильхоровной и Региной Мильхоровной! По возрасту, и потому, что их у матери

двое и в семье тогда не было отца, имена двух девочек значатся в “деле” спецпереселенки Э.А. Дислинг. Да и сверка состава семей по именам мальчишек и девочек того возраста всех джамбейтинских Дислингов того периода вроде подтверждают наши предположения. Я почти уверен, что это они. Помнят ли Дислинги сегодня, богом забытый Жетикуль, временное их пристанище в суровые сороковые годы?

Если сведёт судьба встретиться с кем-нибудь из них – ни озорством, ни глупостью мы не смогли бы оправдать тогдашний наш детский проступок. Баке нашего давно нет. А вам, девчонкам Дислингам, дай Бог, уже под семьдесят. Простите, почтенные бабушки!

Видимо, уже в ту зиму Эмилия Александровна (жаль, так и не мог уточнить её девичью фамилию – по отцу) с детьми жила отдельно от старших Дислингов. Возможно, так распорядилась комендатура, отправив её временно на ближайшую от МТС ферму, и через несколько месяцев, к началу ремонтных работ, кадрового тракториста-комбайнера отозвали в другой колхоз – туда, где посчитали нужным.

По рассказам старожиллов, после выхода приказа МВД № 00713, в 1954 году из Джамбейтинского района первыми из Дислингов выехала Эмилия Александровна с детьми; говорят, уехала в Джамбульскую область (станция Бурная).*

* * *

Как вы могли заметить, – Климентий, Адольф, Мильхор, Александр – у всех отцов звали Александр. По-русски – одинаковое отчество. Место рождения тоже – Кантон Marxstadt Поволжской немецкой автономии, распо-

* Сырымский филиал Госархива ЗКО. фонд 42, опись 2, дело 386.

лагавшейся на землях от Камышина по Волге до Большого Иргиза на Севере. Дальние предки – из швейцарского местечка Soloturn-Witmann. Так вот, сижу и думаю: может быть, все эти Дислинги, не просто однофамильцы?

Знаю только, что Мария Ивановна всю жизнь жила в семье сына Александра. У казахов мать живёт у младшего сына. А Александр Александрович – тоже младший из наших Дислингов. Выходит, все джамбейтинские Дислинги – родные братья, а не однофамильцы “Ивановы”, как я подумал в начале работы по спискам МВД. И по возрасту всем “Александровичам” Мария Ивановна – мать.

Казахи, и не только казахи, судят о человеке по тому, как он чтит и заботится о родителях – почтительно и почетно, с глубоким уважением и благодарностью принимает и провожает их друзей, близких, знакомых, всех тех, кто идет к ним по делу или просто так – “Сәлем беру”. В этом смысле в совхозе “Улентинском” часто приходилось слышать, что дядя Саша Дислинг и Екатерина Ивановна (Зоммер) – пример для многих казахов. До выезда из аула и нашу маму нередко приглашали к себе Дислинги. И она сама также регулярно приглашала к себе аульных бабушек и дедушек. Это конец 60-х годов. Тогда я еще “не болел” историей наших немцев. Спешил на работу. А какой интересный «әңгіме» у них за чаем – они за дастарханом вспоминают былое со всеми подробностями. Сколько огорчения и радостей, сколько имён и фамилий оживают в их устах! Только и запомнил, о чём мама несколько раз рассказывала.

- Раю видела, подолгу разговаривали – подробно расспрашивала о всех наших близких – ельтайских, аралтобинских... Фамилия её была уже Маркварт, а сына звали Виктор. Она родная сестра мужа Эмилии Александровны, Мильхора Александровича. Наша Жетикульская соседка сноха – келин улентинских Дислингов. Регина Алек-

сандровна Дислинг-Маркварт мне бы всех Дислингов за несколько минут расставила по полочкам. А я, ваш покорный слуга, вот уже два года расспрашиваю общих знакомых, перелистываю архивные материалы...

Последние из Дислингов выехали на историческую Родину (Faterland) в начале 90-х годов. Дядя Саша – улентинский бахчевод и старейшина семейства, а также Мария Ивановна похоронены здесь, в Джамбейте.

“...Очень нужный колхозу человек”

Альдерготов было пять братьев. Наш, джамбейтинский, Готфрид Генрихович – один из них. Судя по документам тех лет, он не знал, куда были сосланы родители и остальные его родственники. Как мог, пытался найти их, но поиски не увенчались успехом.

Сам он в конце 1943 года из Сиблага вернулся к жене Эмилии и пятилетнему сыну в колхоз Чапаева Коздыгаринского сельского совета Джамбейтинского района, которые приехали сюда в числе первых спецпереселенцев в ноябре 1941 года.

Вместе с женой Готфрид Генрихович зимой и летом работали в колхозе, а из спецкомендатуры периодически запрашивали на них отзывы, не нарушают ли режим проживания? В одном из таких отзывов председатель колхоза написал целую петицию: “Альдергот от колхозных дел не отлучается, живет безвыездно. Когда надо, он подменяет пастуха, может выполнять работу кузнеца и плотника. Везде работает хорошо, замечаний не имеет. Ни с кем не ругается, присутствует на всех собраниях. Газеты не читает”.

В мае 1949 года, пятого числа, на имя начальника Джамбейтинского районного отдела милиции капитана Кузеева и секретаря райкома партии Тажмуханова поступает письмо: «Сообщаем Вам и просим. С 1944 года в колхозе Чапаева живет немец колхозник Альдергот. Зимой плотничает, а летом работает плантатором. Его отправляют в Булдуртинский совхоз. Причину сотрудник милиции не объяснил. А сам Альдергот – очень нужный колхозу человек. В течение уже ряда лет плантация приносит колхозу по десять-пятнадцать тысяч рублей чистого дохода. Мы кормим овощами детей четыре месяца. Это

благодаря нашему немцу. В этом году под плантацию отвели пять гектаров земли.

Семена и рассады подготовлены, а специалиста – овощевода у нас забирают. Очень просим, хотя бы до конца сезона оставить его в нашем колхозе. Коздыгаринский сельский совет депутатов трудящихся, Сары Шналиев”.*

Между тем, этот нужный колхозу человек более полу-года добивался разрешения съездить на ближайшую станцию, чтобы купить корову. На первое обращение ответа не получает. Пишет повторное заявление капитану Кузеву: “Прошу Вашего разрешения поехать на базар и купить себе корову”. Через месяц (в августа 1950г), наконец, он получает это разрешение – “двое суток без опоздания и нарушений”.

На станцию Казахстан (сегодня г.Аксай) в то время добирались на попутном транспорте, чаще гужевом, но нередко пешком. И можно попробовать представить себе, как шел туда спецпоселенец, в каких аулах останавливался отдохнуть в тени первой землянки – совершенно незнакомые люди предлагают чашу айран-шалап. Так принято. Приветят путника, пожелают доброго пути. Он спешил, чтобы успеть вернуться к сроку. Это 200 км в один конец!

Купил ли он корову? Не знаю. Могу только предположить, что если колхозный плантатор, немец-переселенец, все же купил корову, то в срок он не уложился. Мог ли оградить его от неминуемого наказания тот же председатель сельсовета?

Хорошо, если встретился добрый попутчик, который подвязал бы его корову к оглобле, своей пары рогатых. Так легче погонять коровушку и думать свои думушки. Сколько ни писал в разные казенные учреждения – так и

*Госархив ЗКО, фонд 1121, дело 221, лист 39.

нет вестей ни о родителях, ни о братьях. Неужели он больше не встретит никого из родных ему людей?

Когда выезжал из дома, пришлось дать расписку коменданту. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года (и в прошлом году тоже подписывал), ему, немцу – поселенцу предписывалось, что он в этих местах оставлен бессрочно (навечно). Строго запрещена даже попытка выехать за пределы своего колхоза. Вот почему он, Альдергот, так долго собирался на базар. А председатель сельсовета Сары-ага добрый человек, лучше с ним остаться, чем ехать в незнакомый совхоз. Это Шналиев писал в райком и в милицию, чтобы ему разрешили съездить на базар. Председатель колхоза, как исключительный случай, выдал ему деньги на корову. Нет, в эту Булдурту ехать совсем не хочется. Надо попытаться поговорить с комендантом...

После этой поездки семья Альдергота прожила в колхозе еще пять лет. В соответствии с постановлением Правительства от 20 августа 1954 года и Приказа МВД они были освобождены от повинности обязательной ежемесячной перерегистрации в милиции. Им была представлена возможность свободного перемещения, но только в пределах Казахской ССР.

Еще через два года семья Альдергот переехала в Теректинский район, а позже - в Саратовскую область. Из-за известных ограничений, касающихся немцев, через несколько месяцев эта семья вернулась в Богдановку. Снятие с учета спецкомендатуры было еще не полной свободой.

Иван Антонович Зоммер

(Бавария. Dingolfing – Талдыбулакштрассе)

Другого такого человека, заслужившего столь искреннее уважение и благодарность всего аула, не знаю. Хороших людей много. Но так получается, что пока они живы, в силе, и делают свои добрые дела, мы часто их не замечаем, и еще реже находим возможность признать их достоинства, во весь голос говорить об этом в настоящем времени.

Сложилось так – пришел какой-нибудь глава района. Его положено принимать под козырёк, “как следует”. Пока он при должности – звучат хвалебные гимны – боже, Царя храни!, - соответственно, портреты, подарки... Без его санкции и начальственного кивка ни одному из простых смертных в округе, боже упаси, сделать знаки уважения, подчеркивать особые заслуги... (За 2-3 года он успел приобрести синдром непогрешимости, как тут не стать бюрократом). Этот аким обязательно уходит на руководящую работу не меньше областного масштаба и далее. А сельский район остается со своими прежними проблемами. А наш бывший чиновник районного масштаба, уже состоятельный и в комфорте, продолжает шествие по служебной лестнице. В крайнем случае, – предприниматель выше средней руки и в оргбюро новой политпартии.

А простой человек (он в каждом ауле), проработавший честно всю жизнь на одном участке, служивший примером профессионализма, также заслуживший благодарность односельчан за свою доброту и благочестие, незаметно, тихо уходит на вечный покой. Такие люди хотя при жизни особо не напоминали о себе, надолго остаются в памяти жителей любого аула. И эта память составляет непреходящую ценность народа.

В Талдыбулаке или Таскудуке еще нередко можно услышать о новых “старожилах” этих мест – немцах. Казахи старшего возраста, да и люди помоложе часто вспоминают Ивана Антоновича Зоммер-агая.

В недавнее советское время животноводам степь совсем не казалась бескрайней. Задания партии и правительства по увеличению поголовья скота выполнялись и перевыполнялись. И для всего этого поголовья требовались не только пастбища, корма и помещения, но и надлежащее ветеринарное обслуживание. Так вот, дядя Ваня Зоммер сорок лет лечил, обрабатывал, вел профилактический учет не только всего совхозного стада, но и немалый частный сектор на своем участке.

Иван Антонович Зоммер А что это за работа, знают в каждом ауле. Тем более - казахи, извечные скотоводы, которые и сегодня приветствует друга словами:

– «мал-жан аман ба?»

Трудовой книжки Ивана Антоновича я не видел, но говорят, что там только одна запись: “Ветсанитар - ветеринарный техник”. Возможно, за эти сорок лет ни в районе, ни в области его фамилия нигде не упоминалась, его фотографии не печатались в газетах. С трибун больших собраний он не выступал.

Конечно, те, с кем он работал, жил, общался, знали ему цену. Я имею ввиду другое - признание его обще-

ственно-полезной (благотворной) личности властями района и области. Для некоторых сама занимаемая должность автоматически делает его “справедливым”, “высоким”.

Повышение по службе таким, как наш герой, не грозило. А награды, отличия скромных людей часто обходят. Признаться, десятилетиями рабочих и специалистов немецкой национальности все-таки держали в рамках ограничения по части наград и званий. Это только Шубин смог доказать и добиться, что Риффель – Герой.

В прошлом, в целом созидательном периоде нашей истории, иногда вели нас с собой боевые, кипучие энергией, преданные идейные деятели. В таких переходных этапах на местах из-за дефицита настоящих пассионариев лидерствовали разные “псыкаи”. Вот, действительно, было время - быть “псыкаем” - второе счастье. Мырқымбайларға бастық табыла кетеді . “Псыкаи” бессмертны.

Вот картины недавнего времени.

“Да ты знаешь, кто я?!” Или, по другому: “Чем я хуже других! - Айда, вперед!” Если надо (диплом), выучусь. Дурак дураком его называют за глаза, а досрочно закончил-таки институт. Все эти заочно-вечерние, по блату - коридорные - для кого они? Для нашего “псыкая”, предшественника сегодняшних “новых”. В фермовых ходил, теперь – Главный. О предрабочкоме мечтал, а глянь-ка, уже и партком ему не нужен – райком подавай! И ведь, добьется, пройдет – пройдоха!

Ивану Антоновичу и многим другим труженикам приходилось иногда иметь таких бастыков.

Зоммер-агай закончил когда-то двух-трех месячные курсы, и это все. Но благодаря стараниям и добропорядочности, по-праву считался лучшим ветеринаром-лекарем в своем ауле. В 60х-70х годах зоотехники, веттехни-ки, ученые агрономы десятками, словно с конвейера, поступали в хозяйства. Но чтобы кто-то из местной молоде-

жи претендовал на место “бездипломного” дяди Вани Зомера – такого не слышал. Да и ни один разумный директор не променял бы его на выпускника академического ВУЗа.

Избаловала казахов Советская власть. Чуть что – вызывай “скорую”. Фельдшера, акушерки – самые беспокойные в ауле – «ит жұмыс», (собачья работа) – ни днем, ни ночью покоя нет, мотаешься не только по аулам, но и в каждой отаре, надо доехать до самого «Қамысты кәл». А дома уж еще кто-нибудь ждет... Не то что выспаться – по дому управиться некогда.

Ветеринары, конечно, не медики, и чаша Гиппократовой клятвы их миновала, но и у них была большая нагрузка. Кто помнит главного ветеринарного врача “Правды”, кавалера ордена Ленина Харабару Антона Яковлевича. Чудесный работник, по праву заслуженный. Хотя люди разные бывают. Как, например, был у нас веттехник Есим Иртышбай. Вздумай кто-нибудь вечером побеспокоить его (вызовом на дом) – одна притча: “Сам-то крепкий? Ну и молодец. А скотина потерпит – не сдохнет. Завтра будем лечить!”

К таким не то, что на ночь глядя – середь бела дня без поллитра не подходит. Иван Антонович, сердобольная душа, приучил народ на свою бедную голову – калитка не закрывается – у одного корова жевать перестала, у другого телка мычит – не успокоится... Как людям откажешь!

И как казахам такого не любить! Да еще при всех его других достоинствах и знании своего дела.

* * *

Из представителей других национальностей джамбейтинские казахи знают, в основном, русских и немцев. “Русские” – это в первую очередь, вросшие здесь со времен

дедов в казахскую среду Федянины, Сергей и Анатолий Белкины, еще несколько семей. Да они, собственно, какие такие русские - настолько стали своими среди своих. А другие русские (после 60-х) здесь не задерживались - если приедут по долгу службы, - отработывают срок и уезжают. Интересы к языку и традициям казахского населения у них особо не замечали. Исключение составляет Анна Андреевна Хорошилова - долгожитель, равная среди казахов-тналинцев, заслуженный агроном Казахской ССР. Она, как прежде, живет в Таскудуке.

Брат мой, Кабдыгали Каналиев, рассказывал: на Джамбейтинской МТС почти 10 лет работал механиком Посохов (лбищенский он). Его все понимали. Но он так и уехал, не сказав ни одного казахского слова. "Целинщиков" тоже понаехало, а через год - два почти никого из них не осталось. Разве девушки из Башкирии, полюбившие местных джигитов и парней - немцев. Ну, а немцев к казахам судьба на полвека и более прикрутила.

Общаясь с немцами, я думал, что самый казахский среди них Георг Граф. Однако, талдыбулакцы не согласны - Зоммер! Его казахская речь - өңгіме было украшением любого казахско-немецкого застолья. По работе ли, случайно ли заехавший в Талдыбулак с джайлау знакомый чабан или гуртоправ, попавшись на глаза Ивану Зоммеру, обязательно будет радушно приглашен к его дастархану. И приглашал не ради приличия, исполняя долг гостеприимства, а от души - Ағайын, біздің үйден шәй ішейік! И люди шли к нему. А уж собираться у Зоммера по возвращении с летних пастбищ на зимовку, соғымнан ауыз тию, на празднике Наурыз или Ораза-айт, - это стало традицией.

* * *

Еще был случай в 70-х. В Карабутаке умер казах. Для проведения мусульманского обряда нет муллы. Ни сре-

ди взрослых, тем более молодых, не оказалось “грамотного” по этой духовной части. Пик советско-казахского атеизма! Вся родня покойника в смятении. Грех какой... Иван Антонович, который и в больших тоях – торжествах, и в случаях горестных, всегда находился среди собравшихся, тихо заметил: “Если не возражаете...” Выручил! Он знал несколько (заветных для каждого магометанина) суре из Корана (по-арабски) - следствие его постоянного общения с аульными старейшинами.

Другой случай. Юноша-тракторист взял в кабину друга-казаха, работавшего на стройке. Где-то в степи перевернулись. Тракторист получил серьезные травмы, а его друг разбился насмерть. Закон суров – по тем годам, загремишь не меньше, чем на 10 лет. Иван Зоммер собрал аксакалов за свой дастархан: “Потеряли мы парня золотого. Родителям утрата невосполнимая. Скорбим вместе с вами. Алпаның басқа салғаны да. Қолдан келетін не бар? Теперь вот судьба нелепая ожидает и другого. Тюрьма – не дом родной. Что скажете, почтенные?” Те аксакалы знали еще, чтили – Дурьис сөз - цену миролюбия и братства. Дело до суда не дошло. Зоммер старший пользовался у старейшин абсолютным авторитетом справедливого человека.

Земляки много таких историй о нем расскажут. И добавят: - эй, е-е – Зоммер ме? - всем казахам казах! Но с другой стороны, общаясь с немцами в течение десятилетий, иной скажет: неужели не было случая непонимания или упреков в конфликтных ситуациях? Ведь знаем же сами свои слабости: и ленцы у нас не отнять, и чванства хватает – особенно, если такие индивидуумы успели “заслужить” задрипанный портфельчик под мышкой... А у аульного ветлекаря сколько начальства? Спросил я однажды об этом у Рахмета Мухадесова, который много лет знал Зоммера по совместной работе:

- Случалось, конечно. Но он на людскую скоропалительность обиду не держал. Однако, переживал. Сам же никогда не допускал не только грубости по отношению к нашим очевидным огрехам, указывал лишь: можно вот таким образом, или вот так, и раскрывал свои ветеринарные “секреты”.

Отец нашего Зоммера, Антон Александрович, мать его Павлина Ивановна и он сам с сестрами Региной, Розой и Марией родились и выросли в Поволжье, при Немецкой Автономии – кантон Marxstadt, Soloturn (Witmann). Антон Александрович участвовал в больших стройках социализма, 3-4 года работал на Волховстрое. В казахские края приехал в 1934 году. Был передовым механизатором, трактористом – комбайнером совхоза “Шиповский”, когда “особое совещание” 8 августа 1941 года решило его дальнейшую судьбу: 10 лет в Карлаге.

В следующем году Павлина Ивановна, имея при себе шестерых детей, (старшему, Ивану – 15 лет) была выслана в отделение Тнали совхоза “Таскудукский” Джамбейтинского района. Кроме четырехлетней Полины и двухлетней Анны все дети работали. Тогда и начал Иван Зоммер “карьеру” младшего ветеринарного работника, завершив ее практически в том же звании – через 45 лет, выйдя на действительно заслуженный отдых.

После войны этот супер-работящий человек не бедствовал. Жизнь потихоньку налаживалась. Сестры вышли замуж.

При спецкомендатуре немцы были сосредоточены преимущественно в Талды-булаке, Булдурте и Тоганасе (совхоз им.газеты “Правда”). И после снятия надзора продолжали оставаться там же. Пережили самое трудное десятилетие. Укоренились - выросли дети, учились, рабо-

тали, породнились, да и хозяйствовать стали основательно, начали зарплату получать. Казахи в районе между собой называли Талды-булак “маленьким Берлином”. Не знаю, нравилось ли это нашим немцам или нет.

Дети Ивана Антоновича родились здесь – в Аккудуке и Талдыбулаке – Павел, Роберт, Клара, Мария, Иосиф, Антон, Полина, Ида, Катерина. Недавно побывавший в Германии по приглашению друзей Кенес (Кентай) Абузаров рассказывал, что в городке Дингольфинг (в Баварии) наши джамбейтинские немцы живут на улице Моцартштрассе. И эту улицу они теперь меж собой называют Талдыбулакской. Большинство Зоммеров здесь, все при деле. Сами говорят, что в Талдыбулаке, наверное, думают, что теперь джамбейтинские немцы при своем благополучии, забудут прежних приятелей, друзей - казахов. Конечно, время делает свое дело. Но пока поездки – отсюда в Германию и из Баварии в Талдыбулак не прерываются. Слышу – вот поехали и Жумагали с Мукарамой...

* * *

На видеокассете у Кентая – Эмма Ивановна (дочь Ивана Ивановича Шваб, жена Спиридона Ибель) с рюмкой в руках (и слезами на глазах) говорит: “Мы у сватьев собрались. Мен қазақша айтайын. Жаңыл, Фахриниса, Фрида апайларға - всем шлю огромный привет. Живите и здравствуйте. Не забывайте нас”.

Полина Антоновна Зоммер – Яковлева – сестра Ивана Антоновича в Тнали приехала в неполных четыре года. С сестрой Анной вдвоем быстро научились разговаривать по-казахски. Не забыла Полинушка песню юности:

Мал жақсы жылқы деген бағып жүрсе,
Мойнына үкі-тұмар тағып жүрсе,...

Каково джамбейтинскому казаху видеть и слышать в далекой Баварии широколюбимую народную песню «Қамажай»?! Приятно, конечно, но и грустно немного. Кто кроме Полины помнит казахские песни? Наверно, следующее поколение Талдыбулакских немцев в Германии задумшевно – грустную «Қамажай» знать уже не будет.

* * *

Еще одно обстоятельство, близкое казахской душе – отношение джамбейтинских немцев к памяти предков, к могилам отцов. В Талдыбулаке казахи и немцы преданы земле недалеко друг от друга, почти рядом. Когда сюда ни придешь – чистота, порядок, всё, покрашено, везде подметено. Никто не забыт. И это та золотая нить, которая тянется отсюда до самого Дингольфинга.

Взять хотя бы Зоммеров. Иван Антонович и Регина Иосифовна (Рудер) похоронены здесь. Прибывшая с малыми детишками и поставившая всех на ноги Павлина Ивановна Зоммер - тоже здесь.

Арестованный в первый месяц войны (неизвестно, за что) Антон Александрович десять лет отсидел, от звонка до звонка, заработав неизлечимую болезнь. Сын Иван и дочь Полина куда только не обращались в поисках отца, включая руководство МВД и МГБ. Когда получили письмо из глуши Карагандинской области от медсестры Веры Васильевны Александровой, обрадовались так, словно отец домой вернулся. Из лагеря-то выпустили, но не на свободу, а на поселение определили. Ни работы, ни угла – бомж под надзором того же Карлага. Опять пошли письма по инстанциям. Какую опасность представляет после десятилетней отсидки безнадежно тяжелобольной старый немец?! Наконец, дали “добро” на то, чтобы забрать его. Так Иван Антонович Зоммер 17 июля 1953 года привез отца

домой. Через недолгое время здесь, в Талдыбулаке, Антон Александрович и скончался.

Вот и думаю: пока живы дингольфинговские земляки, родившиеся и выросшие в Талдыбулаке, они будут помнить здешние могилы отцов и дедов. Да и внуки - правнуки Зоммеров не забудут дорогу в степь – за Урал-реку, Ак Жайық.

Письмо из Талдыбулака

«Здравствуйте, дорогие земляки!»

Мы уверены, что настоящая книга дойдет до вас, и вы вспомните здешних, которых еще не забыли. Я родился в Булдурте. С 1992 г. живу и работаю здесь, в

Талдыбулаке, с января 1992 г. работаю директором ТОО «Коктобе», которое создано на базе бывшего совхоза. Наше предприятие сегодня одно из лучших в области.

В детстве, в школьные годы учился, дружил со своими сверстниками-немцами - Берг Марией, Май Андреем, Валингером Виктором. Мой отец Семгали Тулегенов много лет работал бухгалтером совхоза, и у него немало друзей-приятелей из немцев. Он тоже шлет всем землякам-немцам большой привет!

В Талдыбулаке близко познакомились, стали добрыми товарищами с Дехант Владимиром, Валенгери Виктором и Владимиром, Питтель Алис, Ибель Яковом, Валингер Иваном, Шнайдер Иваном, братьями-близнецами Кейних Петром и Виктором, Зоммер Иосифом, Рудер Петром. В разных отраслях производства все они хорошо знали свое дело. Что надо было сделать сегодня, никогда не откладывали на завтра.

Когда готовили это письмо, многие талдыбулакцы напоминали, просили передать самые добрые пожелания

Кейтин Тулегенов

семьям, детям ветеранов-старожилов здешних мест: -Валингера Виктора Яковлевича, Кейних Иосифа Ивановича, Кейних Ивана Ивановича, Зоммера Ивана Антоновича, Ленгле Александра и Андрея и еще многим.

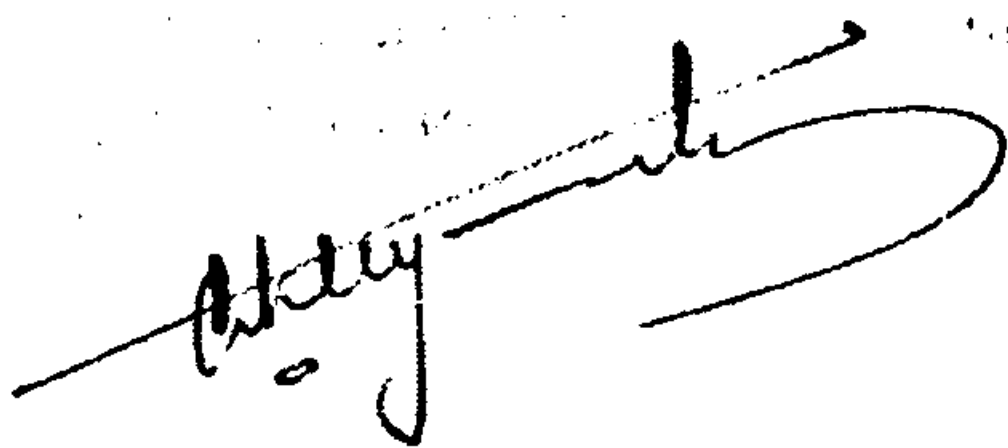
Ежегодно к нам приезжают гости - земляки из Германии. Мы встречали Валингеров Ивана с Кларой, Дехантов Владимира и Ольгу, Рудера Адольфа с детьми, Кейниха Ивана с Марией Шумахер.

По приглашению друзей погостили в Германии наши односельчане - Кентай Абузаров, Мергали Кармаков. Они благодарны тому радушию, которое оказывали им там, в Германии. В свою очередь, ТОО «Кок-тобе» каждый год будет выделять очередные путевки в Германию для встречи с друзьями-земляками, чтобы тропинка в центр дальней Европы из Талдыбулака не зарастала.

Будьте здоровы и счастливы! Успехов во всех ваших начинаниях, предпринимательстве и бизнесе. Я далеко не поэт, но в душе романтик, и поэтому хочу своим землякам-немцам посвятить несколько стихотворных строк:

*Мы жили как одна семья,
Влюблялись и дружили крепко.
Но вы уехали, друзья,
Туда, где корни ваших предков.*

*Проходят дни, бегут года,
Уж десять лет живем без вас.
Но в нашей памяти всегда,
Года, что породнили нас.*

Кейпин Тулегенов
директор ТОО «Кок-тебе»
аул Талдыбулак.

Дитман

В Джамбейтинском архиве, в худенькой папочке с документами по Булдуртинскому совхозу за 1949 год, имеется пожелтевший листочек газетной бумаги со списком трактористов-участников посевной. Похоже, бумага составлена для какого-то поощрения для руководства совхоза или может для района. Красными чернилами зачеркнута вторая фамилия (в столбике) – Дитман Г. *

В верхнем углу резолюция: “бух.переписать”. Подпись неразборчива – “Ш” с закорючкой. Скорее всего, подпись самого директора совхоза или секретаря партийного комитета.

Вспомнил. Фамилия Дитман значилась в списке спецпереселенцев, прибывших в 1941 году. Потом потерял из виду. Джамбейтинская комендатура вела строгий учет всего контингента, в том числе и детей в немецких семьях. Была установлена обязательная ежемесячная перерегистрация о наличии взрослых, количества детей до 14 лет, а также отметка умерших и родившихся.

В одном документе от 1951 года: Валентин Гергардович Дитман родился в 1935 году в с. Сосновка Куйбышевской области. Еще где-то: Лидия Гергардовна Дитман, 1937 года рождения с. Розенталь Теректинского района ЗКО. Отсюда пятилетняя Лидия, по документам, оказалась в списке переселенных от 20 октября 1942 года, а семилетний Валентин (Валериан) - в немецком списке, выселенных из г. Уральска в 1941 году. Он также переправлен в Булдурту. В комендантском документе и в распределительном решении райисполкома старших Дитманов нет. Так как же это, даже без одного из родителей,

*Сырымский филиал Госархива ЗКО фонд 47, опись 61, дело 5.

двое детей (брат и сестра) из разных мест попали в список выселенцев? В этом ряду значилась и фамилия Доротеи Георгиевны Флеглер. Надо было выяснить – с кем она, имеет ли отношения к Дитманам. Я пришел к выводу, что Флеглер – это отдельная семья.

В МВД-ской канцелярии нашел кое-какие уточнения. Мать двоих детей – Августа Бергольдовна, похоже, в 1941 году попала под какую-то статью, и с тех пор о ней ничего не известно. Доротея Генриховна заменила детям мать, пока отсутствовал их отец. Возможно, она была родственницей им. В 1942 году у неё самой родилась дочка Эльза.

В документах более позднего срока записан адрес четырнадцатилетнего Валентина Дитмана – с.Джамбейта, ул. Чапаева, 26. Этот адрес в Джамбейте знают. Это - детский дом.

* * *

Об отце Валентина и Лидии и кое-что об их детской судьбе. Тракторист Дитман Гергард Иванович, фамилию которого вычеркнул из списка передовиков начальник “Ш”, приехал в район из Сиблага только в 1947 году. В 1937 году (в 22 года) он был осужден по статье 58-8 на десять лет. Умер в Булдурте 24 ноября 1950 года. Доротея Георгиевна нашла вечный покой здесь же, но годом раньше.

Мы уже привыкли ругать все наше прошлое и социализм в целом. Но кто мне скажет, где и когда и какое государство лучше заботилось о сиротах? Детдомовские ребята послевоенные (пятидесятых годов) были обеспечены намного лучше нас, “домашников”. Каждый беспризорный ребенок был на строгом учете. Вот выписка из документов районного архива.

“13 августа 1949 года. № 263. Директору Джамбейтинского детского дома Арыстанову С. Согласно решению районного Совета депутатов трудящихся от 16 июля 1949

года Дитман В., Дитман Л. берутся под опеку государства – определяются в детский дом. Вся ответственность за этих детей, их здоровье и будущее целиком и полностью возлагается на Вас. И.о.заведующего Джамбетийнским отделом народного образования Ильясова”. Через год, 21 октября 1950 года, Арыстанов пишет в райисполком: “Дитман В. воспитывался в нашем детдоме один год, с хорошей успеваемостью переведен в следующий класс. Поведение хорошее (в казахском тексте - Тәртiбi жақсы). Одежду, постель, учебные принадлежности содержит в чистоте и порядке. В связи с возрастом переведен в интернат при Джамбейтинской средней школе”. Лидия Дитман получила направление в Уральский детский дом № 1. Больше о семье Гергарда (Бергольда) Ивановича Дитмана никаких других сведений не имею.

Если Валентин и Лидия живы (дай бог, чтобы так и было), думаю, они не забыли послевоенный Джамбейтинский детский дом и его директора – фронтовика в офицерской шинели, строгого и заботливого человека.

(Рассказ о Булдуртинском бахчеводе Норусе Берге)

**Норус Антонович
Берг**

Последние пятнадцать – двадцать лет Норус Антонович Берг, пока он не выехал в родное свое Поволжье, а затем дальше на Запад – в Германию, был, пожалуй, одним из известных людей в области. И эту известность ему принесли его сладкие, как мед, тяжеловесные, почти пудовые, полосатые арбузы. Булдуртинского бахчевода хорошо знали и за пределами Джамбейтинского района.

В течение многих лет его арбузы экспонировались на выставках, как высшее достижение области в данной отрасли народного хозяйства. Вообще, в степном Приуралье тогда бахчеводов было немало. По Уралу ежегодно заезжие бригады шабашников (из южных областей) арендовали целинные, залежные участки. Они торговали ранними овощебахчевыми культурами на рынках соседних российских областей и дальше. Получали высокие урожаи, но селитряных (насыщенных азотными удобрениями) арбузов. Именно по этой причине из других районов и из г. Уральска предприятия и организации посылали своих курьеров к Норусу Бергу. По сегодняшним меркам, у Берга была экологически чистая продукция. Его известные полосатые арбузы, солнечные, медвяно-сладкие дыни были нередко украшением праздничных и других торжественных застолий, особенно в 70-е и 80-е годы.

Постоянно высоких урожаев хватало всем – и своим, аульчанам, и приезжим. Норус никого не отпускал с пустыми руками. Хорошо быть щедрым – мырза.

Земляки замечали, что в Булдурте и, в целом, в районе издавно было развито бахчеводство. Именно здесь, в Булдурте, еще в военные годы варили “арбузный мёд”. Вспоминали по этому случаю другого немца – Роланда Фрицлера, председателя булдуртинского сельпо.

В пятидесятые годы джамбейтинский базар “Сары-дукен” был буквально завален медовыми дынями и неподъемными полосатыми арбузами. Взрослые покупали, а детворе хватало и того, что они могли утащить, шныряя под ногами. Как было в других местах, не могу сказать, но в небольшом колхозе “Арал-тобе”, на берегу Шидерты, Керей Калтаков баловал хлебобобов сладкими овощами. В те послевоенные годы для колхозников, уставших от плуга, ожидавших с фермы кислый айран из обрата, воз с плантации был приятным событием. Как и сколько выращивал Керей-ата эти арбузы и дыни не знаю, но имя его тоже осталось в памяти односельчан.

Талант бахчевода Норуса Берга особенно проявился в 60-е годы. В целом, наш герой, в ставшем ему родным совхозе “Булдуртинский” трудился знатно более тридцати лет.

Бригада плантатора Норуса Антоновича, особенно в последние два десятилетия, до выезда главного бахчевода района в Германию, обеспечивала потребность в овощах всей округи. Но потом, не только в хозяйствах с чисто казахским населением, которых можно было упрекнуть в лени от хорошей жизни, но даже в таких совхозах, как имени газеты “Правда”, “Таскудукский”, где еще трудились немцы, бахчи были далеко от достатка (они тоже ездили к Норусу за арбузами). В целом же эти десятиле-

тия были годами мощного роста и развития народного хозяйства района. Гуртам и отарам стало тесно на пастбищах. Джамбейтинский элеватор (при директоре Акбасове) не успевал принимать зерно нового урожая, хотя в уборочное время люди работали все двадцать четыре часа в сутки.

* * *

Беседуя с булдуртинцами, я интересовался, какие черты характера и особенности Берга-бахчевода они могли отметить, что запомнилось? Все его помнили. Рассказывали живо, с подробностями:

- Работник он не рядовой, а мастеровой. Но шумливый был.

- Это на кого же? На рабочих плантации?

- Нет. Работа там идет дружно и без шума. От зари до темна. Он с утра начинает шуметь в кабинете самого директора.

- В течение дня у Норуса накапливаются десятки проблем – техника, транспорт, иногда надо накормить в поле сотни - две рабочих, школьников. Если ждать в приемной... А у него, у Норуса, всегда все “горит”.

Не совсем мне понятно это “шумит” - достоинство или недостаток знаменитого бригадира? Я не мог согласиться с их такой активной поддержкой своего земляка. У меня сложилось мнение, что джамбейтинские немцы – народ в целом работающий, делающий все всегда “в срок” и основательно.

В то же время хозяйственные вопросы вряд ли решались без всякого шума и крика. Был и шум, и начальственный “храп” на лодырей. Команда - только на выполнение и перевыполнение, а то прямо на штурм того или другого объекта. Иначе не решить свои срочные (бригадные) дела. Тем более, если у тебя слаженный почасовой график работы по солнечному календарю.

Говорит последний (советских лет) совхозный главный агроном, один из опытнейших в районе:

- Без “айкай”, даже “ой-бай”, разве на плантации работа пойдет? Просрочил несколько часов сроки прополки или посадки, потеряешь очень многое. Конечно, Норус начал “подавать голос”, когда на личном примере показывал, как надо работать, добиться хороших результатов. Тогда только директор или другой понимает, что это крик человека, знающего свое производство и болеющего душой за дело.

В этих рассказах есть и доля того, что земляки бахчевода где-то импровизируют – это их желание сказать что-то приятное и запоминающее.

С другой стороны, думаю, где и какой бригадир посмел бы начинать свой рабочий день с такой “артподготовки” в кабинете директора совхоза. Норус, может, кто бы еще такое себе позволил в районе? Своеобразное “творческое” решение “горящих”, не терпящих производственных проблем.

- Он, конечно, мастер своего дела. Неутомимый, неутомонный. И таких людей в совхозе было немало. Однако, не каждому улыбалась удача, и не каждый мог продолжительное время работать успешно, с рекордными результатами. Разве кто из нас видел, чтобы Норус в летний сезон когда-нибудь отмечал красные дни календаря или отдыхал в выходные дни?

Другой из собеседников:

- Землю уважал – каждый год целину распахивал. И в технике, рабочей силе не было ему отказа.

- Разве в других хозяйствах земли мало? Вон сколько нетронутых под бахчи площадей по Уленте, Шидерте... Кто, кроме Норуса, на новых землях получает столько урожая бахчевых? За 10 лет, как уехал Норус, кто-нибудь из вас видел приезжих за арбузами?

Подошли еще, вникнув в суть “планерки”, поддержали беседу:

- Мы тоже работали неплохо. Зарабатывали хорошо. Слава богу, хватало. Но мы работали руками. У Норуса же - и руки, и ноги. Помните, все лето по плантации ходил – вышагивал поле босиком. Говорят, был такой Мальцев – академик, он тоже оригинал: у него ноги, вроде градусника, время сева определяли.

- Стопы ног у нашего плантатора, как кулья деда Майсак – майсак шал (далее все дружно вспоминают аульские анекдоты, которые должен помнить и их земляк...)

* * *

Отец его, один из первых в Булдурте, в своем подворье смастерил парниковое хозяйство – в марте-апреле получал уже готовую к посадке рассаду.

Старшие члены семьи Бергов казахстанцами стали тоже в начале 30-х годов прошлого века. Отец нашего героя Антон Антонович в 1932 году переезжает из Саратовской области в Каменский район Западного Казахстана. С ним были еще два десятка семей из поволжских немцев. После известного Указа о депортации, все они были высланы в распоряжение Джамбейтинской комендатуры и отправлены в Булдурту.*

Норусу было тогда пятнадцать лет. В ту осень 1941 года у Анны Яковлевны Берг с четырьмя малолетними детьми он был самый старший и первый помощник. Прошли годы. Наладилась жизнь. Женился. В Булдурте родились и выросли его дети: Моника, Агада, Антон, Петр, Иван, Яков, Мария и Анна. Все они выучились, стали работать. Сыновья Норуса Антоновича и Марии Андреевны женились, а дочери вышли замуж.

*Сырымский филиал Госархива ЗКО фонд 42, опись 2, дело 9.

Здесь, в Булдурте, родились внуки – третье поколение Бергов.

Выехавшая в Германию большая семья Бергов не забывает Булдурту. Большой приятель этой семьи, сегодня проживающий в г.Уральске Сади-ага Кабышев, как-то поделился новостью: на днях звонил “оттуда” Норус Антонович – купил небольшой участок земли. Всё не может никак расстаться с привычным делом.

* * *

Будучи в Булдурте, попытайтесь начинать «эңгіме» о немцах, которые здесь жили-были – первый встречный казах начнет вам перечислять: О, Норус болып еді, Даршт Антон, Эльснер Василий; здесь остались Христиан Пфедфер, дядя Федор Бенцлер, и еще, еще...

Пока никто не забыт. Помнят, рассказывают. Каждый из них - занимательный рассказ, который просится в книгу.

Однажды я обратился к тамошнему старому товарищу, который многие годы вел сельсоветскую “гросс-бух” - хозяйственную книгу, Сагинбаю Кажимову:

- Как у Норуса Антоновича с казахским?

О нем рассказывали - Саке поименно помнил всех односельчан, в том числе немцев, взрослых и детей.

- Ой, Гадеке, вы не знаете наших! Наши немцы знали казахский лучше, чем сегодня городской казах знает русский. Я не помню, чтобы кто-то из них обращался к казахам по-русски.

Бывало, кто-то из аульной молодежи при встрече скажет:

- Здравствуйте, дядя Норус!

Дядя Норус с доброй улыбкой отвечал:

- Аманбысың, айналайын. Эке-шешен, сау ма? – Здравствуй, дорогой, отец-мать здоровы?

Поначалу его имя путали со словом “орыс” (так в простонародьи казахи называют русских), на что знатный бахчевод, наделенный природным чувством юмора, не обижался, посмеиваясь, объяснял:

- Құдай-ай, мен орыс емеспін, мен – неміс адам. Норус – менің аты – жөнім. Түсіндіңбе, айналайын? - Боже мой, я ведь не русский, я – немец. Норус – мое имя, понятно, дорогой?

Судьба учительницы

(Рауш-Соляникова Гильда Ивановна)

**Гильда Ивановна
Рауш-Соляникова**

В 1954-55 годы в Джамбейте, на набережной речки Оленты, наши-ми соседями жили братья Ибат и Сагидулла Нургалиевы. Мы, только что приехавшие из аула, признавали в них городских... Раньше Джамбейту – райцентр, кто жил в аулах, считали городом.

Младший из братьев - Сагидулла учился на один класс старше меня, хорошо играл в шахматы, любил математику. После физмата УПИ он многие годы директорствовал в школах Каратобинского и Джамбейтинского районов. Из уст этого школьного товарища я и услышал впервые об этой женщине. Помогая своим одноклассникам по математике, он часто с уважением произносил: “А Гильда Ивановна вот так объяснила!” Его детское искреннее почтение мне незнакомого и интересного имени “Гильда Ивановна” запомнилось.

В новой, для меня большой, школе учителей было много, мы в лицо знали лишь тех, кто вёл уроки у нас (у пятиклашек). И все же, пока находились в стенах школы, или где-то рядом – при каждой встрече с теми, кого, судя по одежде и внешности, принимали за учителя, сдернув шапку с головы, застывали на месте.

Однажды, возвращаясь со школы, вижу, идет незнакомая русская женщина (тогда каждого, кто не казах, мы

принимали за русского). Не помню, вроде, в школе не видел. По внешности, похоже, учительница. Это я сейчас говорю “по внешности”. Видимо, чем-то она привлекла моё внимание, тем более и школа была рядом. В то время редко кто одевался в новый костюм или пальто (хорошо перешитое старое воспринималось как новое).

Не помню, то ли сказал при встрече с ней свое заученное “здрости”, а, может быть, молча застыл на месте, сняв шапку - треух с головы. Так, вероятно, и было, ибо услышал в ответ на мое такое своеобразное приветствие одно слово “шапка”. Наверно, она сказала – “надень шапку”.

На другой день в школьном дворе сосед-математик подтвердил – та женщина – их Гильда Ивановна.

Учителя наши были разные. Одни строгие, даже казалось нам, совсем строгие. Забывшегося в шалости могли резко одернуть, остановить и приткнуть к стенке громким криком вроде – эй, карабала, взбесился что ли? (сені жын ұрды ма - эй...). Другие не обращали внимания на нашу беготню по школьному коридору. Это, наверно, были недавние выпускники педвузов, вчерашние школьники, у которых еще в памяти свои собственные шалости.

Я не помню случая, чтобы Гильда Ивановна, остановив кого-то из нас (на перемене), строго отчитывала, также не замечали и того, чтобы она со своими коллегами за беседой задерживалась в школьном дворе, как некоторые.

* * *

Семья учителя Ивана Ивановича Рауша – четверо дочерей и сын Оскар, переехали в г. Уральск в 1910-ом из Поволжья. Видимо, в Уральске для них было больше возможностей работать по специальности – городские школы, гимназии, а с 1913 года здесь была открыта учительская семинария. Рауш долгое время преподавал в местной

гимназии. В 1926 году скончался от кровоизлияния в мозг во время урока.

Все дети получили хорошее образование. Гильда Ивановна в числе шестнадцати выпускников 1924 года успешно окончила полный курс Уральского педагогического техникума (бывший учительской семинарии), среди которых только двое девушек были не русской национальности. Это – Гайша Гадылшина и Гильда Рауш. Педсовет учебного заведения дает каждой из них краткую характеристику – поручительство о том, что девушки по всем дисциплинам показали хорошую и отличную успеваемость и с полной ответственностью относятся к своей будущей профессии.*

Учительница начальных классов городской школы № 5 Гильда Ивановна в следующем году, вместе с братом Оскаром, успешно сдала вступительные экзамены на физико-математический факультет Ленинградского педагогического института им.А.И.Герцена. Брат был оставлен преподавателем в институте. Впоследствии руководил лабораторией на предприятии оборонной промышленности. Гильда Ивановна работает учительницей физики и математики в средней школе ст.МГА Октябрьской железной дороги (Ленинградская область). Вскоре в Ленинград приезжает сестра Альма, которая устраивается старшим экономистом в системе Внешторга.

В 1933 году Гильда Ивановна выходит замуж за инженера-конструктора Валентина Николаевича Соляникова. После рождения дочери, они из Уральска приглашают к себе маму – Альбину Андреевну.

Описывая эти некоторые подробности о семье – детях российского немца (уроженцах Базель, Поволжье) Иоганна Рауша, хотел подчеркнуть, что его дети в двадцатые-

*Госархив ЗКО фонд 601, дело 1, л.68

тридцатые годы получили образование в советской школе, в советских ВУЗах, воспитывались в духе советского патриотизма и интернационализма, росли полноправными гражданами Союза Советских Социалистических Республик. Считали себя и чувствовали в равных правах со всеми гражданами, набиравшего силу и мощь самого справедливого государства пролетариев всех народов бывшей Российской империи. По крайней мере, этой мыслью жило то поколение - ровесники Гильды Ивановны – советские юноши – девушки, да и более позднее родившиеся – мы – школьники послевоенных – пятидесятых годов.

Позже, во всех своих обращениях – исповедях Гильда Ивановна постоянно подчеркивает, что члены ее семьи – полноправные граждане СССР – никакой высокой администрацией или судом они (с дочерью) не лишены этого высокого звания. Самое оскорбительное – все беды и унижения они испытывали, будучи гражданами СССР. Все годы пребывания здесь учительница не смогла примириться с той двуличностью большой политики, которая, лишь на словах провозглашала святость гражданства СССР, фактически многие народы были лишены элементарных прав и находились на грани поэтапного уничтожения и полной ликвидации как этническая разновидность.

Дети Рауш, почти все специалисты высшей квалификации, с присущим в молодости энтузиазмом трудились на благо Социалистической Отчизны.

Счастливая жизнь семьи Рауш – Соляниковой круто изменилась в июне - августе 1941 года. Началась война. Гильда Ивановна с малолетней дочерью и матерью в августе 1941 года, по решению Мгинского райоисполкома Ленинградской области, была эвакуирована в тыл. Они были отправлены в одном из эшелонов, идущих на Восток. Эвакуация была срочная, учительница даже не успе-

ла передать предполагаемый адрес ни мужу, ни брату, которые ушли на фронт в первые дни войны.

После череды мытарств, семейство Рауш-Соляниковой смогло добраться до Уральска. Город наш в то время был переполнен беженцами из Украины, Белоруссии и Центральной России. Гильда Ивановна с трудом все-таки получила направление учительствовать в Бурлинский район. И в то же время началась срочная доставка всего немецкого населения области под надзор Джамбейтинской спецкомендатуры. И в ноябре того же 1941 года бывшие ленинградцы под конвоем милиции были доставлены в совхоз «Джамбейтинский» Джамбейтинского района. Гильда Ивановна была зачислена мелким служащим – кассиром. Затем приказом нового директора совхоза Шукова была переведена рабочей в бригаду механизаторов. А еще через некоторое время – ночным сторожем полевого стана за тридцать километров от центральной усадьбы, где проживала больная мать с внучкой. Мать в полном неведении тяжело переживала дни, недели отсутствия дочери. Альбина Готлибовна Рауш, первая из немцев спецпереселенцев, нашла вечный покой в ауле Арал-тобе. К осени 1942 года дирекция совхоза включила Гильду Ивановну в список мобилизованных в трудармию, предложив «устроить» дочь в детский дом.

Пережив дни отчаяния, глава семьи Рауш временно получила отсрочку от мобилизации и была направлена рабочим конюшни – возить сено, чистить навоз. В целом, трудовые будни Гильды Ивановны, которые я привожу по документам, для того времени являлись самым характерным явлением в жизни немцев-спецпереселенцев.

Самые сложные, трудоемкие работы выполнялись женщинами, подростками. Но почему Гильда Ивановна в эти годы не была допущена к учительской работе, я так и не смог понять. Такие же, как и она, немцы – учителя, бух-

галтеры, агрономы, фармацевты, механики – почти все получили возможность работать по специальности.

Она ведь была учителем физики и математики с высшим образованием и десятилетним стажем работы. Во всех средних, семилетних школах района учили немецкий язык. В некоторых из них преподавали местные кадры с неполным средним образованием, не зная хорошо ни немецкого, ни русского языка. Официального ограничения доступа немцев к учительской работе не было. В школах района работали учителями выселенцы Ленц М.Г., Беккер О.Г., Эппингер А.А., Райсих Э.Ф., Дош А.П., все они пользовались должным авторитетом в школах, уважением населения.

Однако, никто из них не имел высшего педагогического образования. Среди них самой опытной была Мария Генриховна Ленц, выпускница Саратовской гимназии, которая преподавала немецкий язык в старших классах Джамбейтинской средней школы. Может быть, неостребованность Гильды Ивановны, как учителя, заключалась в том, что обучение в школах проходило на казахском языке? Нет. В Джамбейтинской средней школе из 23-х класс-комплектов в девяти обучение велось на русском языке. В Булдуртинской средней школе таких классов было семь. В смычкинской неполной средней школе шесть классов на русском языке. Из 82 учащихся 40 немцев, 9 русских. Почти такая же картина в неполной средней школе конезавода № 117.*

Завуч Булдуртинской средней школы Жумашев Айткали был единственным в районе учителем математики с высшим образованием. Потребность в опытных учителях с высшим образованием по предметам физика, математика, немецкий язык была во всех средних и неполных средних школах района.

* Госархив ЗКО. Фонд 1133. Дело 14, л.3,8.

По данным РайОНО (1942-46 гг.) из 176 учителей только восемь человек имели диплом о высшем образовании, и 28 учителей работали без законченного среднего образования. В восьми километрах от Арал-Тобе, где жила Гильда Ивановна, находился аул Елтай с неполной средней школой. В октябре 1942 года директор школы Исмолдин просит заведующего РайОНО: “В связи с тем, что Вашим распоряжением учитель русского и немецкого языков переведен в другую школу, мы перестали учить эти предметы. Срочно направьте учителя”.

По итогам первого полугодия директор школы шлет очередное письмо в район: “...учитель немецкого языка отсутствует с начала учебного года”.

Только в сентябре 1943 года Гильда Ивановна была направлена учителем немецкого языка в Акрапскую неполную среднюю школу, где не было ни русского класса, ни даже ни одного русского или немца. Лишь в 1945-46 учебном году Гильда Ивановна начала работать в качестве учителя математики в старших классах Джамбейтинской средней школы – в райцентре (п.Джамбейта). Только через четыре года ей предоставили возможность, наконец, работу по своей специальности – преподавать физику и математику в старших классах полной средней школы.

Правдой было и то, что, даже в самые суровые годы войны, школьному образованию уделялось огромное внимание. Кроме установленной зарплаты, учителя пользовались льготами по отоплению, освещению (керосин). Выдавались, хотя в очень ограниченном количестве, продукты, товары первой необходимости того времени. Характерная записка райотделу наробра: “Довожу до вашего сведения. Через Шаганкульское сельпо получил следующие товары, предназначенное для учителей – чай 450 гр; мыло 6 кусков; 12 коробок спичек. Директор Жетикульской семилетней школы Гусманов”.

Джамбейтинская спецкомендатура периодически требовала от руководителей хозяйств и других организаций и учреждений характеристики на лиц немецкой национальности, состоящих у них на учете, и на все свои запросы получали, в основном, стандартные ответы типа “работают хорошо, выполняют и перевыполняют сменные (сезонные) задания, прогулов не было”. Это пишут директора совхозов и председатели колхозов механизаторам и другим рабочим, колхозникам. А на учителей – немцев директора школ пишут вроде бы подробные объективно-продуманные отзывы. Но в них (нередко) почему-то сквозит явно критический штамп, который обязательно будет замечен заинтересованными чинами: “Владеет методикой преподавания своего предмета, ... уроки ведет по плану... Однако, не в достаточной степени проявляет активность при проведении внеклассных работ, уклоняется от выполнения общественных поручений”.

Этот листочек бумаги того времени с казенной печатью и подписью должностного лица - уже судьбоносно значимый документ. При внимательном чтении – серьезный повод для очередного выговора учителю - спецпереселенцу – “... ты почему отлыниваешь от важных политических компаний? Это что, саботаж ... ?!”

С утра, до начала занятий, надо бы отметиться в комендатуре, но кабинет чиновника еще закрыт. После уроков опять же помощник коменданта вышел куда-то “по делам”. А на другой день уже слышишь серьезный властный упрек: “Почему умышленно нарушаете график регистрации? ...”

Основательные познания профессии учителя, культура обращения, равно и уважительное отношение к своим коллегам не могли не вызвать сочувствие и взаимное уважение к ней. Это Гильда Ивановна всегда чувствова-

ла. Но она помнила и случаи, и поступки людей, оставляющие в душе человека глубокие чувства обиды, сожаления и разочарования.

Был случай, когда товарищи по работе внесли предложение ввести ее в состав месткома, но директор школы категорически предупредил: “Граждане, находящиеся под надзором милиции, в руководство общественной организации не рекомендуются”.

В следующем (1949 году) учительский коллектив проявил солидарность – после дебатов, обсуждения единогласно утвердили членов ревизионной – контрольной комиссии профкома – самых строгих, справедливых проверяющих. Внесли в протокол. Подписали. А через два дня в школу нагрянула комиссия во главе с ответработником райкома партии. Было проведено повторное профсоюзное собрание – это весь учительский состав самой большой средней школы района, – на котором Карл Карлович Нильмаер и Гильда Ивановна Рауш-Соляникова были выведены из состава ревкомиссии. Те же люди проголосовали вторично – против, за исключением одного. Старейший учитель русского языка и литературы Альмуханбет Уребаев возмущался: “Стыдно! Они же не враги народа, да и война давно окончилась. Надо хотя бы их ввести в состав госкомиссии – выпускной, они же лучшие специалисты!”

Не ввели, не разрешили. И нужно ли после этого говорить об активности или участия этих людей в общественной жизни коллектива? Их убивали морально на каждом шагу. Они вынуждены были молча терпеть все несправедливости и унижения.

* * *

Рауш-Соляникова многократно обращалась с письмами в самые высшие инстанции страны. Самому Сталину,

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ворошилову. Уже после войны, в 1950 году, она писала: “Мне просто не верится, чтобы власти могли дать такие указания, чтобы мы были навечно, под угрозой 25 лет каторжных работ, привязаны к местам сегодняшнего выселения только за то, что родители другой национальности. Других преступлений за нами нет”.

Не только она, но и все спецпереселенцы – немцы старше 16 лет третий раз за период пребывания здесь подписывали по вызову комендатуры такую казенную бумагу: “..., что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года выселен (выселена) навечно и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждению к двадцати годам каторжных работ. Личная подпись. Дата.” Учительница Рауш–Соляникова три раза расписывалась под этим текстом – 18 января 1948 года, 25 июня 1950 года, 4 июля 1952 года.

В августе 1953 года она пишет письмо в Кремль: “С Германией война давно окончена. Профилактические меры (может и нужные на самом деле), которые в первые месяцы войны были приняты временно по отношению к русским немцам, давно устарели. Совершенно не понятно, почему до сих пор не меняется отношение государства к своим гражданам – русским-немцам?”. Она пишет, что высший закон СССР – Конституция запрещает под угрозой уголовного наказания какое-либо предпочтение и, наоборот, ущемление прав одной нации другой. Почему временные меры предосторожности переходят в вечное ограничение прав одного из народов Советского Союза? Считаю, что я и моя семья имеет полное право проживать в любом месте Советского Союза”.

Может быть, настоятельные просьбы – призывы дошли до высшего начальства (или до всевышнего), и ровно

через год 20 августа 1954 года был издан приказ МВД СССР № 00713, по которому спецпереселенцам разрешался выезд с мест постоянного выселения ... только по территории Казахской ССР. Запрещался выезд в пункты, откуда немцы были когда-то высланы. А Гильда Ивановна несколько раз получала приглашение на работу от своей Мгинской школы Ленинградской области.

После вступления в силу указанного Приказа начались выезды немецкого населения из района. Немцы получили паспорта. В то же время районная комендатура отказала Гильде Ивановне в оформлении постоянного паспорта, не говоря о возможности выезда в другие районы Казахстана.

Каждый год ограничения свободы давался женщине нелегко. Последние из этих лет вконец измотали ее силы и нервы, но она не переставала обращаться к властям, добиваясь справедливости. И органы МВД, в свою очередь, не уставали ее преследовать. Проверки и следствия велись одни за другими.

В начале января 1955 года при очередном рассмотрении заявления учительницы одного из сотрудников спецотдела облуправления МВД осенило – из имеющихся документов видно, что Рауш-Соляникова выселению с постоянного места жительства не должна была подвергаться, так как была замужем за русским. Предложили снять ее с учета спецпоселения. А сколько лет Гильда Ивановна писала в разные инстанции, что она эвакуирована по решению Мгинского райсовета Ленинградской области, что вышла замуж за русского Соляникова в 1933 году, что дочь Ида носит фамилию отца, и сама с двойной фамилией по брачному свидетельству!

17 мая этого же года второе заключение, подтверждающее вывод январского разбирательства по повторному заявлению спецпоселенки.

А 3 июня республиканский мвдэшник наложил резолюцию – “основания к снятию Рауш-Соляниковой с учета не имеется”.

Отчаявшаяся до крайности учительница шлет телеграмму в адрес Ворошилова. Прилагается решение Мгинского райисполкома. Очередное разбирательство. Нашли, наконец, совершенно “свежий факт” - если к началу войны она состояла в браке с русским, то содержание ее на учете необоснованно.

Только 18 февраля следующего 1956 года учительница Рауш-Соляникова была снята с учета спецкомендатуры. Она была последней из немцев спецпоселенцев, снятой с учета Джамбейтинской спецкомендатуры. Гильда Ивановна 14 лет и 3 месяца совершенно незаконно, даже по законам того времени, безо всяких оснований содержалась под надзором со всеми ограничениями прав, подвергалась унижению человеческих достоинств.

В 50-е годы, особенно после известного Указа 1954 года, в сотнях немецких семьях происходили радостные встречи с теми, кого разлучила судьба в 1941-42 годах. У одних отец вернулся из трудколони, другие по счастливому случаю по новым адресам находили семью, братьев – сестер. Словом, кого пощадила война, оставив в живых, вновь сходились в объятиях радости.

Гильда Ивановна с дочерью тоже за долгие годы разлуки, жили с горячей надеждой о встрече мужа и отца. Но судьба в отношении к ним распорядилась по иному – жестоко.

Все эти годы она искала мужа по всевозможным адресам. Только в конце 1953 года, через 12 лет, получила ответ от Московского Центрального бюро адресов. Слишком поздно. Валентин Николаевич Соляников тоже разыскивал по всему Союзу жену и дочь. Окончательно устав в своих поисках и ожиданиях, он женился. У него была своя семья.

Куда выехала Гильда Ивановна с дочерью, какова их дальнейшая судьба, я пока не знаю.

Ирма Гейнц – Гефелей*

Два документа военных лет в Джамбейтинском райархиве, каждый в пол-листочка нестандартной бумаги. Привожу текст в таком виде, как они были написаны 60 лет тому назад. Первый: “Джамбейта предрайисполкому. Выписка из приказа № 107 по конезаводу № 117 от 11.09.1943г. Гейнц Ирму Андреевну зачислить в штат 5-ого отделения по должности тракториста-комбайнера с 13 сентября 1943 года. Основание заявление Гейнц И.А. Директор Варламов”.

Эта выписка, видимо, была ответом директора Варламова на предыдущий официальный запрос райисполкома. Из ответа Варламова следует, что согласно личного заявления, Гейнц принята на постоянную работу по специальности. Все по закону. Нет основания предъявлять к нам какие-либо претензии. Оказывается, к директору конезавода у предрайисполкома есть вопросы. А вот другой документ. Распоряжение – резолюция: тов.Неталиеву. Составить телеграмму Варламову о возврате Ирмы Гейнц. Валиев, 6 октября 1943 года. И текст телеграммы на обратной стороне листа: “Директору конезавода № 117 Варламову. Вами принято на работу без санкции райсовета тракторист по национальности немец. Джамбейтинский райсовет д/т от вас требует немедленно исключить со штата совхоза тракториста-комбайнера тов. Гейнц И.А. Направить в распоряжение Джамбейтинской МТС предрайсовета Б.Валиев”.**

Конечно, в то время “санкция” исполнительного органа строго выполнялась. Ирму Гейнц могли направить в

*Срымский филиал Госархива ЗКО. фонд 2, опись 2, дело №229

** Госархив ЗКО. Фонд 1121. Дело 221, л.4,5.

любой из 40 колхозов района на выполнение срочных работ по обмолоту собранных сноп зерновых на комбайнах. Эта работа велась без перерыва во все осенне-зимние месяцы.

Председатель райисполкома имел полномочия направить Гейнц И.А. в любую бригаду района, в нужное ему время суток – раймилиция и спецкомендатура по надзору за немцами-переселенцами работали в жестком режиме и распоряжения главы местной власти выполнялись (в таких случаях) без обсуждения – точно в срок.

Кто же эта “Гейнц И.А.”, которую директор будущего немецкого совхоза своим приказом (может и задним числом) принял на работу, а другая вышестоящая инстанция – сам райисполком срочно отзывает телеграммой в свое распоряжение, чтобы направить на “горячий” хлебной участок?

В годы войны из-за нехватки кадров трактористов-комбайнеров по району несколько раз прошла компания по направлению девушек и молодых женщин на специальные курсы при Джамбейтинской МТС. Это нелегко было. Шума было много. Но какая-то часть местных девушек действительно освоила сложную профессию. В Джамбейте аксакалы помнят по имени некоторых девушек-трактористок – говорят, их было “сексен кыз”. Я смог более – менее уточнить немецкие фамилии трактористок по мтэсовским бригадам. Их шестнадцать. (Этот список прилагаю к данному рассказу).

Двадцатилетняя Ирма была старшая из трех дочерей Екатерины Романовны Гейнц, которую в октябре 1942 года выселили из колхоза им.Энгельса Теректинского района нашей же области. Сначала она попала в колхоз Жетиккуль, а через некоторое время оказалась в райцентре – Джамбейте. Отсюда Екатерина Романовна с двумя младшими дочерьми (8 и 10 лет) каким-то образом смогла перебраться в конезавод № 117 этого же района. Родиной

ее была бывшая Немецкая автономная Республика на Волге – селение Блюменфельд, что в Палассовском районе нынешней Саратовской области. В конезавод № 61 Ординского района (Нарын - пески) Западно-Казахстанской области семья Гейнц переехала в 1935 году. А в Теректинском районе (левый берег Урала) оказались, когда здесь организовывались довоенных два немецких колхозов. И наверняка Ирма приехала в Джамбейту уже комбайнером с некоторым стажем. Рабочую профессию приобрела будучи в немецком колхозе.

Об отце девушек в архиве МВД никаких данных нет. В те годы почти все мужчины – немцы трудоспособного возраста были мобилизованы в трудармию, а отбывающих сроки тюремного заключения указывали в личных делах оставшихся членов семьи. По другим источникам я не смог уточнить судьбу семейства. В любом случае, глава семьи отлучен от своего очага еще до начала войны. Ирма осталась единственной помощницей матери и, может, пошла в трактористки из интереса семьи.

Из джамбейтинских немцев семья Гейнц в конезаводесовхозе № 117 обосновалась сравнительно раньше, чем остальные переселенцы из колхозов. Ирма вышла замуж (1946г) за Андрея Ивановича Крумм. Он тоже работал трактористом. Родилась дочь Екатерина. У Маргариты Яковлевны Крумм Андрей был тоже старшим. Большая семья – братья Крумм в истории совхоза “Правда”, наряду с другими рабочими династиями, оставили заметный след. Особенно в большие хлебные годы (1956-1965гг.) среди известных всей области хлеборобов были – Крумм Яков Иванович, с ветераном целины – бригадиром Штайнмарком Александром Ивановичем – они первыми награждены Большой золотой медалью Всесоюзной сельхозвыставки. Братья Круммы – Андрей Иванович, Яков Иванович и Иван Иванович вместе с будущими “звездами” целины – Риф-

фелем Эдуардом Карловичем и Кинсфатором Александром Ивановичем - отличились в масштабе Республики Казахстан и в 1958 году. Через некоторое время Андрей стал одним из лучших бригадиров, Яков – заведовал МТМ – машинно-тракторными мастерскими всего совхоза, а Иван Крумм, в течение многих лет бездипломный инженер-механик по самым трудоемким работам, – наладчик машин и механизмов на животноводческом комплексе.

В 60-е годы (уже прошлого века) здесь знатно работали не только братья Круммы. В районе не менее известностью славились и остались в памяти сегодняшнего поколения мастер кузнечных дел Эммануил Богданович Кербс, его сын, тоже кузнец, прозванный “главным кузнецом “Правды” Эдвин Эммануилович; а Артур Эммануилович – из ряда замечательных хозяйственников (управляющий № 4 - Карагандинский). В этом ряду и братья Герстнеры – Эммануил Мартынович и Петр Мартынович. И еще десяток, если не больше, семей правдинских “трудоголиков” - немцев.

* * *

Свой рассказ мы начали о комбайнере 40-х годов, немецкой девушке Ирме Гейнц. Дай бог ей много лет здоровья. В 70-е - 80-е же годы в сравнении с уровнем военных лет, техника и технология в сельскохозяйственном производстве обновилась неузнаваемо. Особенно у правдинцев, которые регулярно получали лучшие технические образцы, производимых в СССР для нужд села. Изменилась сама организация труда на селе. Для тех наших земляков-немцев, испытавших тяготы военных лет в качестве депортированных в эти края, выехавших сегодня в Германию, этот мой рассказ - напоминание о былом. Они, наверняка, знают больше. А для их детей и внуков, возможно, представляет исторический интерес.

Наши здешние джамбейтинцы – казахи, прочитав эти страницы, скажут, - ой-ау, и почему автор не упомянул о Гефелей Иване Яковлевиче? Надо бы не забыть и Виктора Александровича Виснера, - неустомимом труженике, мастере – золотые руки. А Ляйман Андрей Егорович – известный не только в области. Лауреат Государственной премии, рекордсмен по откорму КРС – знаменитой казахской белоголовой породы, у которой “мраморное” мясо. У Ляймана учились животноводы всей области. Республиканские, союзные газеты подробно писали об откормочном “конвейере” этого специалиста. Список таких передовиков совхозного производства можно продолжить.

Освоение целинных земель в районе и расцвет “Правды” - широко известные факты недалекого прошлого. В Джамбейтинском районном музее имеется достоверный материал об этом большом трудовом коллективе – имени газеты “Правда”. Портреты выдающихся тружеников и организаторов социалистического производства. Здесь большинство тех, о ком мы рассказываем – джамбейтинские немцы – правдинцы.

Ирма Андреевна Гейнц, познав в молодости трудности жизни, стала свидетельницей, когда правдинцы стали жить лучше, так сказать “по труду”. В послевоенные годы вообще заметно улучшилась жизнь на селе. Кто работал хорошо, – у тех жизнь устраивалась быстрее. Особенно здесь, - в совхозе “Правда”. У каждого - дом (центральное отопление, водопровод), личное подворье – сад, огород, скот, птица – все было. Автомобиль в 80-е годы в правдинской семье уже не роскошь, а необходимость.

Интересуюсь Ирмой Андреевной у Серафимы Ивановны (Драгуновой), кадровика-правдинца тех лет, которая вела учет рабочих и служащих. Она рассказывает:

- Знала ее, но в позднее время. Дети, внуки. О том, что в годы войны она работала комбайнером, узнала из

ее трудовой книжки. Крепкая и смелая, видать, девушка была - все годы войны быть за рулем непросто. Таких мало. Семья Ивана Яковлевича Гефелей выехала в Германию в конце восьмидесятых годов.

Это тот самый Гефелей, который более 20 лет до самого ухода на пенсию был одним из избранных авторитетных хозяйственников Шубина. О нем я наслышен был с

Иван Яковлевич Гефелей

детских лет. В ноябре 1942 года в числе пяти немецких семей – с детьми Иваном, Арнгольдом, Эрной и Эмма – Марию Андреевну Гефелей (1901 года рождения) поселили в наш аул Арал-тобе (колхоз того же названия).*

О Гефелеях и о других немецких семьях мне рассказывал летописец нашего аула Мурат-ага Айткалиев. Позже сам перелистывал сельсоветскую книгу за 1942-43 гг, в

которой аккуратно вписаны фамилии каллиграфическим почерком секретаря Ельтайского аулсовета военных лет, 14 летнего Мурат-агая. Кроме семьи Гефелей, здесь значатся:

- Семья Виснера Александра Христофоровича, 1885 года рождения, тоже был очень искусным ремесленником. Он шорник. Сам выделывал шкуры. Изготавливал сбруи для конской упряжи и другой хозяйственный инвентарь из кожи;

- Брауэр Амалия Ивановна (1903 года рождения) с четырьмя детьми. Двое девочек – Эмма и Элла ходили за

*Сырымский филиал Госархива ЗКО фонд 15, опись 2, дело 2.

плугом, пасли рабочий скот в период посевной. Потом Эмма по аулу собирала налоги – стала финагентом;

- Семья Лейса Федора Федоровича: жена Амалия Яковлевна, сын Александр, дочери Эмма и Клара.

... В 1944 году (указаны число, месяц) эти немецкие семьи по указанию коменданта переехали в конезавод № 117. Осталась одна могилка. Здесь, в Жанглыш -оба, похоронен Федор Федорович Лейс (1900 года рождения). Умер неизвестно от какой болезни. К нам, в колхоз, к семье, он приехал больным. Может, из “трудармии” или из мест заключения. Скончался 27 июня 1944 года.

... Когда в наш колхоз из Бурлина приезжали кузнецы-механики или директора соседних совхозов Шуков, Валентейчик, баскарме нужен был тилмаш - переводчик. Председатель колхоза Изтелеуов Мендеш приглашал девятилетнего Ивана Гефелей. Мальчик знал языки и уже не по летам предприимчивый – за свои услуги смело предлагал условие – горсть пшеничного отхода за каждое слово (может, за предложение). Конечно, учесть объем его “работы” сложновато, но каким-то образом толмач так зарабатывал свой паек.

В конезаводе Иван выучился на тракториста. Потом десять лет работал бригадиром тракторно-полеводческой бригады, но в районе он известен как один из бессменных управляющих отделением совхоза “Правда” вплоть до ухода на пенсию.

Вспоминает также известный “правдинец”, организатор животноводческой отрасли совхоза, из числа соратников и друзей Шубина – Сади Кабышев:

- Иван Яковлевич из рабочих. Хозяйственник был крепкий, обстоятельный. Товарищ и собеседник интересный. Мы встречались за дастарханом в праздники и в те редкие наши выходные дни. Неплохо, главное, от души пел казахские песни. Иногда, по настроению, сам импровизи-

ровал на казахском языке. Занимательный человек, несмотря на строгую деловитость в работе.

Родиной Якова Карловича и Марии Генриховны Гефелей – Поволжье (Ней – Веймар, Блюменфельд).

В казахскую Таловку они переехали в 1934 году. Яков Карлович, мобилизованный в трудармию в начале войны, вернулся в семью только в 1946 году. Как старший из детей, Иван Гефелей (в 16 лет он был уже рослый, крепкий парень) работать начал рано. У него механизаторского стажа на пять лет больше, чем у Героя Соцтруда Риффеля (они почти ровесники). Он уже весной 1954 года – в первый год целины, возглавил бригаду целинников № 4. Это они со Штайнмарком Александром Ивановичем – первые бригадиры тракторных бригад – из правдинских немцев. Иван Гефелей – первый назначенец Шубина – директора. Особая черта этого директора – находить наиболее талантливых людей на каждом участке. Эта изюминка его деятельности вспоминается еще к тому, что в последние советские годы, да и сегодня почти повсеместно (особенно на местах), процветала практика подбора по признаку преданности высокому начальству (плохой – но, свой). Шубин умер после сорокалетнего директорства, – так и не признав этот пагубный принцип. Гефелей в годы войны не смог получить школьное образование. И такого, без аттестата даже за шестой класс, вопреки возражения райкома партии, руководителем подразделения крупного хозяйства мог назначить только Шубин.

Здесь, в совхозе имени газеты “Правда” прошла его юность, вся трудовая жизнь хлебороба. Пройдя все ступени рабочей профессии, стал крепким хозяйственником, требовательным руководителем. Иван Яковлевич Гефелей надолго останется в доброй памяти джамбейтинцев.

СПИСОК

комбайнеров-трактористок - девушек
немецкой национальности

по Джамбейтинской и Алгабасской МТС
Джамбейтинского района (1942-1951 гг.)

1. Браун Мария Генриховна, 1923 г.р., к/завод № 117.
2. Ваал Терезия Георгиевна, 1925 г.р., совхоз Булдуртинский.
3. Гаас Паулина Генриховна, 1923 г.р., совхоз Таскудукский.
4. Гаас (Золотарь) Мария Генриховна, 1923 г.р., совхоз Таскудукский.
5. Гейнц (Гефелей) Ирма Андреевна, 1923 г.р., к/завод № 117.
6. Гергерт-Беккер Мария Петровна, 1926 г.р., совхоз Джамбейтинский.
7. Даршт Екатерина Станиславовна, 1934 г.р., Алгабасская МТС.
8. Дейберт Марина Ванделевна, 1922 г.р., к/завод № 117.
9. Дингес Виктория Рейнгольдовна, 1932 г.р., совхоз «Смычка».
10. Дислинг Эмилия Александровна, 1914 г.р., Джамбейтинская МТС.
11. Майзель (Михаэлис) Вильма Александровна, 1920 г.р., к/завод № 117.
12. Майнская Мина Александровна, 1920 г.р., Джамбейтинская МТС.
13. Михаэлис Виктория Яковлевна, 1924 г.р., к/завод № 117.
14. Рифферт (Боксбергер) Амалия Александровна, 1927 г.р., совхоз Джамбейтинский.
15. Рудер Агада Генриховна, 1921 г.р., совхоз Булдуртинский.
16. Шерер (Риффель) Лидия Яковлевна, 1927 г.р., к/завод № 117.

Два Артура

(Артур Александрович Штромбергер
и Артур Эрнстович Вегеле)

**Артур Александрович
Штромбергер**

Два Артура – так продолжают величать их в Булдурте. Почти четверть века они жили и работали в одном ауле. Во многом схожи их судьбы.

Оба учились в городе Уральске. После школьных занятий спешили на курсы Осоавиахима: один учился парашютному делу, другой изучал азбуку Морзе. Оба Артура по профессии учителя. Один – учитель русского и немецкого языков, другой – физики и математики. Их родители переехали в Казахстан из Поволжья в тридцатые годы. Отцы того и

другого работали бухгалтерами.

Александр Андреевич Штромбергер в 1939 году был направлен Союзсовхозтрестом бухгалтером в Булдуртинский совхоз, в один из трех совхозов Джамбейтинского района, организованных в середине 30-х годов.

Эрнст Федорович Вегеле, главный бухгалтер Западно-Казахстанского отделения “Лектехсырье”, был арестован в 1938 году и расстрелян в сентябре следующего года. Мой рассказ – это рассказ о судьбе их сыновей, о судьбе двух Артуров.

Артур Александрович старше своего тезки всего на три года. В 1940 году был призван в Красную Армию, полу-

чил звание младшего лейтенанта. В 1941-м году, в первые месяцы войны, по известному приказу, был отозван из рядов действующей армии.

Артур Эрнстович, десятиклассник, вместе с матерью Лидией Андреевной и сестрой Эльзой 18 ноября 1941 года с домашним скарбом (на арбе) были доставлены в Джамбейтинскую спецкомендатуру, а затем отправлены в Булдурту.

После демобилизации из Армии Артур Александрович, начавший работать учителем, вскоре вновь был призван и был назначен заместителем начальника лагеря военнопленных № 7 НКВД Пермской области. Откуда, в 1948 году (по завершению службы) возвращается в Булдурту, где проживали его родители. Преподает русский и немецкий языки, назначается завучем, а затем директором средней школы.

* * *

Осенью 1941 года директор совхоза Шувалов назначил семнадцатилетнего Артура Вегеле радистом. Уже через месяц, хорошо освоившись со своими обязанностями, юноша-радист с ленточки аппарата читает строки, касающиеся его самого: “директору совхоза ... радиста Вегеле по причине национальности немедленно освободить от должности радиста”. Артур Вегеле был переведен на ферму № 1 учеником техника - осеменатора.

Артур Эрнстович с большим уважением вспоминает Айман-апа, Сартай-ага и заведующего фермой Шантиева Рахмета, которые тепло приняли его, делились хлебом — солью. Помнит и Имангали-ага и его жену Катира-апа, в семье которых ему пришлось жить долгую зиму.

Как родного приняли его эти люди: накрывали дастархан, на который ставили все, что имели. “Долгие годы мы общались семьями, - рассказывает Артур Эрнстович о сво-

Артур Эрнстович Вегеле.

их аульчанах, с которыми он работал, общался в военные годы. – А какой вкусной была горсточка жаренного просатары Катиры-апой, когда в конце зимы иссякали всякие запасы еды”.

Вегеле, из числа моих собеседников, отличается тем, что он более подробно рассказывает о булдуртинцах-казахах. Помнит много имен, фамилий. Я здесь упомянул только некоторых. Вспоминая, он восклицает: “А какие добрые люди мне помогали тогда - Мухитов Кидаш, Туякбасаров Кумар, Шайхы Муканов!...”

До окончания войны Артур Эрнстович работал на разных участках крупного мясо-зерносовхоза в качестве учетчика, зоотехника, иногда выполнял обязанности ветсанитара-веттехника.

До окончания войны Артур Эрнстович работал на разных участках крупного мясо-зерносовхоза в качестве учетчика, зоотехника, иногда выполнял обязанности ветсанитара-веттехника.

- Зимой 1944 года, - рассказывает он, - на ферме Ащесай, где я работал зоотехником, из-за недостатка кормов был допущен падеж скота. Срочно прибывший по этому делу районный прокурор в первую очередь вызвал на допрос меня. Обошлось. А я ведь ожидал, что меня арестуют и - под суд.

С болью вспоминает он некоторые другие подробности, когда действительно достаточно было поводов, чтобы юношу – бездипломного “зоотехника” объявить вредителем, врагом народа. “Мне много помогали, даже защищали добрые люди. Я их не забыл – помню. Спасибо им”, - так благодарит он тех, кого уже давно нет, вспоминает их детей, родственников.

Судьба улыбнулась молодому человеку, который очень старательно, добросовестно составлял кормовые балансы (в кормовых единицах), где указывал наличие и остаток кормов на первое число каждого месяца. Может быть, его спасла немецкая аккуратность, да и чувство самосохранения, ответственности в той обстановке. На этот раз райпрокурор оказался выше официальных “предрассудков” к немцу-выселенцу.

* * *

Артур Эрнстович летом 1945 года, отлично (экстерном) окончив среднюю школу, поступил в Уральский педагогический институт.

Сорок лет проработал Вегеле в Булдуртинской средней школе. Двадцать из них – заведующим учебной частью. За эти годы поменялось много директоров, но Вегеле неизменно оставался завучем. Учителя с большим педстажем в районе не редкость, но проработать 20 лет подряд в одной школе завучем – сумел только Вегеле.

До переезда старшего Артура в Москву два Артура, два друга, много лет работали в одном селе, в одной школе. Дружили семьями. Обоих отличало редкое трудолюбие, были они мастерами на все руки.

После войны, в середине пятидесятых годов, первыми в совхозе сами построили саманные дома. Недавно мне привелось увидеть дом Вегеле: хорошо сохранившийся, скромный, с пристройками, ухоженным садом. Трудно поверить, что он построен четыре десятилетия с лишним назад. Ведь дом весь сложен из глинобитного самана. Заметен тщательный ежегодный уход – ремонт. Теперь в доме проживают старые приятели – друзья семьи Вегеле – Аллаберген Капсанов и его супруга Екатерина Андреевна.

В последнюю поездку в Булдурту встречался еще с несколькими людьми, которые хорошо знали, помнят этих учителей.

Их ровесников и тех, с кем они работали, почти не осталось. Но их хорошо помнят и те, кому сейчас 40-50 лет, и которые помоложе.

«Ә, екі Артур ма? Қолдарынан келмейтіні жоқ еді-ау... Ауылдың сәні болды-ой - дегендей».

Не раз можно были услышать о них такие слова.

Еще задолго до появления в ауле водоподъемных (бытовых) насосов (“Кама”, “Ак-Едиль” и др.) два Артура приспособили свои мопеды-мотоциклы и обильно поливали свои сады, огороды. Выращивали овощи, картофель, сажали бахчи. Это они первыми заложили здесь в засушливой степи, виноградники.

Они и охотники, и рыбаки. Кроме того, они увлекались живописью, рисовали.

Но булдууртинцы особо запомнили их как лучших комбайнеров. Артур Эрнстович проработал комбайнером двенадцать сезонов. Учительские летние отпуска совпадали с периодом хлебоуборки, и друзья садились за штурвал комбайнов. По намолоту в центнерах не уступали известным совхозным комбайнерам – профессионалам. (Впрочем, многие из них были тоже из немцев).

В те годы, в целом по Казахстану, страна-то целинная была, хлебных полей было сотни тысяч гектаров. В каждом хозяйстве хороших комбайнеров почти всегда не хватало. В Булдурте более 20 тысяч гектаров посевных площадей. Комбайнеров приглашали из Украины, Молдавии..., обещая им золотые горы: высокую зарплату и гарантированные премиальные. Заказывали спецрейсы – самолетом. Приезжие не выдерживали июльско-августовскую жару и

15-16 часов непрерывной работы в поле. Болели, досрочно требовали расчеты.

А два Артура – один завуч, другой – директор школы – добивались наибольших намолотов зерна в совхозе, иногда в районе. За труды – прибавка к школьной зарплате и десятки центнеров зерна.

* * *

Артур Эрнстович не состоял ни в комсомоле, ни в рядах партии. Свой предмет в школе и общешкольную учебную программу вел строго, на уровне самых высоких требований. Мне кажется, что он никогда не забывал об аресте и расстреле отца. Но тепло вспоминал и деда Федора Вегеле, активного члена большевистского подполья г. Камышина.

Читаю характеристику, данную директором Булдуртинской средней школы (50-е годы) Балпейсовым (по требованию коменданта) на жену Вегеле – Эльзу Федоровну Райсих: “уроки дает хорошие, однако во внеурочное время мало общается с учительским коллективом. Недостаточно проявляет активность в выполнении общественных поручений”. Не стал бы, наверное, уважаемый директор проявлять творческую активность при составлении текста характеристики-справки на Артура Вегеле. С позиции казахского “белсенді” ему можно было бы заметить недостаточную общительность, даже некоторую замкнутость, при этом признавая, что в школьном коллективе ему не было равного в хорошем знании своего дела.

Много воды утекло со дня написания этой казенной бумаги. И, наверное, уже в другое время можно было бы написать иное “посвящение” Эльзе Федоровне и Артуру Эрнстовичу, в котором отметить их талант, достоинство и другие качества.

С возрастом дают знать о себе разные болезни. После переезда в Уральск Вегеле стал частенько болеть, перенес несколько сложных операций.

- В больнице - плати за все. За марлю, за шприц, за рентген снимки... Пенсии далеко ... не хватает. Конечно, здоровому человеку, какой-то минимум есть. Помогает сестра Эльза Эрнстовна, она живет в Берлине.

* * *

В поиске “немецких материалов” в архивах просматривал книги ЗАГСа. Интересно, кто же из наших немцев – первые родившиеся здесь, в Джамбейте, Джамбейтинском районе – на новой Родине, хотя – берега Уленты, Шидерты и Булдурты – не выбор их родителей.

В записях актов гражданского состояния за 1942 год значатся несколько немецких фамилий. Учитывая, что прибывшие, особенно в первые месяцы, часто меняли места жительства (внутри района), эти записи могли не полностью охватить количество бракосочетаний в немецких семьях и рождения детей. Прочитываю документы по Куздигаринскому сельскому совету. Знакомые фамилии. Сохранилась первая запись (корешок листочка от 21 января 1942 г.) – регистрация бракосочетания бухгалтера совхоза Вегеле Эльзы Эрнстовны и кузнеца Карх Александра Александровича. Возможно, и по названному сельскому Совету это не полные данные, однако первенца семьи Карх-Вегеле-Эрну Александровну Карх (Таранюк) – можно считать первым ребенком немецкой семьи на джамбейтинской земле. В архивных документах день рождения Эрны Карх – 29 октября 1942 года, день рождения Комсомола, один из праздников Советского времени.

В этом году Эрнстине Александровне исполнится 60 лет. Столько же лет началу истории джамбейтинских немцев. До выезда в Германию она тоже преподавала в Бул-

дуртинской средней школе – вела уроки русского языка и литературы. Она – Заслуженный Учитель Республики Казахстан. Марат Сахипович Кадыров, замечательный педагог и признанный глава учительства Джамбейтинского района 90-х годов. Это он рассказывал, за какие заслуги и трудовые отличия Эрнестина Александровна была представлена к почетному званию.*

* * *

Продолжу рассказ о втором Артуре, Артуре Александровиче Штромбергере.

В пятидесятые годы Артур Александрович работал учителем Джамбейтинской средней школы. В нашем классе он не преподавал. В седьмом “Г” немецкий язык вела Анна Яковлевна Шваб.

В полутемных коридорах нашей старой “красной школы (когда еще в Джамбейте не было электрического света) висели портреты на белом полотнище, в рамах. Портреты ученых, писателей.

Помнится, напротив двери нашего класса висел большой портрет человека с завитушками-кудрями (потом узнали, что он в парике). Учитель физики при раскрытой двери рассказывал нам, что – это Ломоносов. А потом, показывая пальцем на рисунок в учебнике, говорил: “А этот человек друг Ломоносова, ученый - немец. Это его убило ударом молнии, когда он проводил опыты с электричеством. Окна были открытые. Надо было закрывать”. Мы не понимали. Наши окна классной комнаты не открывались. Форточек тогда еще не было. А друга Ломоносова звали Рихман Георг Вильгельм. Его фотографии есть и в новых учебниках.

* По инициативе ЗавРайОНО Кадырова М.С. в Правдинской СШ учащиеся немецкой национальности немецкий язык, как родной начали учить с первого класса, а не с пятого (как было принято по Программе).

Потом, наш одноклассник Бакытжан Жангазиев (у него отец был известный в области учитель), который читал больше всех нас, рассказывал, что все эти портреты рисовал неміс-афай художник, будто бы он приехал из Москвы. Учитель был замечен в школе. Он был самый длинный и худой, уже с лысиной - қасқа бас - а на остальной половине учительской головы вились черные-черные (қап-қара) кудряшки.

Артуру Александровичу много лет проработавшему директором школы, где-то в конце 70-х годов предложили должность секретаря партийного комитета совхоза. Мое знакомство с нашим школьным “неміс-афай” - художником состоялось в эти годы его секретарства.

Конечно, кадры в секретари парткомов отбирали тщательно. Но существовал сложившийся стереотип, – нужен партчиновник – исполнитель. А Артур Александрович был (в моем понимании) человеком совершенно другого склада. Директора Булдуртинской средней школы в районе знали многие, как талантливое педагога, профессионального организатора школьного дела. На такого человека не мудрено обращать внимание. Почему-то у меня сложилось мнение, что Штромбергер наиболее “сохранившийся”, то есть, природный немец. И в 70-е годы он выделялся “чем-то” среди районной интеллигенции. И этим “чем-то”, мне казалось, именно его “немецкость”.

В новой должности А.А. Штромбергер сохранил прежний имидж знающего дело человека, в данном случае партслужащего. Оказывается, даже с самых верхов, обреченную в железные рамки формальной бюрократии этого периода, работу можно вести без излишнего шума и показушности, в русле полезной повседневной практической деятельности конкретного трудового коллектива. Но секретарем парткома он пробыл недолго. Выехал на новое место жительства. В Москву. Сорок лет оставался в моей

детской памяти как “приехавший из Москвы афай”, и вот он насовсем уехал в Москву. Говорят, до выхода на пенсию он работал директором одной из московских школ.

За полувековую историю немецкого поселения в районе А.А. Штромбергер – единственный немец, выдвигавшийся на должность директора школы и секретаря парткома крупного зерносовхоза. В административно-партийной иерархии сельского района выше его должность занимал только Граф Г.Г., председатель Джамбейтинского райисполкома, второе лицо в районе.

Сегодня, когда из нашей Джамбейты в разное время выехали “насовсем” такие немцы, как А.А.Штромбергер, “вечный” учитель А.А.Вегеле и другие герои моих рассказов, я вспоминаю мнение другого немца, ставшего всеказахстанским немецким казахом, - Герольда Карловича Бельгера, о том, что “государство и общество замечают и обращают внимание на утечку мозгов, но происходит прежде всего утечка сердец и душ”.

Правдивые слова. Происходит и то, и другое, и третье.

Сороковые годы. Ауыл әңгімелері.

(Р.Дингес, Е.Питтель-Рудер и другие)

Сотни семей спецпоселенцев немецкой национальности, покоряясь гонениям властей, смирившись с тем, что предназначено им судьбой, жили безропотно, тихо. Жили, чтобы выжить.

Все ограничения по инструкции и унижения отдельных, чересчур ретивых шолак белсенді аульных активистов к ним, хоть как-то компенсировались гостеприимством и добродушием всего казахского населения. Да и сами казахи, также как и они, тянули тяжелые лямки колхозно-совхозной жизни.

Требования и порядки были строгими. Но чья бы ни была эта строгость, Сталинская или партии коммунистов, только благодаря ей (строгости) труд нашего народа во имя победы над врагом привел к конечной цели. И это факт!

Бесспорно, жестокий режим того времени касался всего народа, и все же, среди осужденных и ссыльных в нашем районе преобладали граждане немецкой национальности.

Осталось в памяти джамбейтинцев нашумевшее тогда “групповое” дело женщин – немок – Ниффель Иды Петровны, Губерт Амалии Кондратьевны и Ринг Марии Андреевны. Их обвиняли в систематической антисоветской пропаганде, дискредитации руководства Красной Армии, а также за клевету на партию и руководителей государства. Одну из этих женщин (Ниффель И.П.) суд приговорил к расстрелу, а двое других получили долгие сроки заключения.

Суровое наказание ожидало и тех, кто, чтобы прокормить себя и семью, горстями, в карманах, в мешочках

приносили домой отходы зерновых, которых метелками собирали на току или в складах. Так Эмма Николаевна Юнева намела на току отделения совхоза “Таскудукский” восемь килограммов и двести граммов остатка фуражного зерна и принесла домой в подоле юбки. Ее задержали. А когда провеяли и прочистили, то “добыча” женщины не превышала и двух килограммов. За это “преступление” Юневу посадили на семь лет; ей повезло, вернулась она через четыре года домой, где ее ждали мать, трое братьев и сестра.

В совхозе “Булдуртинский” мастеру кузнечного дела Фридриху Фридриховичу Бенцлеру, у которого дома малмала пять-шесть детей, один из его друзей-казахов намёл веником в складе целый мешок ячменя, а другой сосед, узнав об этом, донес куда следует. И ушел кузнец на десять лет в тюрьму. К счастью, с божьей помощью, был амнистирован и вернулся к семье через три года.

В Булдурте, как и других земляков-немцев, Бенцлеров хорошо помнят. Когда я лет пять назад начал интересоваться немцами, кого помнят, наряду с другими называли кузнеца дядю Федю, который (кроме множества совхозных дел) многим младенцам-казахам мастерил из железных прутьев колыбель-бесік – подарок новорожденным. Узоры из тонкого железа украсили изголовья ювелирной кровати-качалки.

Конечно, и среди казахов было немало безвинно пострадавших, я же пишу сегодня о наших, джамбейтинских немцах.

26 июля 1950 года в Джамбейте проходил суд над Рейнгольдом Ивановичем Дингесом, известном во всем районе слесарем, кузнецом, мастером-наладчиком всего машинотракторного парка. Директор совхоза “Смычка” Туран Тажбеков написал подробную докладную – объяснительную в милицию, утверждая о том, что без этого немца-

мастера в совхозе будут сорваны все сроки полевых работ.

А судили Р. Дингеса за то, что неисправные и изношенные заводские искрогасители тракторов он заменил самодельными. Из-за них (вроде бы) и возник пожар в степи, погубивший сорок гектаров сенокосных угодий. Пожар был ликвидирован, ущерб государству составлял небольшую сумму. Сгорела к счастью, лишь часть угодий, непригодная для кошения площадь.

В сущности, дело было так. Директор потребовал у механика, чтобы трактор любой ценой срочно “пошёл в борозду”.

В те годы из выхлопных труб тракторов при нагрузке искры выбрасывались целыми шлейфами. Горячая пора: заготовка кормов для скота, уборка урожая, каждый трактор на счету, и простой его дорого обходился совхозу. Словом, дело требовало срочных мер. И из-за дефицита запасных частей, механик умудрялся изготавливать детали и собирать узлы машин и механизмов буквально из ничего. Таким образом, многие трактора и машины работали в поле благодаря самоделкам Дингеса. Из одной такой самоделки и возник пожар. Составили акт.

На суде директор не стал уточнять о своём строгом наказе механику, и подсудимый, в свою очередь, промолчал о том, что выполнял прямое указание директора. Так мастер-умелец из Поволжья, который там ещё в годы первой пятилетки по-ударному работал на заводных и отечественных тракторах, Рейнгольд Иванович Дингес, вместо благодарности за свои “дефицитные” искрогасители, попал на скамью подсудимых.

Разумеется, в районе совершались не только те случаи, о которых мы пишем. Например, на десять-пятнадцать лет были осуждены за падеж 10-15 голов скота директора совхозов Валентейчик и Хусаинов. Не было фу-

ражного зерна, ощущался недостаток сена-соломы, да мало ли было других причин. Но спрос был один: допустил потерю господоголовья – отвечай по закону перед партией и государством. В те годы (сороковые, пятидесятые) почти все хищения и другие аульные злоупотребления тут же раскрывались милицией. Теперь же, нынешние расхищители государственной и другой собственности становятся “невидимками”. Неуловимыми стали авторитеты - скотокрады в сопровождении милиционеров в форме и без формы. И в газетах пишут, – ловят убогих воров-одиночек, а “щуки” с миллионами долларов тихо мирно уходят в дальнее и ближнее зарубежье. Во всеобщей растащиловке и аульные барымташи стали совсем бессовестными – уводят со двора единственную корову у бедняка - безработного или у престарелых пенсионеров.

За какие-нибудь три-четыре года десятки тысяч коров и сотни тысячи овец расхищено в разрушающе - вороватом бартере. Сколько можно съесть, распродать за такое короткое время! Это были годы интенсивной растащиловки и разрушения, бессовестно преступного присвоения именитыми и безымянными жуликами всего накопленного за годы созидательного социализма. И это называлось перестройкой (зачастую получилась дикая капитализация через скоростную приватизацию - “прихватизацию...”)

В годы войны люди уносили колхозное зерно домой в кармашках от нужды, чтобы не умереть; сегодня же воруют те, которые уже заимели достаток и хотят любым способом -законным, чаще незаконными путями дорожками умножить свое состояние – стать богатым, потом еще богаче. Этих “новых” пока невозможно призвать к порядку. Они защищены теми же служителями порядка надежнее, чем сегодня аульный пенсионер – инвалид Отечественной, заслуженный ветеран соцпятилеток.

Еще один случай. Было это в Талдыбулаке в конце сороковых годов. Коммунист ветсанитар Аккаиров (все-речь и в шутку) бесконечно приставал к дояркам и работницам фермы, которые и без того уставали от повседневной нелегкой работы. И, чтобы положить конец этим приставаниям и угрозам, Елизавета Георгиевна Питтель-Рудер вместе с подружками решили проучить джигитовавшего за солдатками и вдовами ветеринара. В другой раз, идя на работу, Лиза (возможно, кто-то из подружек)хватила из дома кухонный нож, загодя спрятав его, где смогла, и когда ветсанитар по привычке начал свою любовную “песню”, вытащив нож, кинулась на всеобщего обидчика. Аккаиров оказался не героем. Он пулей “вылетел” из коровника. У женщин задумка была – пугнуть его как следует, но, очнувшись, ветсанитар тут же разыскал местного парторга и вместе с ним сообщил о случившемся в комендатуру.

Ясно, что возбудили уголовное дело на спецпереселенку, обвинив её в организации враждебных действий против власти и Компартии. (Веттехник был членом ВКП (б). Но все женщины, работавшие на ферме, встали на защиту своей подруги, заявив в один голос, что никто из них не видел никакого ножа в руках у Елизаветы, а грозила она Аккаирову кулаками в ответ на его приставания и постоянные оскорбления.

- Да и трусоват он, померещилось ему со страху-то, вот и переврал, а Лиза ему только и сказала: “Ты чего ругаешься!”, - утверждали женщины.

Когда комендант Каруна обратился с вопросом к “пострадавшему”:

- А какой нож был в руках у Питтель-Рудер?

- Вот такой!! – ответил тот, выставив вперед руки на ширину плеч.

Но такой величины нож ни в доме у Лизы, ни у других женщин не нашелся.

Словом, Е.Питтель-Рудер была оправдана на суде.

Трудно сказать, что именно повлияло на принятие такого решения в отношении “спецпереселенки” немецкой национальности, которая обвинялась в совершении одного из тяжких преступлений в истории района после “группового выступления женщин” против власти в совхозе “Смычка”.

Возможно, следователь был под богом, и поступил по справедливости. Может, сказались решительность и солидарность Талдыбулакских женщин или сам бог благосклонно отнесся к ее судьбе. Кто знает?*

До последних лет, даже в семидесятые годы, этот ветсанитар, говорят, всячески избегал встречи со своими старыми “знакомками”, старался обходить, если их замечал. А аул-то небольшой, встречи случались. Он был с ними недостаточно приветлив и боязливо краток.

Особенно с Лизой-Елизаветой Георгиевной.

Все-таки нож был у неё.

* Ее муж Алис Антонович Питтель - первый электрик Талдыбулака. Их дети - Антон, Мария, Алис, Иван, Екатерина, Александр, Полина, Тереза выехали в Германию.

Семья Рифферт – Аралтобинские старожилы.

(Рассказ Кумисшаш-апай)

**Амалия Александровна
Боксбергер-Рифферт**

Амалия Александровна Боксбергер-Рифферт, последняя из немцев-выселенцев 1941-го года, более 60-и лет, до своей кончины (2001г.) прожила в Аралтобе.

С 14 лет молоденькой девчонкой уже трудилась в совхозе на самых сложных участках производства: в годы войны-трактористом-комбайнером, после мотористом-наладчиком, более десяти лет молотобойцем(!) на совхозной кузнице, строителем-штукатуром. Насколько полно не уверен, по МТСовским документам я смог уточнить фамилии – шестнадцать немецких девушек-трактористок, работавших у нас в годы войны. Из них наиболее известными в районе стали – Дислинг Эмилия Александровна, Беккер (Гергерт) Мария Петровна и Амалия Александровна Боксбергер.

В 18 лет она вышла замуж за Рифферта Альберта Христиановича, кузнеца. Альберт – старший из сыновей Эмилии Яковлевны Рифферт. Из немецкого Поволжья Христиан и Эмилия Рифферты в Казахстан переехали еще в середине двадцатых годов. Их дети – Альберт, Адольф и Рудольф родились и выросли в г.Уральске среди русско-казачьего населения.

Альберт Христианович всю жизнь работал кузнецом, умер здесь же, в Аралтобе. Его брат Адольф тоже много

лет был трактористом-комбайнером, слесарем в мастерской. Из наших Риффертов он с семьей (жена Анна Ивановна) в семидесятые годы выехал на Украину – в Одесскую область.

Здесь в совхозе почти до конца 80-х годов трудился младший Рифферт-Рудольф Христианович. Несколько лет приходилось работать вместе с ним. Последние десять-пятнадцать лет он занимался бахчеводством, выращивал овощи. Работник был добросовестный, человек немногословный, скромный.

Из аралтобинских Риффертов только его семья (жена Бальзер Раиса Викторовна, сын Дмитрий) выехала в числе поздних переселенцев на историческую Родину – в Германию.

Документального подтверждения не имею – трудовая книжка Амалии Александровны сдана в собес. По рассказам ее детей – Натальи, Ивана и Людмилы, она вышла на пенсию в 1977 году как рабочая горячего цеха – кузнецы. Это почти десять лет их мать работала здесь вместе с отцом.

У Ивана Альбертовича допытываюсь, повторяю вопрос:

- Возможно, Ваша мама не работала, а просто числилась молотобойцем для полного трудового стажа?

- Нет, она могла уйти на пенсию как многодетная мать. В кузнице у нее зарплата была 120 рублей в месяц. Мама работала, как положено, все рабочие дни по восемь часов. Будучи школьником, я часто бегал к родителям на работу и видел: папа огромными щипцами держит на наковальне какую-то деталь, а мать точно бьет по ней молотом, следя за движением руки отца.

Почему я с некоторым недоверием уточняю эту страницу трудовой биографии нашей героини? Амалия Александровна в 1961 году родила сына Сергея – десятого

ребенка в семье. 3 июня следующего 1962 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР она награждена орденом “Мать-героиня” (орденская книжка № 076954). Ей 34 года. Будучи в почетном звании “Мать-героиня” она еще 20 с лишним лет трудилась на производстве, из них десять лет – в кузнице.

Дети есть дети (в любом возрасте). Иван Альбертович делится со мной своими воспоминаниями тех лет:

- Отец с матерью работали постоянно. Жили нормально. Есть, одевать – всё было. Перед началом учебного года мать покупает нам целый мешок обновы – обувь, школьную форму, другую одежду...

В 1966 году родилась Люба, тринадцатый ребенок, а Амалия Александровна по-прежнему продолжала трудиться. Кроме кузницы, она работала на стройке, выполняла ремонтно-штукатурные работы на животноводческой ферме – она маляр, штукатур, печник.

Чтобы одевать, обувать всех детей, видимо, зарплаты мужа и детских пособий не всегда хватало. Поэтому-то Мать-Героиня продолжала трудиться на важных участках совхозного производства.

У старшей дочери, Натальи Недопекиной, семью которой она чаще навещала в последние годы, уточняю:

- Ваша мама была в течение многих лет одним из лучших рабочих совхоза среди женщин. Кроме Материнского ордена, есть другие правительственные награды?

Не нашли, не было... В СССР, в государстве рабочих и крестьян, такие люди должны быть в почете. А тут женщину, которая с юных лет ударно трудилась на благо социализма, и в эти же годы родила и вырастила тринадцать детей, почему-то обошли.

Сегодня в Указах о награждении знаками “Алтын алка”, “Күміс алка”, (родившие и воспитавшие 8-10 детей), в основном, значатся как “домохозяйки” - женщины,

исключительно занятые домашними делами, воспитанием детей. А тогда, Амалия Александровна успевала зарабатывать на производстве и за детьми смотреть.*

Спрашиваю у своих собеседников – детей Риффертов:

- Какие подарки преподнесли матери – мать-героине, когда ей исполнилось 50, 60, 70 лет?

- Однажды ей подарили шаль... - грустно вспоминает Лидия Альбертовна.

Оказывается, при вручении ей ордена “Мать-Героиня” председатель облисполкома интересовался вроде бы, - какой подарок она хотела бы получить, она сказала:

- Если можно, стиральную машину.

В то время во всей округе такая машинка была только у Риффертов.

Слава богу, все их дети живы – здоровы, имеют свои семьи.

Старшая Наталья, ее пять братьев и сестер живут в г.Уральске. Александр на Дальнем Востоке. В Екатеринбурге и Оренбурге живут семьи Виктора и Алексея Риффертов.

А Люба и Сергей на Украине. В родном Арал-тобе остались Андрей и Владимир. Словом, по всему бывшему Союзу, можно сказать живут и здравствуют дети этой большой замечательной семьи – Амалии Александровны и Альберта Христиановича.

* * *

В те 1941-42-е годы в совхоз “Джамбейтинский” (в аулы Арал-тобе, Кызыл-агаш, Жамбыл) на постоянное местожительство были определены более трех десятков немецких семей. Дэрры, Вервейны, Вольфы выехали еще в конце пятидесятых годов, а Гергерты, Беккеры, Брунгардты позднее, в конце восьмидесятых.

Сегодня (в 2003г.) в Арал-тобе остались семья Александра Адольфовича Рифферт, братья Андрей и Владимир Альбертовичи.

Имена здравствующих подруг матери подсказала Наталья Альбертовна:

- Мама и в самые последние годы жизни часто ездила в Арал-тобе, к детям. Она вспоминала: "Там прошли хотя трудные, но самые лучшие мои годы – моя молодость". В Арал-тобе её давнишние подруги Кумисшаш-апай, Дэме-ли ... Они могли бы многое рассказать о нашей маме.

Действительно, Кумис-апай оказалась прекрасной рассказчицей:

- Работали мы дни и ночи. А работать от зари до темна для нас было обычным явлением. Уставали очень. Одежка худая, обувь латаная-перешитая. Мерзли на морозе, мокли под дождем. И все же у каждого из нас – местных, есть свой дом, худо-бедно личное хозяйство, близкие родственники рядом, или в соседнем ауле. Эмилия Яковлевна пришлось в первые годы с детьми и со скромным домашним скарбом часто проситься по квартиркам – где-кто предложит уголок. Но дети ее были приучены трудиться и характером покладистые – Альберт славился лучшим кузнецом, Адольф – комбайнер, младший Рудольф пошел работать позднее – работал слесарем в МТМ. Уже в пятидесятые годы Рифферты жили хорошо. Бабушка Эмилия Яковлевна прожила до восьмидесяти лет, скончалась в год смерти Косыгина. Эмма Боксбергер – ее старшая сноха. Амалия была, пожалуй, самой сильной и выносливой. Работала не хуже многих мужчин. Родила и вырастила тринадцать детей. Это позднее, в советское время, у многодетных матерей были некоторые льготы, а в годы войны и после даже в пятидесятые никто из нас и не слышал о декретных отпусках, не знали роддомов. Женщины, случалось, рожали прямо на рабочих местах, в поле.

Работы в совхозе было без конца и края. Посев, сенокос, уборка хлеба, зимовка... - везде женщины – наряду с мужчинами. Кроме, как на работу, других слов, как будто и не слышали. Одна радость – жили дружно. Слов “немец”, “казах” мы не произносили. Делились последним куском хлеба. Не поделиться с нуждающимися рядом – у самой кусок поперек горла станет.

Дети Амалии и Альберта с малых лет очень дружно работали и по дому и в совхозе, они тоже зарабатывали. Школьники Рифферты летом на стройке работали, они и зимой зарабатывали – отец смастерил им какой-то ручной станок и они на весь совхоз вязали металлические сетки. Он, Альберт Рифферт, многих местных ребят научил своему ремеслу. Машины у них не было. Но мотоциклов, мопедов было полный двор. В Арал-тобе из женщин одна Амалия ездила на работу на мотоцикле. (Потом Иван Альбертович уточнил – это М-103, – первый выпуск, “козлик”). Вообще, уже в шестидесятые-семидесятые годы наши немцы жили хорошо, хотя и скромно. И вдруг начали дружно выезжать. Видимо, судьба такая. Мы не виноваты в том, что так бездумно разрушили их благополучную довоенную жизнь... Наши немцы старшего возраста – кто выехал, а многих, светлая им память, уже нет на этом свете. Амалия Александровна последняя из них была. Она почти до конца своих дней жила в Арал-тобе. Сегодня по-прежнему ее двое сыновей - Андрей и Владимир Альбертовичи – наши соседи.

Да сохранит Аллах детей и внуков наших, джамбейтинских немцев, там, где они нашли приют и благоденствия. Жаль, конечно, они и здесь жили хорошо, в дружбе и согласии, может, там лучше? Дұрыс болар, ата-бабалары-нын туған жеріне не жетсін! - закончила свой рассказ благодарная Кумисшаш-апай.

Мария Яковлевна Берг

(Ваше благородие, подполковник Кудрин!)

Просматривая записи, сделанные в архиве Управления внутренних дел области, где искал материалы о семье нашего Норуса Берга, наткнулся на имя Марии Яковлевны Берг. Пожелтевший от времени листочек, в котором спрессована вся судьба незаурядного человека. При внимательном чтении, торопливые записи работников милиции наводят на определенные мысли.

Во-первых, раньше почему-то думал, что только моему народу присуще высокие чувства родственных отношений, что только казах всегда ищет себе сородича и нет для него превыше того, как помочь своему ближнему, быть опорой ему в дни невзгод и ненастий.

И второе. Нашей милиции (полиции) доставалось еще при горбачевской гласности, а в последние годы об этих пороках переходного времени, мы нередко слышим и видим по телевидению, - о том, что среди бравых ребят в милицейской форме имеются и такие, которые, прежде всего заботятся о собственных благах. Я имею в виду распространенную среди них "болезнь" - поборы, взятки и прочее - не в обиду честным и добросовестным парням этой строгой службы.

Наш короткий рассказ об офицере милиции.

Из служебной записки прослеживается вот такая история. Сентябрь 1953 года. Ранней весной (5 марта) умер Сталин. Начальник Канской милиции Красноярского края подполковник Кудрин в очередной раз просматривая "дело" гражданки Марии Берг, которая находилась под надзором местной милиции, задумался. По состоянию здоровья она считалась "нетрудоспособной", была необходимость

“устроить” ее жизнь лучшим образом. К тому еще, она оставалась “спецпереселенкой”. Слабое здоровье, за душой нет ни гроша, на что будет жить? В Канске, кажется, во всей округе у неё нет знакомых или родственников, которые могли бы помочь.

С этими вопросами Кудрин обратился к своему подчиненному, ответственному за “учетных” немцев. У службиста ответ был краток и жесток:

- Поднадзорных врагов народа еще хватает на наш век. И что это у Вас голова болит за нее, умрет, ну и пусть, туда ей дорога...

На вопрос Кудрина: “Куда можете поехать, есть ли где родственники?”, ссыльная назвала Западный Казахстан, где могут быть ее родственники. Между Канском в Западной Сибири и нашим аулом Арал-тобе – путь не одного дня. Но начальник милиции нашел верный адрес Александра Андреевича Зейденцаль – агронома совхоза “Джамбейтинский”, который сам состоял на учете в местной комендатуре. Выслал запрос: есть у Вас такая-то родственница, здоровье у нее очень слабое, пенсий-пособий нет, сможете ли взять ее к себе и создать условия “нормальной жизни”.

Отец Зейденцалья – Андрей Яковлевич (1870-1932гг) был старшим братом Марии Яковлевны. С племянником она зналась, но уверенности не было, что будет приглашена. Старая, больная, не имеющая никаких льгот и пособий, к тому еще и ссыльная – кому тогда нужна была такая?

Но жена совхозного агронома Ольга Андреевна Филатова посоветавшись с мужем, пишет ответное письмо Кудрину о том, что принять согласны, но выехать за ней в Красноярский край, к сожалению, нет возможности.

Получив такой ответ, подполковник Кудрин помимо казенного пайка по своей инициативе собрал у своих кол-

лег немного денег на дорогу, и таким образом в сопровождении милиционера М.Я.Берг была доставлена в аул Арал-тобе. Родственники приняли ее хорошо. У Зейденцалов Мария Яковлевна прожила несколько лет, чувствуя тепло и заботу доброго семейства. Она писала письма благодарности в Канск - Кудрину.

Ольга Андреевна, работавшая бухгалтером Госбанка в городе Энгельс, 6 ноября 1941 года была выселена по семейному положению – была замужем за немцем. Но в 1944 году выяснилось, что она русская – и её сняли с учета. Однако в 1949 году О.А.Филатова была вторично выслана как спецпереселенка. Муж ее Зейденцаль был освобожден и вернулся к семье из трудармии (Вятлаг) в начале пятидесятых. Пишу об этой семье со скромной надеждой на то, что если уж не сами эти добросердечные люди, то хотя бы их дети, - дочери Мира (1936г.р.), Нэлли (1937г.р.) и сын Эдуард (1941г.р.) услышат о своих родителях несколько теплых слов. Возможно, Зейденцалов, их детей – внуков, вспомнит кто-то из наших Джамбейтинских немцев, выехавших в Германию в более поздний период.

О судьбе самой Марии Яковлевны Берг, дошедшие до нас сведения таковы. Родилась она в 1885 году в селе Альт-Урбах (Немецкое Поволжье), была самой младшей из пятерых детей в семье. В девять месяцев от роду лишилась матери, с девяти лет жила в людях, а в девятнадцать - стала членом подпольной компартичейки.

Жизнь ее с приходом Советской власти, казалось, только и наладилась. Но в 1931 году ее муж, замечательный мастер столярных дел Бенгард Берг был внезапно арестован и осужден. А через десять лет саму Марию Яковлевну, осенью 1941 года выслали в Тюх-тобе, что в Красноярском крае. Работала там безотказно и добросовестно. Она была работающей с детства. И что примечательно, при

тех условиях, когда всех, кто родился немцем, арестовывали, загоняли в трудармии, а над их женами и детьми установлен жесткий контроль – еще при Сталине, няню местного детского дома М.Я.Берг в 1951 году... наградили медалью “За трудовую доблесть”. Она была единственная из почти тысячного населения джамбейтинских немцев (взрослых) награжденной Правительственной наградой до 1956 года.

В характеристике, которую подписал директор детдома для местной милиции, отмечено исключительное трудолюбие и порядочность Марии Яковлевны. “Ее неутомимая материнская забота, бесконечная доброта к каждому ребенку заслуживает высокой Правительственной награды. Она многим сиротам заменила мать” - записано в этой характеристике.

Для немки – спецпереселенки, исключенной из рядов ВКП (б) “по причине” политненадежности – медаль “За трудовую доблесть”, действительно, высокая награда. Видать, справедливым и смелым человеком был директор Канского детского дома.

Добавлю: за добрым поступком подполковника Кудрина действительно стоял справедливый и смелый человек, который по всем возможным каналам добивался льгот для М.Я. Берг – досрочное её освобождение, доставка до места жительства и т.д. А вот его фамилии в документах не значилось.

Герой труда Эдуард Карлович Риффель

(Выбор Шубина)

*Виктор Игнатьевич
Шубин*

Среди 154 директоров совхозов и председателей колхозов Западно-Казахстанской области было немало удостоенных высокого звания Героя Социалистического труда, но звезда Героя труда В.И. Шубина сияла ярче всех. Он сумел в рядовом хозяйстве, где по старинке разводили только лошадей, освоить сорок тысяч гектаров пашни и более тридцати лет выращивать на них самые высокие в Западном Казахстане урожаи зерновых, довести совхозное стадо крупного рогатого скота до двенадцати тысяч голов и сдавать государству больше всех мяса самого высокого качества. При нём в хозяйстве для каждой семьи были построены благоустроенные коттеджи с центральным паровым отоплением и питьевой водой, а так же с дополнительными хозяйственными пристройками. Такие культурно-бытовые условия в то время не были созданы даже во многих районных центрах области. На искусственном пруду разводили более ста тысяч водоплавающих птиц. Населенные пункты совхоза утопали в зелени. Было создано образцовое садовое хозяйство. Общественное питание обеспечивалось разнообразием овощепродуктов.

О совхозе имени газеты “Правда” немцы-правдинцы могут рассказать лучше меня. От себя хочу сказать лишь то, что среди десятков лучших хозяйств области по объему товарной продукции, благоустройству, да и по всем другим показателям совхоз “Правда” был на порядок выше. Ему не было равных. Он был одним из лучших по всей Республике. И обязан этому, кроме всего прочего, своему директору В.И. Шубину.

В Джамбейтинском районе немало было руководителей хозяйств, прибывших по направлению Минсельхоза и ЦК. Все они в основном приобретали и опыт, и признание впоследствии, в процессе производственной деятельности, лишь правдинский директор был единственный, кого признали сразу – знает своё Дело. Среди первоцелинников, получивших в 1957 году высокое звание Героя труда первым директором совхоза в области был так же он, Шубин, который сорок лет вёл своё хозяйство, ничуть не снижая ни темпов производства, ни качества производимой продукции. Не случайно один из виднейших государственных деятелей того времени, признанный лидер Советского Казахстана Динмухамед Кунаев при каждом своём посещении Приуралья непременно заезжал в хозяйство Шубина. Думаю, неслучайно и то, что среди хлеборобов-механизаторов, получивших золотую звезду Героя труда, был бригадир двенадцатой бригады этого же совхоза Эдуард Карлович Риффель. Первым и единственным в районе среди людей его профессии. Но почему именно Риффель, а не кто-то другой был удостоен этого высокого звания? В хозяйстве не один, а десятки людей и среди немцев, и среди казахов, как говорится, родились земледельцами, в совершенстве знали технику, авторитетные организаторы, а выбор пал на него, на Риффеля?

Не секрет, ордена и медали, не говоря уже о различных дипломах и грамотах, порой, раздавались по фор-

мально – бюрократической схеме, или же спущенных сверху условиям и инструкциям, но Риффель к таким кандидатам не относится, он – выбор самого Шубина, который не признавал ни райкомовские, даже обкомовские амбиции и местный патриотизм. Он мог бы рекомендовать выдающихся механизаторов-мастеров – Коха Эдвальда Егоровича, или Виснера Виктора Александровича, или кого-то из братьев Крумм... Те же знатные организаторы производства Гефелей Иван Яковлевич, Кинсфатор Александр Иванович, Герстнер Эммануэль Мартынович, Штаер Франц Карлович – посчитать пальцев на руках не хватит, – достойные кандидаты на Героя. Но среди всех этих замечательных тружеников Шубин выбрал его, Риффеля.

* * *

Выселенцы из Джаныбекского района в основном из совхоза “Таловский” прибыли в Джамбейту последним этапом депортированных немцев в декабре 1942 года.

Карл Багданович и Мария Давыдовна Риффели с четырьмя детьми в эту зиму прожили в райцентре. В одной из последних встреч с Героем, он, когда услышал, что мы из Джамбейты, широко улыбаясь, радушно приветствовали нас:

- О... добро пожаловать! Давненько не было у нас районных представителей, заскучали прямо... Тем более – делегация от молодёжи.

Мы знали, что этот человек общительный, мягкий по характеру, добродушный, и всё же думали, что он – человек известный в районе. Герой! Станет ли тратить драгоценное бригадирское время на “районщиков”. Тем более к Риффелю делегации разного уровня ездили регулярно.

- Давненько я не ездил в Джамбейту, и не так далеко, ведь, рядом, но сами видите, нет времени – работа. Да что

Джамбейта, домой, вот, нет времени съездить, к семье, к жене. За всё лето ни разу не виделись, а дети растут... - говорил он на чисто казахском языке. Нам знаком хороший казахский многих немцев, но его ровная речь, лёгкая добрая шутка, искренняя простота буквально очаровывают нас.

- В Джамбейту мы приехали в декабрьские морозы сорок второго года, - продолжает он, - по колхозам не успели расселить, да и мест, возможно, там не было, а здесь, в райцентре, приютили нас семья Касым-агая. Привёл к ним нас один человек, должно быть, кто-то из работников райисполкома. Он зашёл в избу, а мы слышали сердитый голос Асимы-апай:

- Да что вы в самом деле, в своём уме, не видите, что живём в тесноте... - Но, когда она вышла к нам и увидела наши жалкие лица, сменила свой голос. Только и сказала чуть слышно: "Заходите!"

Небольшую печурку, делившую тесную комнатку пополам, топили запасами кизяка хозяева дома, а сама хозяйка каждое утро делила всем поровну молоко своей единственной коровы. Разве можно забыть это! Позже, когда мы переехали сюда, в совхоз, устроились на работу и кое-что нажили, мама наша специально поехала навестить этих добрых людей, но не застала их: переехали куда-то в сторону Актюбинска. Так и не смогли мы по-человечески отблагодарить их - людей, которые помогли нам пережить первую трудную зиму на новом месте. Однако пустое слово, говорят, вредно для желудка, прошу вас в нашу бригадную столовую, там и продолжим разговор за чашкой чая.

* * *

Весной следующего года (1943) вместе с прибывшими из Джаныбека семьями Кинсфаторов, Ваймертов, Керб-

сов, Круммов семью Риффеля направили в колхоз “Шидертинский”. Бедный аул, в каждой землянке живут по несколько семей. О поселении здесь немцев не могло быть и речи. Поэтому всем депортированным разрешили переехать в конезавод, где требовались дополнительные рабочие руки. Вот так, выехавшие ещё в тридцатые годы из округов Штрассбург, Блюменфельд, Водянка, Нью-Веймер (ныне Палассовский район) в Джаныбекские земли стали теперь вновь соседями в аулах Тоганас, Сегиз-уй Джамбетинского района и с божьей помощью начали строить своё новое счастье, счастье своих детей на новом месте жительства.

* * *

У земледельцев с самого начала освоения целины до восьмидесятых годов была такая рабочая единица как “прицепщик”. На эту работу управляющие отделений хозяйств обычно направляли, в период сезонных работ, домохозяек, школьных подростков, порой и тех, кто нарушает трудовую дисциплину или лишился по каким-то причинам водительских прав. Зарабатывали они третью часть того, что начислялось трактористам. Их так и называли – третьим помощником тракториста. Нередко прицепщикам доверялось сделать пару кругов на пашне за рычагами трактора. Они помогали и при ремонте машин на борозде. При такой практике эти люди за один сезон освоили технику и, не имея официальных документов, были уже “готовыми трактористами”. Таким, при нужде, главный инженер хозяйства сам выписывал от руки “права” – удостоверяющие о том, что человек прошёл пятимесячные курсы механизаторов. Как правило, такие специалисты – самоучки знали технику и весь процесс сельхозработ не хуже выпускников СПТУ. Прошёл эти своеобразные курсы и Эдик Риффель – будущий наш Герой соцтруда.

С пятнадцати-шестнадцати лет, работая прицепщиком, он отлично освоил всю сельскохозяйственную технику и можно сказать, что путь его к звезде Героя начался с работы прицепщика. В его трудовой книжке читаем: "Тракторист с 1951 года (23 года). Временно выполнял и другие работы, был пастухом, конюхом".

Тогда у руководителей не было ещё ГАЗиков и УАЗиков, и в качестве персонального транспорта содержали они в спецконюшнях лошадей, постоянно готовых в любое время суток к упряжке или верховой езде, так что дело конюха, ухаживающего, за ними, было беспокойное и ответственное. К тому же и конюшня должна была всегда быть чистой, убранной, потому что хозяйство это было не простым совхозом, а конезаводом № 117 Министерства обороны СССР.

Если в начале сороковых годов семью Риффель переселили на левый берег Урала как немцев, то в начале пятидесятых эта же участь постигла и семьи казахов из Ординского и Жангалинского районов, и, хотя переезды осуществлялись в одной стране, в одной и той же области, оставлять родные места, где покоится прах дедов и прадедов, людям было нелегко. Не успел ещё остыть пепел от большой и жестокой войны, а землю казахов стали рвать кусками на различные полигоны, танкодромы и космодромы.

Новая история печальной судьбы Нарынской земли Западного Казахстана началась с этих дней, с момента переселения людей из родных мест.

Слава Аллаху, семья букейцордынца Садиа Кабышева не так уж далеко ушла от родных мест. В 1953 году Кабышев переехал сюда и устроился на работу в конезаводе № 117. На другой же год его назначали управляющим вто-

рого отделения этого же завода. Два поселенца – один немец, другой казах оказались соседями без забора, к тому же ещё и курдасы (ровесники). Жили как одна семья, куначили по очереди: то у одних, то у других. За дастарханом всегда было весело, шумно. Эта дружеская связь не прерывалась и после переезда Кабышевых, по-прежнему навещали друг друга. Мерует-апа тепло вспоминала Людмилу Риффеля, её маму Екатерину Ивановну Шерер, её внука Якова... Когда он тяжело заболел, Кабышевы всей семьей ночью искали врача...

Яков вырос большим джигитом – живёт в Германии.

* * *

Подъем целинных и залежных земель в истории бывшего Союза и нашей республики занимает особое место. В северных областях и на востоке страны, можно сказать, была совершена аграрная революция. Государство было обеспечено хлебом, в аулах выросли производительные силы, росла урожайность полей. Вместе с тем, сейчас открыто, без всякого научного обоснования, осуждается эта историческая эпопея, дескать, сняли плодородный слой вековых залежей и за пятнадцать-двадцать лет превратили цветущие степи в пустыню и, таким образом, глобальная аграрная политика Хрущева надолго испортила естественное плодородие земли.

Не знаю, как в других местах, но в нашем районе, в частности в совхозе имени газеты “Правда”, где самое большое количество целинных гектаров, кажется, нашли способ “не повредить” матушке-земле.

И раньше где-то говорил, что в конкретные факты положительных и отрицательных сторон целинной эпопеи мы мало вникали, чаще слышали в те годы и читали громкие призывы борьбы за миллиард пудов, но точно знаю, что в совхозе “Правда” прибывшие по “призыву” целин-

ники долго не задерживались, остались считанные люди. Этим я хочу сказать, что в совхозе “Правда” целину поднимали не “новосёлы” пятидесятых, а местные жители – казахи и немцы.

Сосед Риффеля Сади агай, о котором говорилось выше, проработал с Шубиным около двадцати лет, создал местную фабрику по производству мяса (работал главным зоотехником) и был живым участником тех исторических событий.

- Целинников по мобилизации прибыло немало, - рассказывает он, - были среди них и неплохие, работающие парни, но таких мало было. Не знаю, возможно, все они были городскими, непривычными к сельхозработам, словом, - трудились по общепринятым регламентам: в субботу и воскресенье – у них выходные дни, а иногда и среди недели устраивали отдых, а время посева не ждёт. Видя всё такое, главный агроном, покойный, Иван Михайлович Третьяк, сказал как-то: “Хватит, мы не можем терпеть эти “шалости” приезжих. Возникла угроза срыва графика весенних полевых работ, надо в бригады направить своих местных ребят. Выбрать самых достойных, знающих технику, цену земли. Иначе не будет урожая, и пашню испортим”.

Так и сделали, отобрали молодых ребят, занятых на других участках, среди которых был и Эдуард Риффель. Посадили его на самый мощный трактор “С-100”. Работал он на самых трудных участках безотказно, летом и зимой, днём, когда надо и ночью. Летом пашет землю, зимой очищает дороги от снежных заносов: все зимние месяцы ни дня покоя. Не случайно, через год-два его назначили бригадиром одиннадцатой бригады. И на этом участке он всего себя отдавал делу, во всём у него был образцовый порядок.

Через девять лет (1967г.) Шубин перевёл его в двенадцатую бригаду третьего отделения. Здесь, в ауле Мукиш,

Эдуард Карлович двадцать один год был бессменным бригадиром. Участок этот самый отдаленный от центральной усадьбы и по пахотной площади был значительно больше, чем другие подразделения совхоза. Здесь, в этой бригаде, он и стал знаменитым, получил высшую награду Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1971 года “За выдающиеся успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства”, ему вручили самую высокую награду СССР – орден Ленина и золотую звезду Героя “Серп и молот”.

Вот так и жили в бригаде Эдуард Карлович и его товарищи. * * *

Если говорить об урожайности наших полей, конечно, сравнивать их с показателями Европейских стран, в том числе с Германией, не приходится. Они не сопоставимы. Бригада Героя Социалистического Труда Риффеля за последние пятнадцать лет подряд намолачивала с каждого гектара по семнадцать-восемнадцать центнеров товарного, очищенного зерна. На самом деле по бонитету эта земля при ограниченных годовых осадках (240-245 мм) должна давать не более 8-8,5 центнеров зерна на каждом гектаре, а у Риффеля ежегодный этот показатель почти вдвое больше. Это – результат огромного трудового вклада каждого члена бригады, своевременного и высококачественного проведения агротехнических работ.

Я уже говорил, что нельзя сравнивать урожайность наших полей с землями, скажем, той же Германии, несравнимы и условия производства зерна у нас и у них. У них технология производства значительно выше, но смогли бы хлеборобы Германии получить столько зерна в условиях двенадцатой бригады, сколько получал здесь Эдуард Карлович? Возможно, но для этого им пришлось бы долго привыкать к горячим летним ветрам, к зимним мо-

розам. А для джамбейтинских немцев это привычные условия жизни.

Эдуард Риффель сорок лет работал в состоянии высокого напряжения. Шутил, никого не обижал, не помнил суббот и воскресных дней, не бывал на курортах, в домах отдыха и санаториях. На сорок первом году трудового пути (1989г.), когда наступил срок заслуженного отдыха, сердце не выдержало. Так и ушёл из жизни, не познав радость свободной жизни после долгой многолетней, нелегкой работы. Вечно занятый, он был почти “невыездной”. Его часто приглашают в райцентр на разные собрания, а ему некогда. Но его имя было всегда на слуху. Несколько раз по долгу работы я бывал в его бригаде, разок беседовал с ним у него дома.

Ходил на работе в синей спецовке, с по локоть засученными рукавами, всегда был при деле: кому-то что-то разъяснял, кому-то помогал снять какой-то узел трактора или поставить его на место. Никогда и никуда не уходил из бригады пока не проведет все свои трактора в поле. Хотя в каждой бригаде совхоза работали свои механики-наладчики и слесари-ремонтники. Благо, с запчастями не было проблем: пришла какая-та деталь в негодность – возьми и замени, а в период основных компаний на машдворе правдинцев всегда по пятнадцать-двадцать новеньких заводских двигателей стояли в запасном ряду.

А Риффель пилит, режет, подгоняет, притирает старые детали и агрегаты – сколько труда и времени!... Он - бригадир, в то же время – слесарь, наладчик, сварщик – при наличии этих штатных единиц. Видимо, объем текущих ремонтно-восстановительных работ, проводимых в бригаде, превышает всякие нормативы, и бригадир постоянно занят вместе с наладчиками. Поэтому в халате масляном, и руки в мазуте.

Вообще, колхозно-совхозное бригадирство, - самая, что ни на есть нерегламентированная должность в старом

Союзе. Вот типичная картина дневного рабочего режима не правдинского, а рядового бригадира:

... С середины апреля встает с петухами – стучится к повару, отправляет водовоза за водой, трактора за кизяками на ближнюю ферму. Ряд тракторов на стоянке – ждут текущего ремонта, надо сегодня же, чтобы они были в борозде, а нужных запчастей нет. Чуть свет – прибежит агроном, затем подъедет сам директор. К полудню прибывает несколько уполномоченных районного, а то областного масштаба. Все его торопят, наставляют. Всех интересует сводка, сроки...

... Разумеется, в совхозе “Правда” организация труда на высочайшем уровне. В то же время правда и то, что герой-бригадир нередко сам за слесаря, токаря... Выходит, здесь тоже не все вопросы решены, то есть, проблемы.

Получается, эти беспокойные, многоответственные бригадиры – “рабочие широкого профиля” – первичная базовая опора социализма, организаторы и исполнители, главные ответчики за выполнение всех пятилеток в СССР.

Ни директор, ни секретарь парткома и профком, ни Советы – ни один из них не работал по двадцать часов в сутки, без выходных в благодатное весеннее-летнее время года. И зарплата бригадира – кот наплакал: 110 рублей в месяц (зимой и летом). Конечно, если большой урожай – хлеб сверхплана, а так хороший хлеб ежегодно (в степной зоне Казахстана) – это роскошь и счастливый случай. Кроме талантливых организаторов Шубина и Риффеля, нужен был опытнейший агроном, практик И.М. Третьяк.

* * *

Интересовался – когда, чем болел Эдуард Карлович, что говорили врачи? Никто толком ничего не мог сказать. 1988 году ему исполнилось 60 лет, а через год умер. А ведь до старости еще, кажется, было время. Родные живут

не близко. При встрече можно было бы расспросить о последних годах жизни Героя. Более-менее хорошо представляя его беспокойную трудовую биографию, я предполагаю такой диагноз: - “общий износ организма на почве чрезмерной производственной деятельности, многолетней работы без соблюдения режима отдыха и лечения на должности бригадира тракторно-полеводческой бригады”.

Сегодня итоги сорокалетнего труда Э.К. Риффеля, В.И. Шубина и всех правдинцев - многочисленные мощные производственные и культурно-бытовые объекты – жилые дома с центральным отоплением и водопроводом, асфальтированные внутрипоселковые дороги и подъездные пути, парковое хозяйство, фруктовые сады... - всё разрушено.

Растащили, распродали, – прихватывали всё те, которые к созданному за 60 лет руками правдинцев никакого отношения не имели.

Безработная молодёжь по кирпичику разбирает, до основания рушит когда-то современнейшие в области совхозные коттеджи, и грузит на аксайские «Камазы». Остаток многотысячного поголовья бычков на откорме знаменитого Андрея Егоровича Лаймана “крутые” из города, под охраной платных милиционеров, загрузили в скоростные скотовозы. Немцы уехали в Германию. Шубин и Риффель похоронены на местном Тоганасском кладбище. Здесь их не мало – тружеников военных лет – старцы немецкого Поволжья, бывшие трудфронтцы-стахановцы. Вечный покой вам, конезаводцы-правдинцы! Это Вы зачинатели былого богатства и благополучия правдинского. Это Ваши дети создавали хозяйство высокой культуры, фабрику по производству сельскохозяйственной продукции. А Тоганас был действительно городок в степи, солнечным – цветущим. Сегодня, кто не видел совхоза им.газеты “Правда”

10-12 лет назад, ни за что не поверит, если рассказать, что здесь было.

Но земли и аулы Тоганас, Караганда, Куспанколь, Сегиз-уй, Анката на месте, и оставшиеся старожилы почти заново создают... восстанавливают разрушенное. Каждый хозяин, взяв свою земельную долю, создавая кооперативы по 5-6 тысяч гектаров и разводя скот на личном подворье, стараются войти в ритм нового хозяйствования.

Правдинцы, особенно жители с.Караганды, при воспоминании об Риффеле, восклицают: “О, наш басқарма а-а (председатель)...” - не бригадир, и не управляющий (эту должность много лет занимал тоже замечательный карагандинец Э.Кербс), а с казахским акцентом, звучно, с ударной “а”.

Кто и когда прозвал Героя «басқарма», так и не довелось узнать. Земляки, думаю, согласятся – он не был в прямом смысле администратором – бастыком, чиновником с определенной амбицией. Нет у него такой начальнической струнки.

А как же он столько лет успешно возглавлял коллектив - не менее три десятка кадровых механизаторов? Вот и думаю: своей двенадцатой бригадой управлял просто – по-домашнему, со светлой душой, справедливо и по совести, как бы добиваясь согласия и поддержки: “Так надо, можно еще лучше ребята, прошу вас”.

Действительно, в “Правде” были более жесткие, волевые руководители – они тоже заслуженные профессионалы – как Гефелей, Штаер, Кадыров-ага, которые более подходили к роли «басқарма».

В давние времена в ауле была известная ерке женге. Известно, что у казахов невеста не должна обращаться к мужчинам этого семейства и всего рода по имени, и она придумывала прозвища многочисленным родственникам

мужа - яркие, смешные, а иногда чудные, напоминающее характер, своеобразие этого человека. Эти прозвища могли означать чуткое уважение или наоборот, подчеркивать недостаток данной личности. И на это никто не должен обижаться. Например, худосочного скелетика и ростом не вышедшему, родственнику мужа она обращается мило: Дәужигит (Джигит - Великан); темнолицого, загорелого прозвала "Аппафым" (Беленький-Светленький); а совершенно лысого кайны – уважительно – Дударбас (Кудрявенький). Думаю, что и Риффеля любезно нарекла «басқарма» одна из карагандинских женге – казашек.

Уроки немецкого

Первым учителем немецкого языка у нас был казах-агай. Наш класс (5 "Г") был переполнен, - наверняка, детей сорок с лишним. Несколько парт ставили даже за печкой. К городским (джамбейтинским) учителям мы, из аульных начальных школ, еще привыкали. Только на немецком, помню, чувствовали себя вроде как дома, свободнее что ли. Кажется, учитель понимал нашу аульную стеснительность. Это я сейчас так думаю, видимо, он тоже был тогда недавний ауыл баласы - деревенский мальчик.

Учитель разъяснял только отдельные слова или короткие предложения. Он переводит, мы запоминаем. Или пишем прямо в текст учебника.

Месяца через два "немецкий" агай наш куда-то уехал. Где он учился, имел ли он специальное образование,

Владимир Карлович Нильмайер с матерью Анной Кондратьевной и сестрами Нелли и Эрикой. 1949г.

конечно, нас тогда не интересовало. В ту зиму, кажется, мы немецкий язык больше не учили. Но его уроки помню. Они были своеобразны и занимательны тогда для нас.

Мы никак не могли понять, что такое “шранк”. Перевод учителя названия этого предмета на русский – шкаф, для нас тоже ничего не значило. Казалось, вроде, одно слово шкаф – шранк. Никто ведь из нас, ауыл баласы, и в глаза его не видел. И представить себе не мог. Объясняет: “Вот такая дверца у него есть, - и открывает двери классной комнаты. - Немцы в нем шляпу и другую одежду вешают”. Мы видим дверной проем в длинный школьный коридор. Не понятно, где, чего вешают? Потом учитель агай закрыл двери и, лицом к нам, встал вплотную к той двери (меж косяками) – вот это задняя стенка шранка ...

- Агай, а у русских тоже есть шкаф-шранк? – без разрешения учителя вмешивается самый бойкий из наших Беркит Есказиев.

- Ай, ты, глазастый! (а глаза у него действительно были большие, светлые), - и быстро достает классный журнал, - вот тебе за “шкаф-шранк” /Два/ Садись. - И у русских, и у всех есть, - продолжает он с заметным усилием, - бузуки вы, не хотите учить немецкий!

На такие замечания – упреки учителя мы реагируем спокойно – не обижаемся. Не злой он. Главное, на его уроке мы не скучали. Но звонка с урока всё же ждали. Заучили таким образом только “шкаф-шранк”, мутер-фатер – да и то с грехом пополам.

* * *

Потом уроки немецкого языка вела Анна Яковлевна Шваб. Учились мы у нее хорошо. Она была довольна нашим прилежанием.

Однажды, дошли до тех страниц, где изображены совсем другие, незнакомые буквы, мы раньше как-то на них не обращали внимания.

Апай говорит: “Вот это и есть немецкие буквы”.

- А мы до сих пор учились по каким буквам? - возмущаемся, почти хором, активно тыкая пальцами в “наши” буквы на обратной стороне нового текста. Полгода учили немецкий, уже читали, писали “немецкие” буквы. И вдруг они – не немецкие? Теперь надо опять, заново, что ли, вникать в эти “закорючки”?

Тогда мы еще не знали, что казахи только в 1940 году, перед началом войны, перешли с латиницы на кириллицу. А до этого, оказывается, был переход с арабского на латинский алфавит. А тут -новый “немецкий”. Кто бы мог толком объяснить, что имеется еще исконно-немецкий или старонемецкий готический шрифт – вроде та же латиница с “завитушками”. Учительница немис-апай заладила – вот эти настоящие, немецкие. ... И тогда кто-то из нас ляпнул:

- Фашистские, что ли?

Этого учительница видимо, никак не ожидала. Она вдруг почти вскрикнула:

- Разве Карл Маркс и Фридрих Энгельс – фашисты?

Фамилии вождей пролетариев всех стран сразу дошли до нас. Поняли всю глупость своего вопроса. И всё же меня, “для допроса” вызвали к директору школы.

Директор школы Ганимат-ага Алиев взглянул на меня строго:

- Айтыңыз , не болды? Что случилось?

- По учебнику... мы думали, что эти буквы немецкие, мы уже хорошо по ним читали. Сегодня - новые, апай говорит..., - с большим усилием попытался я объяснить.

- Анна Яковлевна, дайте учебник.

Открыв учебник, директор школы некоторое время о чем-то размышлял, затем четко, с заметным ударением на каждом слове, сказал, обращаясь ко мне:

- Больше не говорите такого. Не надо шуметь, а надо внимательно слушать учительницу. Идите!

« Если бы видели, как я летел из кабинета директора до порога своего класса!

* * *

После Анны Яковлевны немецкий преподавал молодой учитель Владимир Карлович Нильмаер. Выглядел лет на пять – шесть старше нас. Спокойный, симпатичный, с золотыми кудряшками. Близок он нам был еще и потому, что жена его, Вера Александровна Радченко, последние школьные три года преподавала в нашем классе русский язык и литературу. То ли отличные знания, то ли дружелюбный характер её, но именно благодаря ей нам особенно нравилось учить русский. К тому же, до неё русский язык у нас вел мудрейший русовед по всей округе, награжденный за учительские успехи орденом Ленина Эбекең Өребаев.

Отец нового учителя немецкого языка Карл Карлович Нильмаер работал в нашей школе завучем. Был строгим. Даже тогдашние военных лет переростки – старшеклассники при появлении его проявляли заметные признаки уважения. Слышали, что до войны он был большим начальником в Немецкой Республике Поволжья.

В те времена на селе учащиеся не часто ходили к учителям домой. А нам в девятом – десятом классах довелось бывать у Владимира Карловича. Маленькая квартирка, двое детей. Учитель вёл себя с нами просто, и всё же мы не могли спрашивать, почему он, играя с детьми, называл своих по фамилии жены - Радченко. Мы все-таки не были ровней ему или “своими” настолько, чтобы откры-

вать нам душу. Сейчас, думаю, что это был период, когда еще не все ограничения с депортированных были сняты, и наш учитель немецкого языка вполне чувствовал все издержки неравноправия в своем окружении.

Сыну и дочери нашей учительской пары сейчас где-то 47-50 лет. Слышал, что из Джамбейты Нильмаеры – Радченко переехали в Оренбургскую область. Если, как и многие, перебрались в Германию, то скорее всего, дети Владимира Карловича теперь Нильмаеры.

Владимир Карлович – мой последний школьный учитель немецкого, и я перед ним чувствую себя немного виноватым. Летом 1957 года при попытке поступить на факультет цветных металлов Свердловского политехнического института по расписанию вступительных экзаменов первым был немецкий – иностранный язык. Двое экзаменаторов меня усадили меж собой, - и вместо ожидаемых вопросов по билету (Præteritum 2 и Futurum), они затеяли со мной активную беседу на немецком. А, может, говорили они между собой? Ничего я не понял. Молчал.

- Слабые у Вас знания. “Неудовлетворительно”, - все что они сказали мне по-русски. Это я, разумеется понял. Сам виноват. В аттестате “отлично”. В “уме” давно сдал немецкий, готовился к следующему – самому трудному. А эти двое – шпарят, как киношные немцы. Владимир Карлович так не “тараторил”. Если бы я так шпарил по-казахски - қазақшылап кетсем, – они тоже ничего бы ни билмес. Это я так себя успокаивал. Удар получил неожиданный. Хотя, как направленцу казахского правительства, был допущен к очередному экзамену, собрался домой. Дома сказал, что не сдал физику – трудный экзамен, да еще на русском языке. А про двойку по немецкому языку долго никому не говорил.

Мои учителя тогда еще жили и работали в Джамбейте.

К знаниям

Обычно, когда разговор заходит о джамбейтинских немцах, можно услышать: о, это настоящие мастера – квалифицированные трактористы, комбайнеры, слесари, плотники. Все им по плечу. Трудолюбие в немецких семьях развивают с самого детства.

В 40х годах, да и после войны, было трудно получить специальное образование. Это касалось как казахского, так и немецкого населения.

С окончанием войны, несмотря на трудности того времени, молодежь, независимо от национальности, проявляла неудержимое стремление к образованию.

Один из спецпереселенцев, в пятидесятые годы успешно окончивший Уральский пединститут, – Эрнст Генрихович Беккер. Некоторое время ходил без работы. Хотел продолжить учебу в аспирантуре. Из компетентного органа получил краткий ответ: “Спецпереселенцу Беккер Э.Г. Ваше заявление на выезд в г.Саратов или Алма-Ату для поступления в аспирантуру рассмотрено и в просьбе отказано. Зам.начальника Управления МГБ по Западно-Казахстанской области ст.л-т Жалелов” Преодолевая многие трудности, талантливый молодой человек всё же пробил себе дорогу: годы спустя литературовед Эрнст Беккер вел серьезную научную работу в Ясной Поляне, в Москве. К сожалению, умер рано.

Младший сын учительницы Булдуртинской средней школы Оттили Георгиевны Беккер, брат Эрнста, Макс Генрихович Беккер с отличием окончил физмат местного пединститута. Затем профессор Макс Беккер преподавал в высших, в том числе военно-технических заведениях Союза, сейчас работает в Германии.

Учитель немецкого языка Антон Бальтазарович Дош (Антон Павлович) проработал в системе народного образования более 40 лет, “Отличник просвещения Казахской ССР”. Он к тому же слыл народным умельцем.

Антон Бальтазарович Дош

Мог сложить любую печку – русскую с каменным сводом, прямоугольную голландку или длинностенную азиатскую, делал вкуснейшие (домашние) колбасы, сальтисоны, каурдаки; отлично подшивал валенки, косил сено...

Это учитель охотно делал и до депортации в Джамбейту, и в годы войны, и после неё.

Антон Павлович про-жил долгую жизнь (93 года), умер и похоронен в Уральске, рядом с женой Розой Гавриловной Дош (Ленгле), с которой был в любви и согласии свыше пятидесяти лет. От этого счастливого брака родились дочь Антонина и сын Антон. Антонина, после Джамбейтинской семилетки, училась в Душанбинском медучилище (60-е годы), по окончании которого работала медсестрой в Уральской области, а затем – в Целинограде, где вскоре возглавила детский комбинат, ставший под ее руководством образцовым в Республике.

Сын Антона Павловича – Антон Дош успешно закончил Джамбейтинскую среднюю школу, мечтал поступить в столичный университет или консерваторию. Увы! По известным причинам (сын спецпереселенца) дальний путь

*Дош Антон Антонович
с сестрой Антониной. 1959г.*

“Фройндшафт”). Опубликовал повесть “Верю в тебя” - о своих джамбейтинских сверстниках. Сегодня Антон Антонович Дош на заслуженном отдыхе, живёт в Уральске. Несмотря на преклонный возраст, ветеран казахстанской журналистики продолжает заниматься литературным трудом. Недавно он закончил работу над серией очерков о жизни и творчестве уральских коллег – журналистов. Ждут в его рабочем столе заинтересованных спонсоров – издателей также рукописи двух повестей, написанных на местном материале.

И здесь я, как благодарный автор, должен отметить деятельное участие этого трудолюбивого и отзывчивого человека в работе над русским изданием моего скромного труда в качестве редактора. Огромное ему спасибо за эту плодотворную помощь!

* * *

Валентин Христианович Дэрр, золотой медалист Джамбейтинской средней школы, некоторое время преподавал физику в родной школе. У него было большое желание

стать горным инженером – просил разрешение для сдачи экзаменов в Алма-Атинский горно-металлургический институт. Но и ему дальше Уральска уезжать тоже не разрешили. Спецпереселенцы второго поколения, пожелавшие получить высшее образования, в основном, стали выпускниками Уральского педагогического института.

Студенты-немцы хорошо осознавали свое положение и статус поднадзорных комендатуры. В мае 1953 года Валентин Дэрр пишет председателю Верховного Совета СССР Ворошилову: “Клементий Ефремович, моя мать украинка, немецкого языка я не знаю. Немецкого во мне – только фамилия. Считаю ошибкой советского государства держать нас под надзором милиции. Для себя лично прошу снять это ограничение”. Разумеется, писать в Верховную власть в те годы лицам немецкой национальности было не только бесполезным делом, но и весьма рискованным. Но им никак не хотелось смириться со своим положением – в голове не укладывалось, что они потенциальные враги народа. (Кстати сказать, большинство детей спецпереселенцев были комсомольцами!)

Бывший секретарь парткома “Воркутауголь”, выпускник Московского института иностранных языков, завуч Джамбейтинской средней школы Нильмаер Карл Карлович в 1952 году также обращается в адрес Президиума Верховного Совета СССР: “Если уже невозможно с меня снять эти ограничения, то прошу, чтобы хотя бы на моих детей не было распространено оно, чтобы они могли учиться в любом ВУЗе, как и другие дети”.

Бесполезное было прошение. Так и не смог выехать и поступить в технический ВУЗ сын Карла Карловича – Владимир. В это время успешно заканчивают школу его дочери – Эрика и Нэлли. За них снова просит учитель, немец-переселенец. Лишь после смерти Сталина дочери смогли осуществить свои желания в дальнейшей учебе.

Во время войны, да и после неё бесправную участь немцев-переселенцев пришлось разделить и Лидии Гринке-Бондаревой. Ей пришлось не только вынести тяготы военного лихолетья, но и испытать чашу сиротства. Биография выселенной из Московской области в Южный Казахстан шестилетней девочки – сама по себе история. Отец на трудфронте с начала войны. Трагически погибла мама. Малолетняя Лидия с братом стали детдомовцами военного времени. Выжили! Уже в послевоенные годы разыскал их отец. Лидия училась хорошо. Выпускница средней школы приложила огромную волю и смелость, чтобы выехать для поступления в столичные институты. Но судьба оказалась сильнее её. Смирившись, она поступила и успешно окончила литфак УПИ. Все годы студенчества, еженедельно, аккуратно делала унизительные визиты в милицию – проходила регистрацию, как спецпереселенка.

По окончании института и до ухода на заслуженный отдых Лидия Федоровна Костакова 43 года без перерыва и безвыездно, без единого больничного листа, преподавала русский язык и литературу в школах г.Уральска.

Немецкая молодежь пятидесятых годов - это дети, в основном, джамбейтинских спецпереселенцев, так сказать, - первая волна послевоенных немцев-студентов. Многих судьба свела в местном Уральском педагогическом институте. Несмотря на все тяготы военных лет, они поступали в этот ВУЗ, преодолевая множество запретов и ограничений. Но и будучи студентами, они находились под особым надзором. Об их поведении и благонадежности регулярно поступала информация в “казенное” учреждение. И всё же студенты пятидесятых (поднадзорные) учились хорошо и отличались благоразумием.

Список тех, о чьей судьбе здесь вкратце рассказано, можно продолжить. В “докладных” в соответствующее уч-

реждение отмечали отличную учебу в институте и активное участие в его общественно-политической жизни студента филфака Шика Эдмунда Генриховича, Беккер Алисы (студентки физмата), Шик Ирмы, Макарычевой Валентины Александровны (филфак) и многих других. Все они получили отличные знания, которые в последствии щедро отдавали новому поколению советских людей, помогли благотворно трудиться во имя процветания своей социалистической Родины.

Траутвейны

Марта Иогановна

*Траутвейн
Марта Иогановна*

У отца, Иогана Иогановича, была своя столярная мастерская. Дед тоже был столяром. Отец работал мастером-инструктором в местной школе глухонемых. Он рассказывал своим детям, что дед с детства приучал его к столярному делу, хотел видеть его мастером. В школу Иоган не ходил. Но был грамотным. К девяти годам, уже став помощником отца, подмастерье Иоган со своим личным сбережением – двумя рублями –

пошел к соседу – учителю Волбедахту и попросил научить его читать и писать. Учитель с соседского мальчика денег не брал, но за два месяца старательный ученик освоил чтение и почти красиво рисовал все буквы. Когда, будучи ученицей 8-го класса, Марта обратилась к отцу за помощью, он вытащил из старого сундука свой учебник – самоучитель по математике и помог решить задачу по алгебре. Свои книги он сохранил до конца своей жизни. Это вечное желание – учиться – унаследовала дочь Марта от отца.

Когда 13 октября 1932 года родители выехали в Казахстан, двенадцатилетняя Марта осталась в городе Маркштадт, в тогдашнем центре Кантона. Она училась на подготовительном отделении культпросветтехникума.

У Марты Иогановны уточняю: “Вам же было всего 12 лет, а Вы сказали, что поступили в техникум?”

- Там, на 2-м курсе, училась старшая сестра Мария.

Вдвоем удобнее было жить и учиться. Выдержала экзамен, зачислили в подготовительное отделение. Даже получала стипендию.

1932-й год. Голод в Поволжье. Видимо, по этой причине родители Марты заблаговременно выехали в соседний район Казахстана. В совхозе “Пятисотый” Каменского района Иоган Траутвейн строил дома, производственные здания. По его чертежам возвели мельницу. Здесь семьи работающих обеспечивали продуктами.

В апреле следующего года отец приехал навестить своих дочерей – студенток. Они почти голодали. Оставив все, что привез с собой из продуктов и денег старшей дочери, Иоган Иоганович забрал младшую домой, в Казахстан.

На родине, в с. Орловка, она училась в немецкой школе. Русского языка не знала. В сентябре того же 1933 года директор Аякской начальной школы Балгазиев настоятельно посоветовал многодетному Иогану Иогановичу отдать детей школьного возраста в казахский интернат.

Новички очень быстро научились казахскому – помогло ежедневное общение, совместные игры со сверстниками-аульчанами. Через несколько месяцев они свободно читали и писали на казахском языке. Латинский алфавит в казахской школе того времени также помог, потому что в немецких школах Поволжья была та же латиница.

Марта пошла в первый класс, совершенно не зная казахского языка, и за год успешно прошла программу всей начальной четырехгодичной школы. И в следующий учебный год поступила в пятый класс русской школы в с. Каменка (ст. Шипово). Здесь она училась тоже отлично.

В наших беседах Марта Иогановна (Мария Ивановна) много раз с благодарностью вспоминала фамилию своего учителя в Казахстане – Балгазиева. Имя не помнит. Обращалась просто, уважительно – “афай”.

Желая узнать более подробно об этом человеке, в областном госархиве я просматривал документы по народному образованию тридцатых-сороковых годов. В протоколах аттестационных комиссий и в списках директоров школ и учителей Балгазиев почему-то не значится.

Как бы в дальнейшем ни сложилась судьба этого скромного подвижника-учителя, он оказал добрую услугу немецкой семье, добровольным переселенцам довоенных лет. Доброту этого человека Марта Иогановна не забыла и через 65 лет.

До выселения, окончив Уральское педучилище, она работала учительницей. В совхозе “Смычка” для учительницы-переселенки работы в школе не было. Отец заболел. Вскоре его похоронили, далеко в степи осталась его могилка. Кормильцем большой семьи в те годы был старший из братьев Александр. Только в 1943 году Марте Иогановне предложили заведовать совхозной бензоколонкой.

Время военное. Небольшой машинно-тракторный парк на полях совхоза работал днем и ночью. Со станции Казахстан ГСМ подвозили на пароконных бричках. Нигде, никто в округе, никакое сельпо не продает ни грамма керосина. Тем не менее, вечерами в землянках-бараках копят-мигают “керосинки”. Воруется народ, никак не хочет привыкать к полной темноте: Светят трехлинейки, самодельные баночки – стекляшки. Не сходятся отчеты. Недостача. Как сохранить до капли этот самый “горючий” стратегический дефицит? Кто самый надежный человек, кому можно доверить “Книгу учета ГСМ?” - думает директор Редько. После многих замен-проб, выговоров, отправки самых злостных под конвой участкового в район-

ную каталажку, директор приглашает немку-учительницу Марту Траутвейн. Отказаться боялась. За отказ от работы есть статья военного времени. Тем более – для переселенца. За малейшие ошибки в работе ее могут обвинить по ст.88 – вредительство. Она помнила недавний суд. Несколько женщин – спецпереселенок судили как врагов народа. И вот привезли бочку керосина. Арбакеш – керосинщик – инвалид привычно покрикивает: “Принимай, дочка, полный бошкі – двести кило. Подписывай бумажку”.

Новая заведующая не торопилась подписывать документы, она приготовила емкость – ведро-мерку. В присутствии комиссии драгоценный груз, до капли перемерив каждое ведерко, перелили в другую бочку. До 200 литров не хватило ровно 16 единиц. На возчика-инвалида присутствовавший участковый тут же составил протокол нарушения и отправил в район. Так и заведовала бензоколонкой Марта Траутвейн. В приходно-расходной книге ежедневно все сходилось. Директор совхоза потом выговаривал своему главному контролеру – главбуху: “Грамотеи, бездельники не могли догадаться, что надо было всего-навсего перелить керосин из одной бочки в другую”.

По окончании войны Марта Иогановна выехала в райцентр Джамбейту, потом – в город Уральск. Работала лаборантом, библиотекарем, экономистом.

На пенсию Марта Иогановна вышла с должности главного бухгалтера. Она терпеливо прошла те полтора десятилетия, когда ей на службе откровенно оказывали недоверие по причине пятой графы в анкете. Подписывая приказ об ее очередном увольнении по совершенно прозаическим обстоятельствам, некоторые руководители негромко извинялись, мол, это указание сверху. Но от этого горечь несправедливости не переставала отравлять естественное стремление “быть равным, как все”.

Слушая ее трудную биографию, я думал, – если бы не война, если бы не “спецпоселения” и вытекающие отсюда многочисленные ограничения и “извинения”, у Марты Траутвейн могла бы сложиться другая судьба.

Старший из её братьев, Александр Иванович, ветеран совхоза “Таскудукский”, много лет плотничал, строил. По дяде Саше Траутвейн таскудукцы уточняли начало и конец рабочей смены. О нем много хорошего рассказывал его ученик и друг Зияш-ага Тастемиров, тоже плотник, специалист высокого класса.

Александр Иванович давно на почетном отдыхе. Покой и уют окружают его в семье сына Александра и снохи Александры Никитичны. Недавно узнал, что выехал Александр Иванович из Казахстана. Теперь все дети и внуки старшего сына Иогана Иогановича живут в Германии.

По окончании войны братья Иван и Андрей первыми из Траутвейнов выехали в Уральск. Постаралась сестра Марта. Они поступили на завод, с отличием окончили ремесленное училище. И остались работать на заводе им. Ворошилова. Были активными комсомольцами. По комсомольской путевке выехали на строительство Иртыш ГЭС. Вернувшись, работали по специальности на предприятиях города.

В Приуралье родились и живут потомки мастера из Поволжья Иогана Иогановича Траутвейна – внуки, правнуки.

Ирма Богдановна

Двоюродный брат Иогана Иогановича – Богдан Богданович (Готлиб Готлибович) тоже из села Орловское Немецкой Республики Поволжья. С женой Терезой Андреевной и четырьмя дочерьми в октябре 1942 года их поселили в отделение (аул) Атансай совхоза “Смычка”. Богдан Богданович вскоре тяжело заболел. Отец семейства, возможно, уже был обречен тяжким недугом прошлых лет. Да и насильственное отторжение от обжитого гнезда с клеймом изгнанника, “вредителя” не прибавит здоровья. Он умер в конце первой зимы. Дочерей вывела в жизнь Тереза Андреевна.

Ирма и Фрида, хотя они и были детьми школьного возраста, ни первую зиму, ни следующий учебный год не могли посещать школу. В ауле была только начальная школа. Девочки тоже выходили на работу, пока можно было обходиться без теплой одежды. А Тереза Андреевна со старшей дочерью Марией работали круглый год, без выходных – как все.

Несмотря на все тяготы быта и неурядицы, Терезе Андреевне очень хотелось уважить желание младших детей учиться. Это желание удалось осуществить только в 1948 году. Фрида Богдановна устроилась уборщицей в Джамбейтинский детдом. Ирма и Эльвира учились в средней школе райцентра. Учились хорошо. Вступили в комсомол. Учились за прошлые военные годы. Эльвира в шестнадцать лет ходила в шестой класс, Ирма в девятнадцать лет заканчивала девятый. Она работала в том же детском доме прачкой.

Директором Джамбейтинского детдома был Арыстанов Сатан Зейнелгазиевич. В то время участники только что отгремевшей победной Отечественной, активно рабо-

тали на многих важных участках народного хозяйства. Они работали на самых горячих “точках” так же во фронтовом режиме.

Джамбейтинский детский дом был тоже следствием войны. Абсолютное большинство воспитанников – дети войны. По разным причинам осиротевшие в годы войны и дети из оккупированных врагом областей и республик.

В начале пятидесятых годов с некоторыми из них я учился в одном классе. Они были одеты и обуты лучше, чем многие домашние. Большинство учились хорошо и отлично. Мы, пятиклассники, приехавшие из начальных аульных школ, по своим одноклассникам – детдомовцам почувствовали, что у них там порядок. Уже немного повзрослев, в старших классах, мы лучше узнали тогдашнего директора детдома. Отважный боевой командир, кавалер четырех высших офицерских орденов, учитель по профессии – Сатан Зейнелгазиевич остался в памяти джамбейтинцев человеком чести и достоинства до конца своих дней. Тот порядок и уют, которые были созданы в детдоме в те годы, это заслуга директора.

В городе Аксае одна из центральных улиц названа именем учителя и боевого офицера Арыстанова.

Почему я, в своем вроде бы сугубо немецком рассказе, пишу о нём? А вот почему.

3 июля 1950 года заведующая хозяйством детского дома Хасангалиева пишет директору докладную, что прачка Ирма Траутвейн собирается перевестись в другую организацию: “Вы же на первое мая объявили ей благодарность за образцовую работу. Действительно, она очень добросовестно и аккуратно выполняет свои обязанности. Отпускать ее нельзя. Замену ей трудно найти ...”, и так далее в том же духе.

Разумеется, уважаемому директору очень хотелось удержать примерную работницу. Он обратился в райсполком,

написал заявление в спецкомендатуру о ее намерении “самовольно оставить производство”, что существенно нарушит распорядок санитарно-гигиенического обслуживания воспитанников детского дома.

Дело в том, что Ирма несколько месяцев в своё нерабочее время училась на счетовода местного сельпо. Прилежную ученицу счетовода приглашают на постоянное место работы. Желая уволиться в связи с возможностью устроиться в другом учреждении, она написала в адрес директора свое первое заявление еще 18 июня 1950 года. Не получив ответа, она пишет повторное заявление через десять дней.

Директор детского дома написал грозный приказ, где указывалось, что по вине прачки Траутвейн, из-за неполной готовности постельного белья, был нарушен график банного дня воспитанников.

Ирма Траутвейн тоже не сдавалась. Посмела обратиться в райком партии. “Моё ученичество в сельпо абсолютно не повлияло на выполнение моих обязанностей в детдоме. Я продолжаю работать и обещаю, что, дорожа и этой должностью, не брошу ее, пока не подыщут мне замену”. Была авторитетная проверка заявлений спецпереселенки Траутвейн. Присутствовал сам начальник Джамбейтинской спецкомендатуры. Комиссия подтвердила, что Траутвейн не нарушала трудовой дисциплины. С работой справлялась хорошо. Даже приписали, “что мелкий инвентарь, который числится под ее ответственностью, в полной сохранности. Фактов недостачи материальных ценностей и инвентаря не отмечено”.

Таким образом, двадцатилетняя Ирма, будучи поднадзорной спецпереселенкой, смогла добиться своего права выбора. Она перешла работать помощницей бухгалтера в Шаганкольское сельпо. Обиды на Арыстанова не держала.

Тереза Андреевна в 1952 году с детьми переехала в конезавод № 117 (в будущем знаменитый целинный совхоз им. газеты “Правда”).

В хозяйственных книгах Шолак-Анкатинского сельского совета шестидесятых и последующих лет Траутвейнов – ни Терезы Андреевны, ни Ирмы с сыном Брауэр Геннадием Александровичем (1952 года рождения), ни других ее сестер - не значится.*

Видимо, им удалось выехать из Джамбейтинского района до 1956 года.

Проживающие в г.Уральске старшие из детей Иогана Иогановича – Александр и Марта, о дальнейшей судьбе Терезы Андреевны и ее детей ничего не могли сообщить.

*Сырымский филиал Госархива ЗКО фонд 2, опись 2, дело 58.
Муж И.Б. -Брауэр Александр Адамович.

Сестры Вебер

“Дела” на спецпереселенцев – немцев в архиве МВД до последних лет сохранены в хорошем состоянии – на широких полочках, в картонных папках. Строго в алфавитном порядке. В каждом – нелегкая судьба. Терпение, труд, борьба за жизнь.

К началу войны у сестёр были уже разные фамилии. Фамилию отца Вебер сохранила младшая из дочерей - Циля Георгиевна.

Как многие жители немецкой национальности нашей области, она была зачислена в категорию спецпереселенцев и поставлена на учет в спецкомендатуру в ноябре 1941 года. Хотя она, в том первом году войны, никем, никакими властными учреждениями, никуда не была выслана. Еще за два года до начала войны, в 1939 году, она приехала в Бурдуртинский совхоз Джамбейтинского района по направлению Минтрестсовхозов, как специалист сельского хозяйства. Работала агрономом. На руках у двадцатитрехлетней молодой женщины была дочь – Джема.

В Джамбейтинский район в октябре 1942 года уже по распоряжению властей была выслана Варвара Георгиевна Вебер - Эли (по мужу) с четырьмя детьми – Линой, Альфонсом, Евгением, Анной. Немецких семей переселяли не откуда-нибудь с берегов Волги, не с территории бывшей Автономной Республики Немцев Поволжья. Сорок две семьи “188 душ”, как было указано в документе их сопровождающих лиц, были переселены из Теректинского района нашей же области.

У сестер рано умерла мать. Их воспитывал отец - сельский учитель. Выйдя замуж, Варвара Георгиевна с семьей первой выехала в Казахстан в тридцатые годы. Обосновались недалеко от г. Уральска, где приезжие рос-

сийские немцы образовали крепкий советский колхоз “Розенталь”.

Уже в разгар войны, став переселенцами-немцами, они вспоминали оставшиеся добротные дома, достаток. В обстановке, когда малейшее проявление недовольства со стороны выселенцев рассматривалось, как антигосударственный акт, в октябре 1943 года немцы-розентальцы выступили с коллективным заявлением в адрес облсовета депутатов трудящихся, чтобы им разрешили выехать в родной колхоз. Это было единственное коллективное выступление, отмеченное Джамбейтинской комендатурой.

Семья Эли в ту осень 1942 года была направлена в колхоз “Жана турмыс”. Зимой 1943 года Варвара Георгиевна помнила всю жизнь. Приспособили под жилье часть заброшенного скотопомещения. Работать она умела. Замерзала, порой проводила дни впроголодь, но сумела сохранить жизнь детям. Сильная и выносливая была. Как выдержали эту первую зиму, и о своей матери мне рассказывал младший сын Варвары Георгиевны – Евгений Алексеевич Эли, которого хорошо знают и вспоминают добрым словом многие в районе (его семья живет теперь в городе Уральске).

На следующий год с разрешения райкомендатуры они переехали в совхоз “Булдуртинский”. Видимо, здесь в какой-то степени повлияло то обстоятельство, что там работала сестра – Циля Вебер. Муж Варвары Георгиевны отбывал обязанности в трудармии.

Последней в совхоз “Булдуртинский” приехала Екатерина Георгиевна с дочерьми Розой и Лизой уже после войны.

* * *

Семья кузнеца Гейдт Петра Степановича в 1943 году была вывезена германскими оккупационными властями

из Николаевской области в Польшу. Эшелон попал под бомбежку. Погиб сам Гейдт и старшая дочь. Екатерина Георгиевна последние годы войны оставалась с детьми на территории Польши. Оттуда в 1946 году она была вывезена в Союз и заключена в лагерь военнопленных (г. Златоуст Челябинской области) с последующим определением на спецпоселение.

Испытав все унижения и мытарства, она решилась самовольно выехать из места, предписанного ей, как поднадзорной. С детьми скрытно она прожила почти два года у сестры Лидии Георгиевны Вебер – Тихоновой в Соль-Илецком районе Чкаловской области. Работала в колхозе. Она не знала, что был объявлен Всесоюзный розыск (Циркуляр № 227-1949) – побег с места спецпоселения. За это время девочки ее подросли. Розе тринадцать, Лизе одиннадцать лет. Первый раз повезло, – тюремного срока не дали. Вроде учли, что поводом ее побега, самовольного выезда без разрешения, – было состояние здоровья детей.

По ее настоятельной и многократной просьбе направили в распоряжение Джамбейтинской спецкомендатуры. Взяли расписку о “вечном поселении” и уголовной ответственности за нарушение режима постоянной регистрации. Это был год 1950-й. Еще четыре года она была под надзором. Так, почти десять лет, “путешествовала” с детьми Екатерина Георгиевна. Роза умерла в 1955 году. Лиза вышла замуж. В том году она еще раз выехала в путь уже по своей воле.

А младшая из сестер, Циля Георгиевна, более шести десятилетий живет в совхозе “Булдуртинский”. В сорок первом она работала агрономом совхоза. С началом войны ее перевели на ферму учетчиком. Через некоторое время назначили бухгалтером отделения № 2. В этой должности она проработала тридцать полных лет. Там она живет и

по сей день. Изредка ее навещают сын Владимир из Москвы, дочь Ольга (Кужахметова) из Джангалы. Но чаще это делают старшая дочь Джема и ее дети – внуки Цилии Георгиевны, они рядом.

- Джема-апай – Мать-Героиня. Но героиня особая, можно сказать, больше, чем рядовая Героиня. В прежние времена почти в каждом казахском ауле не редкость были матери-домохозяйки, которые воспитывали десять-одиннадцать детей.

В бывшем сельском совете мне сказали, что Джема-апай, многие годы избиравшаяся депутатом местного совета и проработавшая в совхозном детсаде двадцать лет, родила и воспитала пятнадцать детей и, слава богу, все дети живы и здоровы. Многие работают и учатся.

Дом, обсаженный высокими стройными тополями, отличался на краю центральной усадьбы, прежде одного из крупных зерновых совхозов области. Двор радовал глаз цветущими грядками зелени, виноградником. Чистый, ухоженный.

Дом полон детьми разного возраста. Хотя они, как всякие дети – бегали, шумели – в доме был редкостный порядок и чистота.

Джема-апай, с доброй улыбкой Мадонны глядя на детей, мило замечает (разумеется, на таком ладном казахском): - Внуки, они рядом живут. С нами сейчас четверо младших и внук Ринат Айтбаевич. У остальных свои семьи. Старший сын Ерес здесь, Курмангазы и Габден в Аксае, Зоя, она же Байсугурова, в Алматы... Заходит “загорелая” миловидная молодая женщина – подумал “турчанка”.

Джема-апа: - Наша Роза, а вон играют у нас ее дети Жандос, Жанарбек Наурызгалиевы.

На диване, рядом с матерью, сидит и живо участвует в нашей беседе самый младший из сыновей. Он громко спра-

шивает девочку в соседней комнате: - Назерке, ты же Муканова? -Оттуда ему отвечает так же громко и четко – маму звать Айша, она Аюпова.

- Назерке -дочь Курмангазы. Недавно приехала погостить, - говорит Джема-апай.

Габиден – бойкий парнишка, десятиклассник:

- Мама, все Мукановы, давай я буду Вебер.

И сам смеется. На что мать ему всерьез: “Сынок, перестань выдумывать. У тебя же есть фамилия”.

Мы беседовали в кругу доброго семейства Джемы-апай почти два года назад. Как живут ее дети, внуки сегодня? Насколько они преуспели “выживать” в наше непростое время?

Мне тогда казалось, что все-таки детство у них было на самом деле счастливым.

«Говорит Москва» - приглашение в гости

(Рассказ о Фрицлерах)

*Роланд Карлович Фрицлер с сыном Эдуардом
и внучкой Катериной.*

В числе поселенцев, прибывших в Джамбейтинский район 2 ноября 1941 года с самой первой партией депортированных, была семья Роланда Карловича Фрицлера. Бывший заместитель директора торговой базы облпотребсоюза здесь, в совхозе «Булдуртинский», был назначен завторгом сельпо.

По хозяйственной книге тех лет в этой семье кроме хозяев почему-то значились и дети Беккеров и Шик. Оказывается, старейшая учительница, многие годы отдавшая Булдуртинской СШ Оттилия Георгиевна Беккер, является сводной сестрой Роланда Карловича, а Вильгельмина Карловна Шик – его родной сестрой. У каждой из

этих сестер были свои семьи, дети. Например, у Вильгельмины Карловны были сын Эдмунд и дочери Ирма и Флора. Мне удалось встретиться лишь с одной из них – с Ирмой Генриховной Шик – Асановой, которая была учительницей, а затем директором одной из школ в Уральске. Кстати, родной брат этой женщины Эдмунд Генрихович – профессор Омского университета, автор нескольких изданий по истории литературы. Вся эта семья в сентябре 1941 года из г. Камышина по Волге через Астрахань была доставлена в трюме грузовой баржи в Форт Шевченко, а затем переправлена на рудники Казан-Шункур в Семипалатинской области.

Глава семьи Генрих Христианович был арестован в 1937 году. Через четыре года его семья и была выслана из Поволжья. Только через 16 лет, освободившись из заключения, он находит свою семью уже в Уральске. Все годы войны он отбывал срок в Магадане, а Вилгельмина Карловна – на рудниках Казан-Шункур. Позже с тремя детьми она приехала в Уральск к брату (Фрицлеры жили здесь).

О своих родителях Ирма Генриховна рассказывает следующее. Шесть лет от отца не было никаких вестей. Тут их выслали на край света. Никто не знает, куда и где их отец, а отцу было неизвестно, куда выселили его семью. И вдруг, как в сказке, одна из местных женщин, работавшая вместе с матерью на шахте, получила письмо от мужа из Магадана, в котором сообщалось, что вместе с ним отбывает срок, уже шесть лет – немец из Поволжья, ищет жену с детьми, которые, возможно, выселены в Казахстан.

- Да, это же он! – догадалась мать. Она с первых минут уверилась – это ее муж! Адрес этого магаданца она выкупила за двухдневный паек всей семьи. Вскоре получили ответ.

- Радость-то какая! Отец жив, вернулся с того света.

Оттилия Георгиевна Беккер с тремя детьми и их бабушкой Евой – Елизаветой Беккер (1883 г.р.) некоторое время жили вместе с семьей Фрицлер под одной крышей. Бабушка не знала русского языка, поэтому дома говорили на родном наречии. Это помогло детям не забыть родной язык.

Эрнст, Макс и Алиса Беккеры закончили Уральский пединститут. Первый из них успешно занимался научной работой в Ясной Поляне. Макс и Алиса выехали в Германию. Работают. В старых документах встретил случайно “забытое” донесение секретного сотрудника “Леонтьева”, касающихся этих молодых людей – “студенты Беккеры, а так же Эдмунда Шик – слишком развитые, грамотные. В политической обстановке разбираются лучше меня, и привлечь их к нашей работе, согласно вашего задания не представляется возможным”.

Отличника Эдмунда не приняли в комсомол из-за нестандартности пятой графы анкеты. Он отправляет телеграмму – Москва, ЦК ВЛКСМ, Михайлову. Комсомольский билет ему вручили дома, в кругу семьи. Поздравили.

Интересуюсь у Эдуарда Роландовича – что знает о выехавших Беккерах, не имеет ли вестей от Эдмунда Шик?

- Конечно, они близкие родственники, слов нет. Когда родители были живы, возможности не было. Общания были не частые, редко виделись. Поэтому-то о них мало знаю.

А Ирма Генриховна вспоминает: Роланд Карлович нас в трудные моменты всегда поддерживал. Спасибо. Пока была мама, со всеми родственниками встречались часто.

Карл Филиппович Фрицлер был сельским учителем в Поволжье. В Уральск он переехал из Мюльберга Волгоградской области в 1932 году. До выселения в Джамбейту учительствовал в городских школах. Говорят, был очень

приятным интеллигентным человеком. Никогда не позволял себе ничего лишнего, скромный труженик. И такого человека в 1949 году, уже после войны, взяли под арест прямо на уроке. Через два года он умер в тюремном госпитале.

Сын учителя Роланд Карлович закончил в Камышине специальную семилетку для нацменов (1929г). Были возможности продолжить образование на различных курсах. Он окончил шестимесячные промэкономические курсы, где обучали на младших бухгалтеров. Был учетчиком в “Союзхлебе”, затем помощником бухгалтера и бухгалтером на стройке Сталинградского тракторного завода. Здесь он и женился. Когда отец переехал в Казахстан, начал рядовым работником потребкооперации, а перед самой войной стал заместителем директора областной торговой базы. В 1941 году выселен из областного центра, но продолжает работать в системе потребкооперации, - председателем Бултуртинского торга. В 1949 году его переводят в райцентр – Джамбейту. Через восемь лет его вновь назначают заместителем, затем директором облторг базы, где он работает почти двадцать лет бессменно. Контора Фрицлера поставляла товары в полный прейскурант по всей области для колхозов и совхозов, вплоть до отдаленных отгонных участков в степи. Он должен был контролировать доставку и распределение товаров на местах.

Благословение аксакала Ала-кожи

В годы председательства старшего Фрицлера в Джамбейтинском сельпо, в райцентре жило немело немецких семей. Кто шли в сельпо, к нему, говорили, что идут к “большому немцу”. И запомнилось мне с тех лет аульный аксакал Алакожа. Ала – рябой, қожа – род проповедников ислама в Средней Азии, исполняющий обряды мусульманства. Возможно, этот старец и был из рода қожа

и руки у него были в светлых пятнах – ала, может быть знал ритуал посвящения – древнее ремесло его предков.

В то время в Джамбейте были двое-трое человек – нищих, которые жили подавниями добрых людей. Эти люди – не нынешние попрошайки – дети, брошенные на произвол судьбы родителями – алкоголиками, и не спившиеся бомжи без роду и племени. Это были люди действительно нуждающиеся – но, не “кайыршы” на паперти. Они ходили по домам, громко окликая хозяев по имени – всех знают. Мать усаживала их за дастархан, заводила разговор, кормила – поила, а когда провожала – в их коржын-дорба подсовывала, что имела. Не помню, чтобы они сами просили что-либо. Алакожа-ата был одет прилично, чисто. Он заходил не во все дома, а выборочно. Ему подавали вкусную еду, завернутую в полотенце, или в чистую тряпицу, еще чего-то... с почтением, извиняясь, что лучшего не могли положить. При таких случаях он с благодарной важностью поднимал обе ладони к лицу и произносил благословение: “Пусть сноха ваша будет мусульманкой, аминь!”. По Джамбейте знали, что жена его единственного сына (казашка) выжила его из дома, и он вынужден ходить по домам. Он сожалеет, что сноха лишена добронравия и уважения к старшим по наущению нечистой силы. Надеется, аллах поможет ей встать на путь истинный...

Однажды Алакожа-ата приходит в сельпо к Фрицлеру. Возможно, хотел купить что-то себе, а может быть внукам. Фрицлер не пользовался “записками”, как это делают последующие чиновники потребкооперации, а любезно повел старика под ручки прямо на склад. Видимо, его просьба была удовлетворена и благодарный ата произнес привычные слова благословения: “Пусть ваша сноха будет мусульманкой, Аминь!” Понятно, аксакал принял Фрицлера за единове́рца и посвятил ему свое завет-

ное пожелание. Конечно, на казахском – имел ввиду хорошую, милосердную жену для сына этого доброго человека. Это пожелание Алакожи долго ходили на устах у джамбейтинцев и особенно запомнилось самому Фрицлеру. Сын Эдуард взял в жены русскую девушку Ольгу Борисовну, и они более десяти лет прожили в любви и согласии со своими родителями под одной крышей.

Хасан-ага Откенов

Некоторое время я ходил в поиске собеседников из числа торгслужащих, кто работал в облпотребсоюзе – мог бы знать нашего героя хорошо. Встречался с теми, которые некоторое время работали с ним и в последующем оставались в системе. Не с каждым получалась заинтересованная беседа. Один из них заметил; “О работниках торговли надо говорить, писать пока они в должности, при деле”.

В Уральске (ул.Павлодарская, 3 кв. 30) в скромной двухкомнатной квартирке живет Хасан-ага Откенов, послевоенный председатель Джамбейтинского райпотребсоюза, начальник Фрицлера.

- В пятидесятые годы условия жизни работников потребкооперации, айналайын, ничем не отличались от остальных служащих. Может, кто помнит – работал председателем сельпо в Чапаевском районе. Семья была большая, а зарплата едва хватает сводить концы с концами. И в этих условиях в мыслях не было что-то взять, присвоить государственное. Разные нечистые на руки люди, хапуги, использующие должность в своих корыстных интересах появились в торговле позднее. Когда жить стали сытнее. Видите, Вы тоже заблуждаетесь, должностные злоупотребления, ведь, в каждом учреждении, а до сих пор по обывательски думают, - жулики только в торговле и процветают. Вот почему наши коллеги могли воздер-

жаться в беседе с Вами. Они приняли Вас за обычного газетчика. Уральск помнит только были-небылицы о богатейших директорах “Обувьторг базы” и других. Фрицлер - совсем другое поколение. Вот Вы искали встречу с теми, кто работал с ним. С Фрицлером может и работали, но могли его хорошо не знать. У него общение сугубо деловое.

- Қазақша мәке нет. У умных людей друзей много не бывает.

- Хасан-ага, Вы почти единственный из его коллег еще по Джамбейте. Есть такое мнение, что Фрицлер директором облторговой базы работал беспрерывно 20 лет и только в 67 лет ушел на пенсию. И репутация этого человека считается безупречно чистой?

- Тогда, в 1957 году, я его по-дружески просил, уговаривал, чтобы он остался в Джамбейте. Работник он был надежный. Вы понимаете, что значит безупречная работа все годы войны в районе, и 20 лет директорствовать в крупнейшей базе. Тем более, идет война – Фрицлер – немец. Ему в десять раз труднее было работать в этой должности. Поэтому он должен быть более честным, справедливым, чем его окружение. И он оказался таким. Дефицита кадров в торговле не было. Почему я очень хотел, чтобы он остался? Категорично - деловой человек. Высокий уровень ответственности. Такой человек мог бы работать на любом другом участке. Добился бы успеха. А Фрицлер всю жизнь добросовестно проработал в торговле. Разве плохо? Так и напишите.

- Ага, еще раз о Роланде Карловиче. Какие же особенности его характера помогли, как Вы сказали, его долголетию на не последней по престижности должности в областном центре?

- Думаю, во-первых, это его природный немецкий характер, в первую очередь-дисциплина и порядок. Он сам

и его семья живет скромно, без излишеств. За все годы ни разу не слышал жалобу на него. Справедливый был человек, сегодняшняя повсеместная страсть - стать богатым во что бы то ни стало, не имея ни таланта, даже не зная основные навыки трудиться профессионально на каком-то поприще. Эта болезнь разразилась уже после нас, после Фрицлера.

- Убедили, Фрицлеры – исключение. Вообще, в торговле можно работать – не воровать?

- Если по вашей логике, - то получается, что Фрицлер всю жизнь работал и жил среди вороватых. Так не бывает. Воры были всегда. В советское время их сажали. Били по рукам. Десять тысяч рублей считалось особо крупной суммой, и воры получали по 10 лет. Сейчас воруют миллионы. Называют пофамильно. Ничего. Спокойно продолжают свой “бизнес”. Воровать миллионы сейчас называют – коррупцией или как еще ... Так что, по сравнению с сегодняшними злоупотреблениями должностных лиц, - растрата 500 рублей продавщицы сельмага, - полная чепуха. Стало быть, мы с Роландом Карловичем работали с вполне нормальными и честными людьми. Конечно, надо писать о нем в вашей немецкой книге, если у Вас получится. Мне кажется, он никогда не забывал, что он немец.

- Это хорошо ли, как Вы считаете?

- Человек не должен забывать свои корни. Это мы, казахи, хотели быстрее всех стать “советским народом”...

* * *

Облбаза, которой руководил Фрицлер, представляла собой обширное хозяйство. Множество складских и других зданий, подсобных помещений. Заказ, прием тысячи наименований товаров широкого потребления. Хранение, внутрихозяйственное перемещение, выгрузка, отгрузка то-

варов. Все это сопровождается огромным количеством документации. Товары - от иголки до многотонных, крупногабаритных. База имела набор механизмов, приспособлений, инструментарий.

Директор ежедневно знал состояние всего обширного хозяйства, в том числе техническую готовность транспортного конвейера. Этот участок был годами уязвимым звеном.

Дома, у сына Эдуарда среди отцовского архива приметил один документ Республиканского комитета – это удостоверение, выданное Фрицлеру Роланду Карловичу за изобретение и внедрение в производство навесного наклонного подъемника по загрузке и выгрузке семидесятитонного холодильника на Уральской торговой базе. Старший Фрицлер не знал, что сын выберет профессию инженера-механика. По такому поводу не давал ему ни советов, ни наставлений. Это был личный выбор сына.

Фрицлер – сын

Эдуард окончил первый класс Джамбейтинской начальной (русской) школы. Сохранилась похвальная грамота (от 24.05.1957г) за отличную учебу и примерное поведение, подписанная Федяниным Борисом Николаевичем и Травинской З.Н.

- Одно название, что русская школа. Насколько помню – все уроки велись на казахском языке.

Жена и одноклассница Ольга Борисовна смеется:

- Эдик до 3-4 класса слабо владел русским языком. До четвертого класса постоянно ходил на уроки казахского языка – хотел научиться грамотно писать по-казахски. Ведь в те годы занятия по этому языку посещали по желанию, добровольно.

А почему он позже, стал забывать этот язык, Эдуард Роландович не стал говорить. Я не настаивал.

- После школы, отец даже не заговаривал о моей дальнейшей учебе, да и сам я не думал об институте – рассказывал Эдуард. - Поступил учеником в небольшую мастерскую (Актюбинский филиал) по ремонту электроприборов. Месяца через два-три я знал это дело на уровне кадровых рабочих. Через полгода меня, не достигшего еще и восемнадцати лет, назначили бригадиром-мастером ремонтников. Зарплата хорошая. Больше отцовской. Словом, я стал понимать, что мои заработки зависят от меня, к тому же, меня заинтересовал сам процесс работы – творческая сторона. В один из рабочих дней меня вызывают к начальнику.

- У тебя нет соответствующего документа – диплома, - говорит он. - Я не могу держать тебя на этой должности.

- Обидно стало за этот отказ, и со злостью, что ли, от такой несправедливости пошел в мехфак. Закончил институт отлично, - получил по конкурсу Красный диплом № 2000 по специальности инженера-механика.

Трудовую деятельность Фрицлер – сын начал с рабочей должности. Затем работал линейным (разъездным) механиком одного из ПМК. Занимался механизацией трудоемких процессов на животноводческих фермах колхозов и совхозов области.

- Отец говорил, что в любом деле, каким бы оно ни было тяжелым, необходимо трудиться, не покладая рук, добросовестно и честно, а слава и почет сами найдут такого человека.

Наше знакомство состоялось, когда Эдуард Роландович уже не первый год руководил крупнейшим в области производственным объединением “Казсельхозтехника”, с ремонтно-торговыми предприятиями во всех районах. Сегодня всего этого нет. Время другое. А его быв-

ший начальник, прошедший хорошую школу хозяйствования, продолжает заниматься обеспечением крестьянских хозяйств области техникой, ГСМ, запасными частями к машинам и механизмам и еще десятком вопросов, связанными с сельским хозяйством. Еще в прошлом году была нужда встретиться с ним, но так не смог “поймать” его: то он в сельхозуправлении, то у Есенгалиева, то, говорят, уехал в Астану. Крутится, как в привычное бывшее время – посевная, уборка, семена, химикаты ... По прежнему остался “сельхозником. В его тесной конторке (без приемной с секретаршей) народу всегда полно – новые крестьяне, тут, как прежде, и районные “выбивальщики”.

Мне не было необходимости вникать в суть его нынешних занятий, смотрю – что можно заметить на расстоянии. По характеру его деятельности и занятости, мне кажется, Эдуард Фрицлер остался на уровне, кем он был 13-15 лет назад. Насколько полно используется интеллектуальный и профессиональный багаж этой личности, не могу сказать. Только вся эта многокалиберная техника, технология, оборудование стала намного дефицитней и дороже для него и для покупателей. Крестьянские хозяйства – это не колхозы, совхозы. И Госплана нет с едиными ценами и графиком доставки. Тут уйма вопросов и вариантов решений, что называется примерно – аграрной политикой, рассчитанной на 10-15 лет. Если он не политик, то значимая фигура в этой сфере в масштабе области. Тут больших денег не заработаешь.

А престижность и хорошая средняя зарплата, которая кого-нибудь другого могла бы обольщать, не для Фрицлера. Здесь другой приоритет. Значит – идея государственности. Спасибо, Эдуард Роландович. Все-таки земляки – джамбейтинцы – искреннее сочувствие - тоже поддержка. В течение года (после издания немецкой книги на казах-

ском) продолжал задумываться, кто же он, Фрицлер–младший, на самом деле?

Если к нему присмотреться пристрасно, с личных позиций, с учетом его опыта и знания, энергии творчества – его потенциальные возможности делать личный бизнес – (так называемый “рейтинг”) – должен быть высоким.

Он, известный в Западном Казахстане и в сопредельных нескольких (крупнейших) областях России технарь, предприимчивый организатор производства, экономист, мог бы “крутить” какое-нибудь (закрытое АО, вроде, совместно – совмещенное производственное – торговое) крупное дело с известными и гласными личными доходами, и лет через 20 стал бы если не Сорос, то “Фрицлер – сын”.

Я несколько раз (по газетным материалам) составлял список фамилии нынешних предпринимателей, “новых” людей, которые иногда оказывают помощь какому-то пенсионеру или двум-трем бедным семьям в течение года в размере 10 тысяч тенге. На самом деле они еще совсем не богатые, у них ничего лишнего нет. Зря таких упрекать, что не поддержали очередного гастролера – шоумена. Может они, эдак лет через десять сами, добровольно ... Когда у них появятся уже чистые деньги, которые можно положить на помощь обществу – 100 тысяч или миллион с удовольствием.

Герои моих “немецких” рассказов, в основном, немцы-механизаторы, бригадиры, учителя – герои соцпятилеток или романтики-просвещенцы. Почти все они, прожив данное богом лета, ушли в мир иной. И все они – рядовые труженики с зарплатой по общему списку.

По себе думаю, у Фрицлера–сына все данные, чтобы стать состоятельным человеком, и в самой Германии показаться – я, дескать, тоже немец, хотя и родился в Казах-

стане. Но сегодня он, как называли бы его должность и положение, на госслужбе.

Видимо, у него это от отца, десятилетиями служить бессменно на одном и том же поприще.

* * *

Рассказы о Фрицлерах хочу завершить чисто джамбейтинским – энгіме-сказом, почти ставшим семейным преданием – о мальчике – “Москва”. Рассказывала ещё мать Эдуарда – Павлина Генриховна Фрицлер-Долингер. Я слышал от Ольги Борисовны, которая по рассказам матери помнит некоторые подробности жизни в Джамбейте, и в последующем - в Уральске.

Семья Фрицлеров почти шестнадцать лет прожили в Джамбейтинском районе, из них половину в самой Джамбейте. Годы пятидесятые – послевоенные. После трудных лет дух недавней Победы у всех поднимает настроение, надежда на лучшее, светлое будущее, бодрит старших и юношей.

А Роланд Карлович еще с Булдурты хорошо освоился с местными обычаями. Общительный, в тоже время всегда серьезно-деловой, имел много знакомых, приятелей, товарищей по работе.

О том, что он любил дружескую компанию, хорошо танцевал, при его желании мог стать душой тесного застолья, мне рассказывал еще Хасан-ага Откенов. А у родившегося здесь, в Джамбейте, Эдуарда, знакомых – приятелей должно быть еще больше. Детсада тогда не было. Полем его общения, когда был ещё дошкольником, будет большой аул - райцентровский поселок. Он до сих пор помнит некоторых из джамбейтинцев - близких знакомых родителей – Таукина, Шильмуханова, Нурпеке-ага, Едгины... Видимо, как в любой казахской семье, с кем они дружили, двери Фрицлеров для них были открыты в лю-

бое время дня и ночи. С раннего детства Эдуард привык, что в доме – постоянно гости, и родители рады их встречать, и он с удовольствием бывал в семьях у приятелей дома со старшими и без них.

Часто гостей - и пеших, и конных встречал у подъезда – у ворот. Приглашал в дом. Ребенок, с детской непосредственностью, от всей души - звонко, внятно, на чисто казахском не переставал высказывать свое доброе пожелание: “Добро пожаловать к нам, қош келдіңіздер!! - пока гости не садились за стол.

Джамбейтинцы тех лет привыкли к “тарелкам” громкоговорителям – говорит Москва. Иногда, когда мальчик отсутствовал, они с беспокойством спрашивали – где Москва?! Они и прозвали его “Москвой”.

Эдик, еще пяти-шестилетний, читал перед ними стихи, пел песни, по-своему импровизировал. Всегда заканчивал свое “выступление” настойчивым приглашением – “Приходите к нам в гости, не забывайте. Мы ждем вас всех!!”.

И гости не забывали дом Фрицлеров в Джамбейте.

«Прошу дать ответ!!»

(Письмо Лиды Бондаревой министру Берии)

*Лидия Теодоровна
Гринке-Костакова. 1956г.*

28-го марта 1953 года десятиклассница Яманхалинской средней школы из Гурьевской области Лидия Бондарева пишет письмо высочайшему шефу МВД – самому Лаврентию Берии.

“Родители мои достойные граждане нашей Родины, рабочие. Отец – Гринке Теодор Эдуардович, по национальности немец, родился на Украине. Мать русская – Елизавета Александровна Бондарева. Была война. Нас выселили в Казахстан. Мать погибла. В

1942-45 годы находилась в детских домах Южного Казахстана. Учусь в десятом классе. Хочу выехать в Москву учиться, там мои родственники. Объясните, почему я спецпереселенка?”

По положению о выселенцах их детям было позволено поступление в местные (региональные) ВУЗы, и то с ограничениями: в технические ВУЗы – нельзя, в истфак – нельзя, в литфак – нельзя... Студентку третьего курса факультета русского языка и литературы УПИ Лидию Бондареву вызывает декан и с досадой сожалеет: “Как это вы оказались на литфаке?”

- Сдала вступительные экзамены. Во всех документах указала – национальность немка. Фамилия Бондарева.

* * *

Лидия Федоровна Костакова (по мужу) всю трудовую жизнь (до выхода на пенсию) учительствовала. Преподавала русский язык и литературу в школе № 7 г. Уральска. Вызов декана она вспоминает с улыбкой: “Видимо, проверяющие не обратили внимания на пятую графу анкеты из-за моей русской фамилии”.

Сорок девять лет назад письмо к Берии она заканчивает: “Прошу дать ответ!!” С двумя восклицательными знаками. Десятиклассница очень уверена была в своей правоте.

Действительно, ответ дали скоро – 27 апреля 1953г. Из управления МВД по Гурьевской области № 94-К 26: “...что заявление Лидии Бондаревой рассмотрено. И в просьбе отказано, так как она на учет спецпоселения взята правильно и освобождению не подлежит...”.

* * *

Лидия Федоровна помогает внуку Максиму по русскому и казахскому языкам. Внук в школе учится ударником. Посещает дополнительные занятия по физике и математике. Рисует. Недавно взял в руки русскую гитару. Какая радость бабушке!

* * *

Когда это было? В 1995-ом году – в год Абая – она в своей школе организовала литературно-музыкальный вечер, посвященный первому поэту казахов. Не знаю, отмечен ли этот вечер в перечне юбилейных мероприятий города, но я был зрителем этого школьного праздника. Учительница русского языка столько души и знаний вложила, действительно получилось – от всей души.

- В каждый свой урок она вкладывает столько силы и энергии! Обаятельный и душевный человек наша Лидия

«Прошу дать ответ!!»

(Письмо Лиды Бондаревой министру Берии)

*Лидия Теодоровна
Гринке-Костакова. 1956г.*

28-го марта 1953 года десятиклассница Яманхалинской средней школы из Гурьевской области Лидия Бондарева пишет письмо высочайшему шефу МВД – самому Лаврентию Берии.

“Родители мои достойные граждане нашей Родины, рабочие. Отец – Гринке Теодор Эдуардович, по национальности немец, родился на Украине. Мать русская – Елизавета Александровна Бондарева. Была война. Нас выселили в Казахстан. Мать погибла. В

1942-45 годы находилась в детских домах Южного Казахстана. Учусь в десятом классе. Хочу выехать в Москву учиться, там мои родственники. Объясните, почему я спецпереселенка?”

По положению о выселенцах их детям было позволено поступление в местные (региональные) ВУЗы, и то с ограничениями: в технические ВУЗы – нельзя, в истфак – нельзя, в литфак – нельзя... Студентку третьего курса факультета русского языка и литературы УПИ Лидию Бондареву вызывает декан и с досадой сожалеет: “Как это вы оказались на литфаке?”

- Сдала вступительные экзамены. Во всех документах указала – национальность немка. Фамилия Бондарева.

Лидия Федоровна Костакова (по мужу) всю трудовую жизнь (до выхода на пенсию) учительствовала. Преподавала русский язык и литературу в школе № 7 г. Уральска. Вызов декана она вспоминает с улыбкой: “Видимо, проверяющие не обратили внимания на пятую графу анкеты из-за моей русской фамилии”.

Сорок девять лет назад письмо к Берии она заканчивает: “Прошу дать ответ!!” С двумя восклицательными знаками. Десятиклассница очень уверена была в своей правоте.

Действительно, ответ дали скоро – 27 апреля 1953г. Из управления МВД по Гурьевской области № 94-К 26: “...что заявление Лидии Бондаревой рассмотрено. И в просьбе отказано, так как она на учет спецпоселения взята правильно и освобождению не подлежит...”.

Лидия Федоровна помогает внуку Максиму по русскому и казахскому языкам. Внук в школе учится ударником. Посещает дополнительные занятия по физике и математике. Рисует. Недавно взял в руки русскую гитару. Какая радость бабушке!

Когда это было? В 1995-ом году – в год Абая – она в своей школе организовала литературно-музыкальный вечер, посвященный первому поэту казахов. Не знаю, отмечен ли этот вечер в перечне юбилейных мероприятий города, но я был зрителем этого школьного праздника. Учительница русского языка столько души и знаний вложила, действительно получилось – от всей души.

- В каждый свой урок она вкладывает столько силы и энергии! Обаятельный и душевный человек наша Лидия

Федоровна, - рассказывал директор школы, известный в городе просвещенец Б.С. Чебаков.

Ее ученики импровизировали Абая, читали Ауэзова. Входили в образ героев произведений Абая – простых и добрых, хитроумных и корыстных, верных друзей, многоликих врагов Абая. Главное, чувствовалось, что дети с большим желанием и увлечением участвовали в этом поэтическом празднике.

Жаль, что у нас такие мероприятия предполагаются почти строго по календарю – год Абая, год Жамбыла, отдельно год культуры ... Груз былой советской компартии. Отшумел год Абая (под флагом ЮНЕСКО) и все. Почему бы не ввести уроки Абая в старших классах (хотя бы в казахских группах). Ведь каждый стих Абая – целый мир. В школе на каждого определены часы, “проходим” ускоренно – по программе. Вот бы на ком-то, хотя бы на Абае, задержаться на некоторое время. Не пролистать ради “дом. задания”, а “прошить насквозь и до конца”, как лесковский квартальный Рыжов, библию. Он, как самородок природный, может таким и родился. В то же время КНИГА эта ему такой запас “сопромата” дала – всем уездным начальством не могли его приучить, чтобы он, Рыжов, как все – брал взятки мелкие, крупные – всякие. Это я к чему вспомнил лесковского героя?

Семья Костаковых – Александр Иванович и Лидия Федоровна – сегодня пенсионеры что есть самого местного значения. Да они ни на что другое и не претендуют. Это я вспомнил былое.

Надо отдать должное: парторганы кадры отбирали тщательно, даже с пристрастием. Александра Ивановича выдвигали на начальника горотдела УВД. По многим “параметрам” он подходил для этой должности. Но не учли самого существенного – он был и остался “природным” рабочим – живет на свои трудовые - зарплату. Если бы

еще повнимательней всмотреться в этого русого парня в ряду ответпартапаратчиков – он и был совсем нетипичный (из ряда вон выходящий). Редчайший случай – за период службы в партинстанциях Костаков смог сохранить своё лицо кадрового заводчанина – слесаря-электромонтажника.

Дачный домик строил ровно двенадцать лет. От земли до конька – сам. Его подсобные рабочие – жена Лидия Федоровна, дочь Вера. После пришел зять Саша – молодец. Все “квитки” за стройматериалы (от гвоздя до шифера) подшиты в отдельной папке.

Эту папку последний раз увидел в день его шестидесятилетия. Кто он? Вечнодобрый дон-Кихот или последний Аяз-би?

Знаете Егора Полушкина (Б.Васильева)? Самый некрутой русский человек. Для сегодняшних новых (казахов, русских, других) такой человек – абориген, просто не существует. Конечно, натурально Костаков не Полушкин. У него старенький жигуленок-4 и образование техническое (водолаз-глубоководник) и высшее (партийное).

Добрейший человек, наивный простак – кому нужен твой дачный домик-долгострой, построенный на зарплату рядового партчиновника и учительницы.

Это предки Теодора Гринке – устроители немецкого Поволжья – почти до октября 1917 года держали в образцовом порядке “квитки” и ссудные предписания “Канцелярии опекунов иностранных”.

Другое дело 2-х–3-х этажные роскошные коттеджи (с забором из цветмета) – грибное поле последних лет. За какие-такие золотишки, кто построил? Хотел, было спросить сам Президент – не поддержали его бывшие акимы.

Вечное добро и зло. Правда и кривда. Разумеется, в жизни они всегда рядом. Но если кто скажет, покажи пальцем, не сразу найдешь ориентир – вот они! А в русской

классической литературе (Толстой, Лесков, Короленко...) они явно и зримо предстают с первых страниц каждого произведения. А наша героиня – немка, детдомовка, невъездная в Москву и в Центральную Россию, всю жизнь изучает и преподает эту русскую летопись...

В этой семье – русского Александра Ивановича и бывшей “спецпереселенки”, которой министр Берия все-таки не разрешил въезд в Москву, – много света и добра. Хорошо, что она – Лидия Теодоровна Бондарева-Костакова – по воле судьбы и по счастливой ошибке была принята на литфак нашего пединститута. Нет худа без добра. А то, когда бы мы вспомнили добрую русскую классику и бедного Полушкина.

* * *

Ровно через год после письма Лидии Бондаревой Берии 27 марта 1954 года было издано решение МВД СССР и Генпрокуратуры № 86-158сс - о снятии с учета детей, родители которых в период Отечественной войны 1941-1945 гг были мобилизованы на оборонные объекты, и родившихся от смешанного брака. Приказ МВД СССР № 00597 о снятии с учета спецпоселения студентов последовало только 16 июля того же 1954 года.

Лехман Иван Пиусович

(Ошибка Сталина)

Занятым собеседником, мне кажется, должен быть этот уважаемый аксакал. Мы не знакомы, но представляю: он седой, вышесреднего роста, с прямой походкой. Степенный, немногословный. Много видевший, переживший войну – трудфронт, разлуку с семьёй, смерть жены. Долгие раздумья, – трудный выбор: – вернуться в Поволжье или выехать в Германию....

Поговорить бы с ним, хотя бы на полчаса. А так весь мой “багаж” - несколько встреч с его сыном, уральцем Владимиром Ивановичем Лехманом.

Даже по отрывочным его рассказам – воспоминаниям судьба Ивана Пиусовича представляется занимательным, в то же время характерным для всех наших джамбейтинских немцев.

Я уже говорил в предыдущих рассказах о том, что во время войны всё мужское, трудоспособное население советских немцев было призвано на “трудовой фронт” или же осуждено и содержалось в лагерях. И там, и там немцы работали на самых трудных участках: в шахтах, рудниках или же в заводских цехах вредных для здоровья человека. Повторяю, из каждой семьи наших немцев кто-то непременно находился в этих местах. Конечно, война не щадила не только их. На переднем крае Западного, Восточного, Калининского и всех других фронтов сражались против гитлеровцев лучшие сыны народа, были трудности, была и смерть. Но здесь погиб солдат – его похоронят, напишут имя. До нынешних дней ведутся поиски могил погибших на войне героев, возводятся над ними памятники и обелиски, где прово-

дятся митинги, возлагаются цветы, и это вошло в традицию народа. О наших же немцах можно найти лишь списки осуждённых и отправленных на “трудовой фронт”, но куда, где и кем, как они трудились, где кто скончался, где их могилки – на эти вопросы сложно ответить.

Тяжкий труд, к тому же ты – немец. Тебе не положено уставать или заболеть, положено только работать. Иначе припишут симуляцию, саботаж или ещё что-то в этом роде, ну а дальше – известное дело, – враг народа ... Выжить в этих условиях было нелегко.

Десять лет пробыл в Магаданском лагере заключённых булдуртинский кузнец Мильхор Александрович Дислинг. Был там стахановцем, выжил, вернулся домой. А сколько таких, как он, остались неизвестными!

Говорят, что мужчин призывного возраста, но не пригодных к военной службе, направляли в “рабочие батальоны”. Казахи из нашего аула, например, так же были призваны, но они служили в пределах республики, недалеко от дома, на рыбных промыслах Арала, работали в Ельто-не, Баскунчаке, Уйшике..., а далеко неполные адреса немцев-трудфронтовцев – во всех широтах и глубинках бывшего Советского Союза.

А много ли граждан немецкой национальности были отмечены государством за свои трудовые подвиги в годы войны? Ведь были же среди них немало достойных. Только в нашей области после войны многие чабаны, скотники, табунщики и хлеботорбы удостоены высокого звания Героя Соцтруда. Думается, ратный труд граждан немецкой национальности был недостаточно отмечен лишь только за то, что эти люди родились немцами. Сотни, тысячи немцев трудились в тылу на самых трудных участках и так же, как все советские люди, приближали победу над гитлеровцами.

Пишу об этом потому, что Иван Пиусович, который в настоящее время живет в Германии и которому 18 мая 2002 года исполнилось девяносто лет, с 1941 года до самого конца войны находился в самом центре этого “трудфронта”. Слава Богу, он, по словам сына, ещё крепок.

Владимир Иванович рассказывает: “Там, в Германии, таких, прошедших через горнила “трудфронта” живут сегодня десятки российских или бывших советских немцев. Они часто встречаются, вспоминают былое, делятся впечатлениями о пережитом”. Интересно, как у них, получается ли душевные – откровенные беседы со старожилами – германцами?

У наших немцев, депортированных, мобилизованных в “трудармии”, прошедших СибЛаг, КарЛаг, Магадан и другие Лаги, но родившиеся в годы революции и в первое десятилетие борьбы за социализм, юность которых заполнена высоким патриотическим духом – “Широка страна моя родная”, вряд ли много общего с их сегодняшними сверстниками, с тамошними немцами.

Люди одинаковой судьбы, пережившие одни и те же беды, о которых знают лишь сами. Послушать бы их откровения. Но эти люди всё пережитое долгое время держали внутри себя, только в последние годы стали говорить кое-что о себе, да и то больше рассказывают о благополучных страницах жизни. Я же пишу о наших немцах о том, чему был свидетелем сам, о том что прочитано и услышано мной из рассказов джамбейтинских казахов – бывших соседей, друзей и знакомых немцев, а так же людей, кому приходилось когда-то вместе работать с ними – героями этой книги – на одном и том же участке производства.

Иван Пиусович Лехман – второй человек, о котором пишу в этом сборнике, - человек никогда не проживавший на джамбейтинской земле. Я не видел его и не зна-

ком с ним. Нет его фамилии и в списках, которых я имею, но семья Лехманов является земляками наших джамбейтинских Фрицлеров, предки которых прибыли на правобережье Волги (ныне Камышинский район) ещё в 1765 году в числе первых колонистов. Колония Крацке-Родгаммел, можно сказать, является российской родиной Лехманов.

В первый же год войны И.П. Лехман был мобилизован на “трудфронт”. Работал чернорабочим, плотником, затем бригадиром на угольных разрезах Северного Урала. В конце сороковых годов ему удалось разыскать свою семью, депортированную в Омскую область. И после войны до самой пенсии Иван Пиусович проработал там же.

Сын его Владимир Иванович вспоминает:

- Школу я закончил с хорошими оценками. Хотелось скорее выучиться на кого-нибудь и помочь семье...

Кстати, добрая традиция помогать ближнему у Лехмана – сына от отца. В тридцатых годах, когда в Родгаммеле появился первый американский трактор “Фордзон”, единственным трактористом в селе был он сам, и паёк, который давали трактористу и называли “железным пайком” делил на всех родных и близких. Так и помогал он всем до тех пор, пока его не призвали в ряды Красной Армии.

Среди джамбейтинских немцев было немало заядлых охотников-любителей пострелять. Иван Лехман, по словам его сына, был классным снайпером. Его значок “Ворошиловский стрелок” и по сей день хранится в семейном сундуке – архиве.

- Наш отец, - вспоминает Владимир Иванович, - с тридцати метров попадал из малокалиберной винтовки в карандаш, стоящий в вертикальном положении, разбивал его вдребезги.

Но на вопрос где, как и у кого отец научился метко стрелять, сын не смог ответить.

Владимир Иванович родился в 1954 году, а через два года сняли надзор с немцев и обязательную ежемесячную регистрацию в комендатуре, и, как все дети, не особенно вникал в семейные беседы родителей, в их прошлую жизнь. Мои вопросы о них старательно записывал в блокнот со словами: “Хорошо, я выясню у отца”. Однако времени на переговоры с Германией на протяжении всей зимы у него так и не нашлось. Занят по горло (в хорошем смысле слова). Он действительно деловой человек. За это время съездил в Америку, а мой вопросник – просьбу никак не смог передать ветерану – отцу.

Брат его – Альберт Иванович, - был летчиком-испытателем. И у Володи была заветная мечта о небе, но судьба распорядилась по иному. Окончил Тюменский индустриальный институт по специальности автоматике, а работать начал простым прибористом шестого разряда на “КС-12” в самом центре Аральских песков, где прилежный выпускник смог в совершенстве овладеть профессией. Пять лет трудился на этом участке. Сегодня же, вот уже более двадцати лет, является руководителем Уральского Управления Магистральных газопроводов ЗАО «Интергаз-Центральная Азия», важнейшего предприятия газовой промышленности Республики Казахстан.

Однако, что-либо рассказать о деятельности огромного коллектива, возглавляемого им, не представляется возможным. В печати об этом почти не пишут, и в беседах с ним узнал лишь о том, что газопроводчик – далеко не водопроводчик. Халатность и ошибки в этом деле недопустимы.

Отец нашего Лехмана с молодых лет готовился защищать Родину. Служба в армии, затем тракторист, Ворошиловский стрелок, инструктор ДОСААФ по стрелковому делу. К глубочайшему сожалению, такому высоко-патриотически настроенному и профессионально подготовленному для фронта молодого человеку по приказу Сталина, и его сверстникам немецкой национальности не дано было защищать Родину с оружием в руках, их удел был «трудфронт»

- Зря товарищ Сталин не пустил нас на фронт, сколько бы фашистов отправил на тот свет..., - не раз сокрушался он.

В последние годы жизни в Союзе остался совсем один - жена Иозефина Ивановна (Баскал) умерла, сыновья и дочери разъехались....

- Отец приехал ко мне в Уральск. Затем ездил на родину в Камышин, на Волгу, там прожил восемь лет у дочери Валентины, а потом, после долгих раздумий, уехал в Германию к другим дочерям. Там живут Ольга и Мария, - говорит сын. - Была бы мать жива, не уехал бы он. А задумали Вы хорошее, нужное дело, рад буду помочь по возможности, только о нас Лехманах надо ли писать, ведь наш отец в Джамбейте не был, а в Казахстане жил всего три года, и то в восьмидесятых годах. Когда буду у отца расспрошу, разузнаю обо всём и Вы напишите о нём в следующей книге.

- Спасибо, Владимир Иванович, за добрый совет, но судьбы казахстанских и российских немцев разве не одинаковы? Малой родиной джамбейтинских немцев является Поволжье, и Иван Пиусович оттуда, он - земляк моих джамбейтинских немцев. Да и там, в Германии, они, вероятно, встречаются за круглым столом и ведут беседы за кружками баварского пива.

Владимир Лехман был утверждён директором Уральского Управления Магистральных газопроводов приказом самого Есета Рауатовича Азербаяева – главы Государственного концерна “КазахГаз”, Министра Республики Казахстан того времени. В одной из наших бесед я напомнил ему:

- Владимир Иванович, оказывается, Ваш назначенец.

- Владимир Иванович возглавляет крупный участок Магистральных газопроводов. Он успешно прошёл все ступени должностной номенклатуры – от рядового рабочего до директора. У нас, в стране, когда экспорт (транспортировка) природного газа составляет немалую долю в доходной части государства в целом, такие кадры, думаю, на особом учете.

- Что-то Владимира Ивановича среди руководителей организаций, предприятий областного центра не видно, не слышно в смысле гласности деятельности руководителя, или контора Лехмана закрытое учреждение?

- Конечно, магистральный газопровод, это не ремзавод, которого можно закрыть на несколько месяцев. Вы имеете ввиду общественную активность руководителя – ТВ, газеты-интервью. Может быть для некоторых чиновников – это важная деталь в смысле самоутверждения и т.д. А зачем Лехману такая самореклама местного значения. У него производство – двадцатичетырёхчасовой график работы. Некогда. Зачем ему лишние хлопоты об имидже и гласности его личности.

В кабинете Владимира Ивановича висит карта-схема бывшего СССР, вся перебитая линиями (на карте жирные оранжево-красные линии - жучки) подземных газопроводов. Многие тянутся к Европейской границе бывшего СССР, а дальше эти линии множеством красных стрел разбегаются по всей Западной Европе – в Польшу,

Чехию, Словакию, Германию ... Они идут в города, села-дорфы. И так уже сорок лет качают советский (сегодня постсоветский) газ круглосуточно, без перерыва и выходных. До чего же богаты мы были! Это я с точки зрения рядового обывателя. У хозяина кабинета, разумеется, другие критерии оценки богатства страны, да и по этим оранжево-красным, жёлтым, синим линиям, он может, конечно, читать лекции в любой аудитории.

- А я для себя думаю, - наверное, общая протяженность этих трубопроводов столько километров, что ими два-три раза могли обвить по экватору наш земной шарик. Соорудили трубопровод длиной ниток (суммарно) десятки тысяч километров - до края земли, аж до Пиренеев! В то же время за эти годы не могли дотянуть до нашей Джамбейты и Каратюбы, которые находятся всего в 150-200 километрах от союзного газопровода, и греются там кизяком, как во времена хана Жангира, двести лет тому назад.

- Владимир Иванович, нет ли опасения, что случится какая-то внештатная ситуация, неисправности и ваши дальние потребители останутся без газа? - интересуюсь я.

- Перебоев не должно быть, а временные остановки по техническим причинам предусмотрены. Однако это не должно отражаться на качестве обслуживания, - охотно делится со мной Владимир Иванович.

Видите, всё предусмотрено. Поэтому у Ивана Пиусовича там, в Германии, оплата за тепло, газ не "прыгает" как у нас. У нас за единицу она дошла до 5 тенге 13 тиын. В прошлом году придумали температурный коэффициент - подводящие трубы начали мерзнуть - платить за это тоже надо, а то отключат! А сколько миллионов единиц газа - тепла пропадает только в Аксае - скважины горят дни и ночи, годами, отравляя воздух и землю. Может, эти многолетние пылающие газовые факелы предусмотрены высокой зарубежной технологией? Вряд ли?! Ай, в Шта-

тах и в той же Германии, скажу о лай-беллай, не жгут зря такое добро. Иногда мы ругаем Америку за заповнившие наши прилавки жвачки, кока-кола, боевики-ужасы. Ругаемся, но жуём жвачку, продолжаем с детьми смотреть всякие страшилки-видики. А они, капиталисты, себе на уме – богатства своих недр берегут – газовые костры не жгут. И эти дрянные кинофильмы не смотрят, и водку-табак не рекламируют...

Вправду, кажется, что в тех Штатах и в соседней нам Западной Европе давно уже коммунизм – полная электрофикация и газификация всех земель и районов. Вот почему у них совсем другие проблемы и заботы. Действительно, надо их догонять быстрее, но только не галопом по обочине, как при Хрущеве.

* * *

Лехман – младший по возрасту из того поколения казахстанцев, которые учились, работали в абсолютном “старшинстве” всесоюзного рабочего языка – русского. Молодые казахи по сегодняшней день без родного языка – так и апеллируют этому “всесильному” для них фактору: мол, я не причём, это предки виноваты – среда такая ... Поэтому-то к Владимиру Ивановичу я долго “подходил” с вопросом:

- Как у Вас с немецким языком?

- Когда у нас работают немецкие специалисты, обхожусь без переводчика, – деловито подчеркивает он. Коротко и ясно. Больше он ничего не сказал. И не надо. Его ответ для меня прозвучал так: а как же не знать родного языка? Разве можно забыть язык своих родителей, своих предков? Конечно, нет.

Из дальнейшей беседы я понял, что его руководство одобрительно воспринимает познания языков в качестве слагаемых профессионализма. В этой связи не мало мо-

лодых казахов, у которых другое отношение к тому же родному языку – казахскому.

Этот сугубо деловой человек на ответственной работе делает большое государственное дело.

Инженер-профессионал высокого класса. Кроме того, потомок поволжских немцев, который чтит, бережёт родной язык, традиции и обычаи предков. Такие люди, впитавшие культуру нескольких народов, в то же время со знанием дела достойно служащие престижу нового Казахстана, вызывают только искреннее уважение.

Зов предков

Кажется, это было летом 1975 года.

Ко мне, только что избранному секретарю парткома совхоза “Пригородный” (что в Актюбинской области), вошел особоуполномоченный известного госоргана. Свой документ – удостоверение он открыл перед собой и обратно положил в карман. Накануне был звонок из райкома: “Ждите. Выслушать, постараться выполнить его поручение”.

В эти годы только началась эмиграция советских немцев на историческую Родину. Тогда, видимо, кэгебешники выполняли задание – в какой то степени отсеять список желающих выехать в Западную Германию, предупредить будущий массовый выезд туда наших граждан.

В совхозе младшим ветеринарным специалистом работал Ланге (или Ленге). Свою работу знал хорошо. По работе к нему никаких претензий не было. Человек скромного нрава, молчаливый – “не общительный” (так писали тогда в профхарактеристиках). Даже, казалось, немного суровый.

Приезжий от имени своего учреждения и, заручившись поддержкой первого секретаря нашего райкома партии, поручил мне разъяснить Ланге, что желательно, чтобы он отказался от выезда. Особист сообщил мне положительную информацию, как выразился он, - в результате проведенной работы через школу, комсомольскую организацию, дочь Ланге, десятиклассница-комсомолка уже отказалась от выезда с родителями.

Предложение-задание принял как партпоручение. Но не знал, как я буду его выполнять. Легче было бы провести собрание с двумястами членами КПСС, состоящими на учете в первичных организациях, чем беседовать с че-

ловеком, знающим свое дело и крепко верующим в свою правду.

По рассказам старожиллов знал, что Ланге отличный специалист, хозяин отменный. Человек очень правильный и прямой. У него дом ухоженный, хозяйство образцовое, а огород и сад, вообще, - опытный участок. Он был не молод, предпенсионного возраста. Но еще крепкий здоровьем мужчина.

Порученец-особист уехал. А я должен был попытаться уговорить, чтобы такой человек изменил свое решение. Но вскоре я понял, что это совершенно бесполезное дело. В то же время, отказаться от поручения я, конечно, не мог.

В селе уже знали, что Ланге уезжает. Жители хорошо отзывались о семье Ланге. Абсолютно положительный человек. Но за эти дни у меня к нему возникли непонятные мне самому тогда неприязненные чувства. Непонятно было желание хорошо живущего немца, родившегося далеко не в первом поколении в России, выехать из Советского Союза.

“Такого не бывает, - думал я, - никакой он “абсолютно положительный”. Он - затаившийся старый неприятель СССР. Живет-то не плохо, буржуин. А хочет уехать. На историческую Родину? А разве бывает не историческая? Просто место пребывания. (Временное, вынужденное??) Ничего подобного. Родина одна – она там, где родился”. Вот примерно такой была суть моих тогдашних претензий к беспартийному товарищу Ланге еще до намечавшейся встречи с ним на заданную тему.

Думаю, начну с “бытовки”. Не может быть, чтобы у него не было никаких претензий, просьбы. Сам же отмечая, какие могут быть жалобы-заявления, если человек давно собрал чемодан? И предпрофкома предупредил, -

он никогда ни к директору, ни к профкому не обращался с заявлениями по “быту”. Да, он, видимо, от рождения “не советский”.

Вот, подумал, кажется, сильный вопрос. По повестке дня.

- Вы же себя считаете патриотом страны советской, как же это у Вас увязывается с желанием выезда?

- Конечно. Как все. Живу своим трудом. Не ворую. Не нарушаю трудовую дисциплину. Уважаю законы. Я считаю себя достойным гражданином. (Действительно, только такие достойные граждане и есть настоящие патриоты, - отмечаю я про себя).

Вроде бы на непростые вопросы (с моей точки зрения), мой собеседник отвечает просто, однозначно, уверенно, с достоинством.

- Хотите выехать потому, наверное, что там жизнь лучше?

- Нет. Я же Вам вполне искренне сказал, что доволен домом, работой, зарплатой.

- Вот видите ...

На такие наводящие, банально-дежурные реплики он может просто не отвечать.

Ладно, думаю, подожди, дезертир, сейчас я тебе задам ... такой вопрос! Умник нашелся, на все случаи у него ответы готовы.

- Принято, и это очень понятно, когда человек уезжает туда, где родился – где могилы отцов, - говорю я.

- Да. Правильные слова. Спасибо, - говорит он.

Не хочет конкретнее отвечать, “умник”. Да и нечем крыть. Вишь, “спасибо” мне. Ладно, прощай, немец. Испорченный ты до конца, полностью. Таких и не надо уговаривать. Пусть уезжают, куда хотят. Как там, “скатертью, что ли, ему дорога ...”. С такими “единый советский народ” не получится.

После его смиренно-спокойного “спасибо” на мой “принципиально разоблачающий” вопрос, я, было, успокоился. “Понял, старый хрыч, что я все-таки угадал твои черные мысли. Ты бежишь туда, где богато, сытно. Но будет ли уютно, спокойно для твоей души, мудрец?”

- Товарищ секретарь парткома, Вам ничего не говорит понятие “Зов предков”?

Ах ты, фриц-мудрец, думаю. Откуда ты взялся со своим вопросом?

- Мои предки здесь. Впрочем, предки ваши, российских немцев, - тоже не в дальних краях, зачем же уезжать? - почти с ноткой неприятия ответил я на единственный вопрос моего собеседника.

Ланге попрощался спокойно и вышел.

Вскоре он всей семьей выехал в ФРГ. Я все еще оставался в неведении - почему же этот человек так уверен был в своем решении?

Позже, когда я поближе узнал трагическую историю российских немцев, я вспомнил Ланге, и мне стало как-то неловко, что тогда даже не поинтересовался, - откуда и куда он был депортирован в 1941 году? Где и как он и его семья пережили войну? Кого потеряли, какие горести пережили?

Очень сожалею. Получилось вполне **“was nicht herzt, schmerzt nicht”** - Чего не знаю, о том и не страдаю. Век живи - век учись. Теперь я своим джамбейтинским немцам по поводу выезда никаких вопросов не задаю.

Дождевые облака над Тоганасом

(Быль об Иване Михайловиче Третьяке)

Третьяк Иван Михайлович с супругой Анной Алексеевной

В воскресное утро стучусь к Анне Алексеевне Третьяк-Ефремовой.

- Войдите, - слышу приятный голос.

Хозяйка, открыв настежь двери, пригласила меня в комнату. Как в старое время в наших аулах. Без обязательных вопросов-расспросов горожан за дверью: кто, откуда, по какому поводу?

Единственное украшение квартирки - большой портрет Ивана Михайловича (рис. Дархана Менешова.)

- Узнаете? Его знали многие.

Анна Алексеевна вспоминает былое: молодость, как строился совхоз, как работал Иван Михайлович, заслуженную славу Третьяка-агронома. И сегодняшнее одиночество, старость.

Я внимательно слушаю рассказ женщины:

Третьяк Иван Михайлович

- Иван Михайлович и его отец с первых дней войны на фронте. Отец погиб в 1941-м. Мать умерла в 30-е голодные годы на Украине. Я тоже была без родителей. Познакомились мы в 1943-ем году. После тяжелого ранения в Омском госпитале лечился молодой лейтенант. Я была местная, сибирячка. Он с Украины. По состоянию здоровья его списали из действующей армии. Когда решили пожениться, Иван Михайлович спросил меня: "Куда

хочешь поехать?" Я ответила: "Туда, где много яблок". Анна Алексеевна (ей семьдесят восьмой год) сквозь слезы смеется: вот так и сказала, и мы поехали в Алма-Ату. Здесь, в тресте совхозов его направили в Южный Казахстан, в мулсовхоз №112 главным агрономом. А в 1949-м году ему предложили поехать в Западный Казахстан, главным агрономом конезавода № 117. Шубин приехал директором в следующем, 1950-м году.

Уточняю: "Вы сказали молзавод?"

- Нет. Не молокозавод. Они разводили мулов. Говорили, что это очень выносливые и неприхотливые животные. В совхозе было немало земли под зерно и кормовые.

Анна Алексеевна продолжает:

- Приехали. Не было ни электрического света, ни кирпичных домов, ни дорог. Помню, как Иван Михайлович первый раз поехал за кирпичами в Куйбышевскую область. Почему в Алматы поехали? Молодость, наверное.

Я счастлива была. Рядом - он, Иван. Яблок, видимо, захотела. Судьба, конечно. Иван Михайлович, кроме своих пшеничных полей, заложил первый яблоневый сад в совхозе. Потом второй, новый сад. Но главная его забота - поля, трактористы-комбайнеры, семена. Этим он жил.

Посевная, сенокос, уборка, пахота, зимовка. Каждый день возвращался домой поздно. Особенно летом. Поест. В рабочей одежде (в сапогах) поспит немного и опять на работу. И так всю жизнь. Пока болезнь не свалила его с ног.

В тот день он также рано выехал в поле. Со всеми приветливый - едет по селу - кому-то помашет рукой, кого-то поприветствует кивком. Односельчане привыкли к его доброй улыбке. Но вечером того дня некоторые из соседей заметили, что его крупное тело, согнувшись, чуть не упиралось в лобовое стекло. Вроде смотрит вперед, но никого не видит. Машина шла по кривой на малой скорости, остановилась, упершись в придорожное дерево. Подбежали, кто оказался поблизости. Вызвали врачей. Инсульт. Последующая инвалидность. Будучи серьезно больным, он просил близких товарищей проехаться с ним, показать совхозные поля.

* * *

Более сорока тысяч гектаров совхозной земли в обороте были рабочим столом Ивана Михайловича. Землеустроительные работы проводились по генплану. Периодически вносились поправки, уточнения. Абсолютно точно спланированные квадраты зерновых и других культур. Не только зерновые поля, но внутрибригадные дороги и рабочие прогоны между полями севооборотов содержались в чистоте.

Каким-то известным только Третьяку способом исчезали сорные растения даже по окружности электрических

и телеграфных столбов, линии которых проходили по межам полеводческих бригад. Частые посещения гостей и должностных лиц, вплоть до членов Политбюро, стали для правдинцев привычными буднями. Как встречать, что показать – у них не было проблем: никакого аврала, тем более показухи, здесь не было.

Образцовый порядок в поле, в производственных цехах, на животноводческой ферме, на улицах не только совхозного городка, а во всех отделениях, на бригадном стане – это был повседневный, сложившийся годами быт.

В Мукуш-стане, у бригадного дома, летом – всегда радующий глаз ухоженный цветник. Риффель-Герой, руки которого всегда в мазуте (поэтому-то рукава его рабочего халата закатаны по локоть), постоянно около своих тракторов, как он успевает еще смотреть за цветами? Гульбаршын Аткеева, в то время рабочая 12-ой бригады, рассказывала с гордостью, когда уже не было ни бригады, ни бригадира, что в ее трудовой книжке единственная благодарность – это от самого Эдуарда Карловича – за надлежащий уход за цветами. Кроме всех других вопросов, Третьяк требовал от бригадиров, чтобы они и за цветами следили.

* * *

По посевной площади, (по объему производимой продукции – зерна, мяса) совхоз уже в 60-е годы был в числе крупнейших в республике. Многие, даже в своем районе и области, не имели полного представления о проводимой кропотливой работе по подготовке почв, семян и еще (почти негласном, чисто субъективном факторе, исходящем только от главного агронома) – выборе оптимального срока сева. Редкие принципиальные разногласия директора с главным агрономом случались, в основном, в посевную. Даже “железные” нервы Шубина не выдержи-

вали напора “высоких звонков” - район отсеялся, область вышла на такой-то рубеж, а в сводках нет “Правды”. Шубин у Третьяка авторитетно требует – хватит ждать! Главный упирается, даже идёт на маленькие хитрости. Иногда сочиняет для верхов фальшивую, желанную для них сводку. И с тревогой выжидает еще одни-двое суток. И – мощный бросок всей лавы механизированных агрегатов на идеально подготовленные поля. Работа сутками, без единого часа перебоя. И на всей огромной площади после сева идёт прикатывание – рыхлую после сеялок почву придавливают, уплотняют самую поверхность, желая максимально сохранить весеннюю влагу. Но Третьяк не спокоен. Объехав каждое поле, увидев ровные здоровые всходы, он волнуется: “Какая погода ждёт их в следующей фазе развития?!” И так далее – думы, тревоги, сомнения, ожидания ... У таких людей, как Третьяк, нет абсолютно-го покоя, - вечный бой. Не выдержало сердце такого постоянного напряжения. И внезапная болезнь. Вернее, взрыв накопившихся болячек. Не успел довести до конца того, второго, третьего ...

А по Джамбейте потом ходили байки-сказки: у Шубина и Третьяка – небесные хранители, как легендарный тигр-спутник Жамбыла. Вдоль обеих берегов Анкаты висят на неведомой высоте, на невидимых парусиновых ниточках дождевые облака. Потянул Шубин из окна своего кабинета одну ниточку – пошёл дождь над Тоганасом и Куспанколем. Потянул Третьяк другую ниточку – дождь в Караганде и Мукыш-Кутуре – заливают поля Риффеля и Кинсфатора. Поэтому и Риффель стал Героем Социалистического Труда, а Кинсфатор Александр Иванович получил орден Ленина и звание “Заслуженный работник сельского хозяйства Казахской ССР”.

Кажется, последний более-менее правдинский хлеб получен в 1992 году. В том году, 18 октября на 74-м году, проболев несколько лет тяжелой болезнью, ушёл из жизни Иван Михайлович Третьяк. Конечно, сказка-шутка, возможно, выдумана соседями-приятелями, которым завидно бывало смотреть на очевидные и постоянные успехи “немецкого совхоза”. Но многие и соглашались, что гарантом успеха правдинцев в производстве зерна в течение многих лет являлся высокий уровень культуры земледелия, созданный трудом этого уникального профессионала – главного агронома, за 43 года беспрерывной работы в этой должности, в этом хозяйстве. И столько лет он, Третьяк, являлся по совместительству, и в полном объеме, заместителем директора совхоза по производству. Такого главного агронома, десятилетиями стоявшего у руля всего совхозного производства, в области нет.

Имя Шубина, Героя Соцтруда, директора совхоза, до сих пор широко известно в Казахстане. И Третьяка хорошо знают в районе, помнят многие в области. А в самом совхозе (в том, что от него осталось) почти каждый, стар и млад, с кем мы встречались, тепло вспоминали: очень добрым и работающим был Иван Михайлович.

В последние несколько лет, интересуясь историей немецкого населения района, встречался с теми, кто не одно десятилетие работал рядом с нашими, джамбейтинскими немцами, в основном, полеводами-механизаторами. Особенно здесь, в “Правде”, где сосредотачивалось производственное ядро – бригадиры, управляющие, другие приоритетные должности, где 10 лет и более, до выхода на пенсию и после успешно работали немцы-практики. Большинство моих собеседников вспоминают, как Третьяк учил того, помогал

тому, поддерживал, рекомендовал... И десятки поучительных, добрых историй, где главным героем – Иван Михайлович.

В Куспан-коле проживает большой семьей “последний из могикан”, бывший управляющий № 4, проработавший в этой должности двадцать семь лет, Кадыров Зейнел-ага.

- Культура производства зерна – это личная заслуга Ивана Михайловича; он же заслуженный Герой “Правды”.

Возражаю аксакалу:

- Зейнеке, в этом совхозе ведь только два Героя – Шубин и Риффель.

Помолчав, снисходительно посмотрел на меня:

- Хорошо. Согласен. А вы знаете, за что награжден Третьяк вторым орденом Ленина?

Мягкая улыбка и многозначительная пауза куспан-кольского мудреца означала: “Вы не знаете наших. И не скажу”.

И я не стал огорчать Зейнел-ага своим ответом, которого он уже предполагал, мол, за успехи, выдающиеся заслуги ...

Это был первый урок.

- Зейнел-ага, вот Риффель Эдуард Карлович – талантливый человек, героем стал, но остался таким, каким был – простым рабочим человеком. Среди многих мастеров механизаторов-бригадиров, за что же Шубин выделил именно его?

- А как же, таким он и должен оставаться. Это ведь главное достоинство человека.

Подумав, через некоторое время:

- Тоже был хороший человек – Герстнер Эммануил Мартынович. Более двадцати пяти лет бригадиром. С этой должности ушел на пенсию. Редкостный, надеж-

ный человек. О каком-то деле подумаешь – вот бы таким образом, - он сделает лучше.

* * *

В скромной городской квартире беседуем с Сади-ага Кабышевым. Тоже человек с редким талантом организатора совхозного производства. Основатель правдинского мясного конвейера. Вспоминаем об Иване Михайловиче, о Риффеле.

- Это Иван Михайлович в 1954 году в бригады прибывших целинников упорно внедрял местных ребят – казахов и немцев. И будущий Герой сел за руль трактора по рекомендации и настоянию главного агронома.

О работоспособности, выносливости Третьяка слышал много рассказов. Тот же Сәке-аға рассказывает:

- Несколько главных специалистов-правдинцев по своим отраслям-разделам сдаем годовые отчеты, здесь же отстаиваем свои предложения по профинплану. Материалы, варианты расчетов... Иван Михайлович (он и по возрасту старший среди нас) подбадривает, поторапливает: поработаем еще немного. Здесь, в кабинетах райсельхозуправления, поспим часок. И опять – за дело.

Предполагаю, это, в основном, не заурядные главсцепы рядового совхоза, а соратники Шубина. Другие бы заказали себе где-нибудь хороший ужин, отдохнули бы, а завтра еще один день в райцентре ... И алогичность их поведения с позиции обывателя будет понятна, если учесть, что они правдинцы. У них же совершенно простая логика – сэкономить завтрашний световой день, скорее выехать на свои рабочие места. Видимо, для этих людей такой жесткий режим работы привычный.

С пенсионером, инвалидом второй группы, Жусупом Сейтекеновым встретились в сегодняшнем Тога-насе (без центрального отопления, без водопровода, с множеством разрушенных коттеджей для рабочих, построенных при Шубинском социализме). Жүсеке - кавалер Ордена Трудового Красного Знамени, первоцелинник.

- Иван Михайлович на курсах трактористов экзаменовал нас так, как будто мы не завтрашние трактористы, а ученые-агрономы. У нас хорошие земли. Мне кажется, что из всех видов полевых работ главный агроном более строго следил за пахотой.

Работали в две смены. 50-е годы. Однажды, далеко за полночь, дурь напала, – захотелось быстрее перевыполнить сменную норму. Немного приподнял рабочие корпуса и на хорошей скорости пошел на следующий круг. Вдруг, под нагрузкой, трактор мой чуть не заглох. Тормознув, смотрю назад. Сам Третьяк собственноручно закручивает рычаг глубины вспашки. Предупредил, чтобы больше не делал этого. Он почти всегда был в сапогах. В голенище постоянно носил линейку-шаблон 25 см длиной. Следил, чтобы борозда ложилась к борозде. Пахота должна быть ровной. Потом сами поняли, как легко работать на таких полях во время сева и уборки. Такой вспашки теперь нет, а хотят хорошего урожая...

А Александр Лесовой (агроном-правдинец) считает, что исключительной заботой Третьяка были семена. Работа с семенами, доведение семенного зерна до высших кондиций идет круглый год – от отбора апробационных снопов до следующей посевной.

Видимо, исключительной заботой И.М. Третьяка было и то, и другое, и все остальное, касающееся вопросов обеспечения стабильно высокого урожая.

* * *

В Джамбейтинском райархиве среди листов годового отчета случайно оказался написанный рукой Третьяка (имеется его роспись) черновой текст характеристики бригадира № 12 Риффеля: "...талантливый полевод-организатор. Работал помощником тракториста (прицепщиком) с 16-ти лет, тракторист с 1951 года. Он из тех, кто поднимал совхоз. По производственным показателям лучший среди тракторно-полеводческих бригад (далее идут колонки цифр – посевная площадь, урожайность по годам пятилетки). Человек высоких моральных качеств. Честен, правдив. Высокая производственная дисциплина и порядок в бригаде держится на личном примере. Чрезвычайно трудоспособный. С механизаторами обращение уважительно-равное. Без амбиций и других отрицательных качеств. Достоин высшего звания – Героя Социалистического Труда". На другом листочке - характеристика-отзыв на Кинсфатора Александра Ивановича. Тоже исключительно положительные отзывы. Похоже, одновременно готовили документы на обоих. Как раньше выражались партчиновники – "резерв".

Правдинцы рассказывали, что все серьезные бумаги в совхозе пишет не партком, и не профком, а Третьяк. Вполне вероятно, в окончательном варианте высокие чиновники от партии забраковали текст Главного агронома. Будучи более знакомым с биографией Риффеля, по мне данная характеристика (пусть и черновой вариант) – добрая и объективная.

* * *

У Анны Алексеевны Третьяк на всякий случай спрашиваю, можно ли посмотреть орденские книжки Ивана Михайловича.

- Ордена Ленина у меня украли ...

Орденские книжки также не нашлись. Вот его фотография с двумя орденами Ленина. Выписал номер ордена Трудового Красного Знамени – № 522678.

* * *

Глава одного из крестьянских хозяйств Шолак-Анкатинского сельского округа Гайнолла Сулейменов – тоже агроном по профессии. Шофер, тракторист-касемсотчик, более десяти лет помощником Героя Риффеля. В последние годы вплоть до распада Союза и совхоза “Правда”, он управляющий отделением № 4. Типичный кадр Шубинского расклада. Успешно прошел все ступени рабочих профессий. Управляющий отделением – эта должность у Шубина считалась константой надежности на 20-25 лет, как Зейнел Кадыров, Иван Гефелей ... У Гайноллы десяток тракторов “рождения” 80-х из двухсотенного бывшего тракторного парка.

Правдинские предприятия – мастерские, автогаражи, другие культ-быт объекты – были построены по самым лучшим проектам, надёжно – надолго. Их разобрали, выкупили (по частям и оптом) безадресные, хваткие, постсоветские временщики, не имеющие никакого отношения к совхозу имени газеты “Правда”.

Гайнолла со своими тракторами-инвалидами по старости этой осенью успел полностью вспахать свой надел. Г.Сулейменов – герой нашего времени, сегодняш-

него. Он обеспечил работой, а значит и зарплатой тридцать семей своего Куспанкуля, и в этом году получил 14 центнеров с лихвой с каждого гектара. Правдинский шаруа, кроме всего, немного романтик. На этот час проблем нерешенных вокруг этих “5000 га” - с десяток. И он вспомнил старый – давнишний сказ ветеранов целины о главном агрономе.

- В первый год целинной вспашки была установка – указ Третьяка бригадирам: ни в коем случае не разорять гнезда крупных хищных птиц, таких, как орланов, орлов-стервятников (қаракұс, күшіген). Эти птицы ныне редкость на наших полях, или я стал слаб зрением? Раньше степь была для них родным домом. Главный агроном этих птиц считал полезными помощниками, у него был даже расчет: столько-то сусликов-вредителей уничтожает каждое семейство-гнездышко. Трактористам поручалось внимательно следить по ходу вспашки. Птичьи гнезда осторожно переносились на ближайший край поля, на предварительно насыпанный небольшой бугорок.

Потом пришла химпрополка – наземная, а вскоре прилетели самолеты сельхозавиации. Намерение главного агронома по защите природы – окружающей среды (как ныне говорят) пошли под топор технического прогресса.

* * *

Прежнее руководство области предложило уже больному Третьяку квартиру в г.Уральске. Поблагодарив за оказанное уважение, он отказался от переезда в город:

- Вся жизнь здесь прожита. Зачем мне город.

Говорят, и Шубину было оказано такое же внимание - переехать в областной центр. Не захотел директор-герой уезжать из родного совхоза.

И у Риффеля была возможность поменять свой аул на Уральск или, как сделали другие немцы, выехать на историческую родину. Нет, остался. Шубин, Третьяк и Риффель похоронены здесь, на Тоганасском кладбище. Директор, главный агроном и один из выдающихся “трудоголиков” - немцев, Герой Социалистического Труда, бригадир № 12, карагандинский «басқарма».

В сентябре 1959 года, нас – троих старшекурсников Уральского сельхозтехникума – направили в совхоз им. газеты “Правда” для прохождения производственной практики.

Галину Алексееву (ныне профессор Рязанского сельхозинститута) сразу определили к старшему семеноводу Гущину, а нас с Балгали Кенжегариным (он остался в памяти жосалинцев, как умелый хозяйственник, кавалер ордена Трудового Красного Знамени) Иван Михайлович направил рабочими зернотока 4-го отделения. На току – горы зерна. Очередь военных грузовиков стоит вереницей к зернопогрузчикам. В такие дни работали без обеденного перерыва. Однажды подъехал Главный. Сам встал с лопатой к погрузчикам, попросил помощь у солдат-водителей, которые ждали погрузку. Нам предложил идти обедать. Конечно, мы быстренько, через 15-20 минут, были снова у погрузчиков.

Через месяц Третьяк отправил нас двоих помощниками трактористов (сменщиками). В ноябре приказом директора агрономам трех отделений совхоза предоставили отпуска. Может, это было у них по графику. А скорее, это было желание Третьяка, чтобы мы практику завершили, проработав хотя бы месяц на должностях по специальности.

Как раз в конце практики пришлось несколько дней работать на складе, где срочно надо было спасти просо. Последние уборочные площади попали под дождь. Просо перекидывали (проветривали) погрузчиками, зернометами с одного конца склада на другой. Одновременно часть зерна вывозили в другое помещение. Где-то далеко за полночь, выключив все машины и освещение, мы погрузились в теплый просяной бург, - решили отдохнуть.

Открыв глаза, мы вдруг увидели, что все прожектора включены. Утопая выше голенища сапог в просе, рядом с нами стоит Главный во весь свой высокий рост. Мы виновато поднялись со своих лежбищ.

- Устали? Ничего, ребята, проработаем еще часа два, как раз дневная смена подойдет.

При нас, измерив температуру в толще просяной массы высотой почти до полутора-двух метров, сказал:

- Если в течение суток не закончим работу, наступит критическая температура - потеря всхожести на 50 процентов.

Что потеря всхожести на столько-то процентов - это плохо, мы понимали. Но мы не совсем поняли, почему через 24 часа, и какова критическая температура процесса самосогревания проса мы тоже не знали. По завершении практики на прощание мы с Баке извинились за тот случай, когда "проспали на просе".

- Ладно. Я же не наказывал вас. Вообще, если хотите стать хорошими агрономами, надо меньше спать. Тем более, когда "горит" зерно, - успокоил нас Иван Михайлович.

Через полгода после госэкзаменов, когда нас двоих направили в распоряжение райсельхозинспекции, Андрей Семенович Клименко, отложив в сторону "направ-

ление” облсельхозуправления, внимательно и долго читал отзывы Третьяка на практикантов.

- Сам Иван Михайлович рекомендует вас на должности по специальности. Придется подумать.

Может быть, уважили слово Третьяка, или действительно в ту пору была потребность в кадрах, но нас определили агрономами. Баке Кенжегарина – в крупнейший в области колхоз “Кызыл ту” (где председателем депутат Верховного Совета Республики Казахстан М.Каналиев), а меня, совсем зеленого, назначили старшим агрономом в мой родной колхоз.

Огромный авторитет Третьяка, его знание техники и технологии производства зерна мы запомнили на всю жизнь. Нам также запомнилось его доброе расположение к нам, учащимся “сельхозки”. Его простота и скромность, нам казалось, присущи всем русским. Он принял нас с большим благорасположением. Мы с Баке ехали в “Правду” с опаской: как примет нас уже тогда известный в области агроном? Мы же для него, обремененного большими заботами, лишняя обуза. К тому же, у нас с Баке, чисто аульных аборигенов, кроме нескольких преподавателей “сельхозки”, не было общения с деловыми людьми русской национальности. Да и русская речь у нас была далеко не достаточной, чтобы свободно говорить с Главным. Галя Алексеева, наша сокурсница, чувствовала себя уверенней. Она была городская. За эти несколько месяцев мы как будто повзрослели. Нас понимал, с нами, как с равными, разговаривал Сам Главный – Иван Михайлович Третьяк.

Может, и поэтому я с самыми добрыми воспоминаниями через сорок два года направился к Анне Алексеевне Третьяк, вдове Ивана Михайловича.

Конечно, Шубин приехал, как и Третьяк, имея за плечами значительный опыт хозяйственника. У каждого из них был огромный творческий потенциал руководителя, может, рангом повыше, чем каждый из них занимался до конца своих дней. И усилия двух равных крупных хозяйственников в течение сорока лет были приложены к одной точке – совхозу имени газеты “Правда”. Уверен, что в масштабе нашей области нет примера подобного долговременного союза равных.

Я раньше много раз слышал от своих земляков – вот, мол, приехал сперва Шубин. Потом директор выписал своего приятеля. Оказывается, совсем не так.

Еще говорят, у Шубина было две опоры. Это – Третьяк и немцы.

Тяжело заболел Третьяк. Шубин начал «хромать» на одну ногу. В конце восьмидесятых годов начался массовый выезд правдинских немцев на историческую Родину. Прошло еще несколько лет. Ушел из жизни Третьяк, всё немецкое население совхоза выехало в Германию. И Виктор Игнатьевич не выдержал – сам заболел. А вскоре его не стало. Не стало и совхоза-миллионера, совхоза-гиганта, экономическими и культурными достижениями которого гордились еще совсем недавно далеко за пределами нашей Республики. И это больно сознавать.

От автора

Выражаю сердечную благодарность друзьям, добрым знакомым, которые оказывали посильную помощь в работе над переводом “ Жымпитылық немістер ” на русский язык: **Абдрахманову Коныру Салыковичу** – журналисту, литературному сотруднику газеты «Сельский труженник», **Галиевой Кларе Мухтаровне** – учительнице русского языка и литературы школы № 30 г.Уральска, **Валиевой Светлане Бактыгалиевне** – преподавателю курса по изучению казахского языка АОО “Водоканал” г.Уральска, **Шынгалиеву Энгельсу Юсуповичу** – редактору газеты “Кайнар”.

**Указатель лиц,
фамилии которых значатся в тексте**

1. Абузаров Кенес (Кентай)
2. Азербает Есет Рауатулы
3. Айткалиев Мурат Разиевич
4. Алиев Ганимат Алиевич
5. Альдергот Готфрид Генрихович
6. Арыстанов Сатан Зейнелгазиевич
7. Балгазиев (1934г. – учитель)
8. Беккер Оттиля Георгиевна
9. Беккер Эрнст Генрихович
10. Беккер (Гергерт) Мария Петровна
11. Бельгер Герольд Карлович
12. Бенцлер Фридрих Фридрихович
13. Берг Мария Яковлевна
14. Берг Норус Антонович
15. Брауэр Амалия Ивановна
16. Брауэр Геннадий Александрович
17. Валиев Бактыгали
18. Варламов
19. Вебер Циля Георгиевна
20. Вебер-Муканова Джема Антоновна
21. Вегеле Артур Эрнстович
22. Виснер Виктор Александрович
23. Винтер Александр Андреевич

24. Гейнц-Гефеле Ирма Андреевна
25. Герстнер Петр Мартынович
26. Герстнер Эммануил Мартынович
27. Гефеле Иван Яковлевич
28. Граф Александр Иванович
29. Граф Георг
30. Губерт Амалия Кондратьевна
31. Даршт Антон Иванович
32. Дингес Рейнгольд Иванович
33. Дислинг Адольф Александрович
34. Дислинг Александр Александрович
35. Дислинг Клементий Александрович
36. Дислинг Мария Ивановна
37. Дислинг Мильхор Александрович
38. Дислинг Эмилия Александровна
39. Дитман Гергард Иванович
40. Дош Антон Антонович
41. Дош Антон Бальтазарович
42. Дэрт Валентин Христианович
43. Зейденцаль Александр Андреевич
44. Зоммер Иван Антонович
45. Зоммер-Яковлева Павлина Антоновна
46. Ибель-Шваб Эмма Ивановна
47. Кабышев Сади
48. Кадыров Зейнел
49. Кадыров Марат Сахипович

50. Кажимов Сагинбай
51. Капсанов Аллаберген
52. Капсанова Екатерина Андреевна
53. Карх-Таранюк Эрнестина Александровна
54. Кербс Александр Эммануилович
55. Кербс Эммануил Богданович
56. Кинсфатор Александр Иванович
57. Костакова-Гринке Лидия Теодоровна
58. Кригер Эммануил Давыдович
59. Крумм Андрей Иванович
60. Крумм Яков Иванович
61. Крумм Иван Иванович
62. Кумисшаш-апа Гумарова-Айткалиева
63. Лейс Федор Федорович
64. Ленц Мария Генриховна
65. Лехман Иван Пиусович
66. Лехман Владимир Иванович
67. Линдт Андрей Давыдович
68. Ляйман Андрей Егорович
69. Моос Эдгард Николаевич
70. Надольная Галина Ивановна
71. Нильмаер Карл Карлович
72. Нильмаер Владимир Карлович
73. Ниффель Ида Петровна
74. Онгарбеков Кенжетай
75. Остер Людвиг Рафаилович

76. Откенов Хасан
77. Питтель-Рудер Елизавета Георгиевна
78. Пфэффер Христиан Карлович
79. Радченко Вера Александровна
80. Райсих Эльза Федоровна
81. Рауш-Соляникова Гильда Ивановна
82. Ринг Мария Андреевна
83. Рифферт-Боксбергер Амалия Александровна
84. Рифферт Альберт Христианович
85. Рифферт Рудольф Христианович
86. Риффель Эдуард Карлович
87. Сейтекенов Жусуп
88. Сулейменов Гайнулла
89. Тажбеков Туран
90. Тажмуканов Мырзахмет
91. Траутвейн Александр Иванович
92. Траутвейн Марта Иоганновна
93. Траутвейн Ирма Богдановна
94. Третьяк Иван Михайлович
95. Уребаев Альмуханбет
96. Флеглер Доротея Георгиевна
97. Фрицлер Роланд Карлович
98. Фрицлер Эдуард Роландович
99. Хорошилова Анна Андреевна
100. Шваб Анна Яковлевна
101. Шик Ирма Генриховна

102. Шналиев Сары
103. Штромбергер Артур Александрович
104. Шубин Виктор Игнатьевич
105. Эли Евгений Алексеевич
106. Эльснер Василий Оттович
107. Эппингер Антон Антонович
108. Юнева Эмма Николаевна

Послесловие

На « Жымпитылық немістер » первым доброе слово высказал Герольд Бельгер (тоже спецпереселенец), которое было опубликовано в газете «Приуралье» 1.08.2002 г. За что благодарен известному казахскому писателю, который в течении многих десятилетий каждодневно чутко отзывается на все добрые - малые и большие явления в духовной жизни Республики. Даже на совсем незаметные, несмелые попытки некоторых его соотечественников - казахстанцев из дальних уголков страны, сказать о своих аульчанах из недалекого прошлого.

В конце прошлого года аким Западно-Казахстанской области Крымбек Кушербаев на сессии областной Ассамблеи народов Казахстана отметил полезность издания о джамбейтинских немцах и обещал содействие в дальнейшей работе. И эта поддержка вдохновила автора на усиленную работу по переводу книги на русский язык. Перевод осуществлялся с помощью друзей автора. Редактировал русский текст джамбейтинец-спецпереселенец, писатель и журналист Антон Антонович Дош.

В ходе работы, кроме отдельных поправок и уточнений автор постарался исправить имевшиеся в первом (казахском) издании упущения: отсутствие ссылок на использованные документальные источники. Помогли в этом работники Государственного архива Западно-Казахстанской области и его Срымского филиала. Однако, архив УВД ЗКО, где хранились личные дела немцев-спецпереселенцев, и где я работал в июле-августе 1997 года (с допуском тогдашнего прокурора области), в 2003 году в связи с его реорганизацией в структуре правоохранительных органов МВД, перешел в подчинение УКПС и СУ по ЗКО.

Оказалось, что «личные дела бывших спецпоселенцев-немцев, в настоящее время не рассекречены в установленном законом порядке...». Для уточнения биографических данных и некоторых фактов в судьбе моих героев была необходимость еще раз посмотреть материалы, касающиеся бывших спецпоселенцев-джамбейтинцев. Получил официальную бумагу - отказ на мое заявление, со ссылкой на ст. 16 Закона РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» (14.04.1993г.).

Казенное учреждение и сегодня (02.10.2003г.) все еще утверждает, что в имеющихся в их распоряжении документах депортированных советских казахстанских немцев 1941-42г.г. «имеются сведения, носящие секретный характер». По этой причине я не смог указать в настоящем издании (в сносках) ряд источников из архива спецфонда вышеуказанного областного управления Генпрокуратуры Республики Казахстан.

Гадильше Отебали

10 октября 2003 года.

*Талдыбулакцы приветствуют своих друзей-земляков
в Дингольфинге и во всех землях Германии*

Общественная столовая в селе Тоганас (80-е годы)

Розарий у административного здания совхоза имени газеты «Правда». Фото из личного архива И.Г. Лесового

Сади и Мерует Кабышевы. Сади Кабышев - Правдинский главспец, директор Булдуртинского совхоза и устроитель нового Талдыбулака

Герой Социалистического труда Риффель Эдуард Карлович

Правдинцы Кадыров Зейнел и Крумм Иван Иванович, тоже известный в округе из управленцев и представитель династии, - мастер золотые руки

*Их помнят и вспоминают часто. Молодость ветеранов
прошла в Талдыбулаке. - Зоммер Иван Антонович, Кейних
Иосиф Иванович и Кейних Иван Иванович
(Фото из альбома М. Хасанова)*

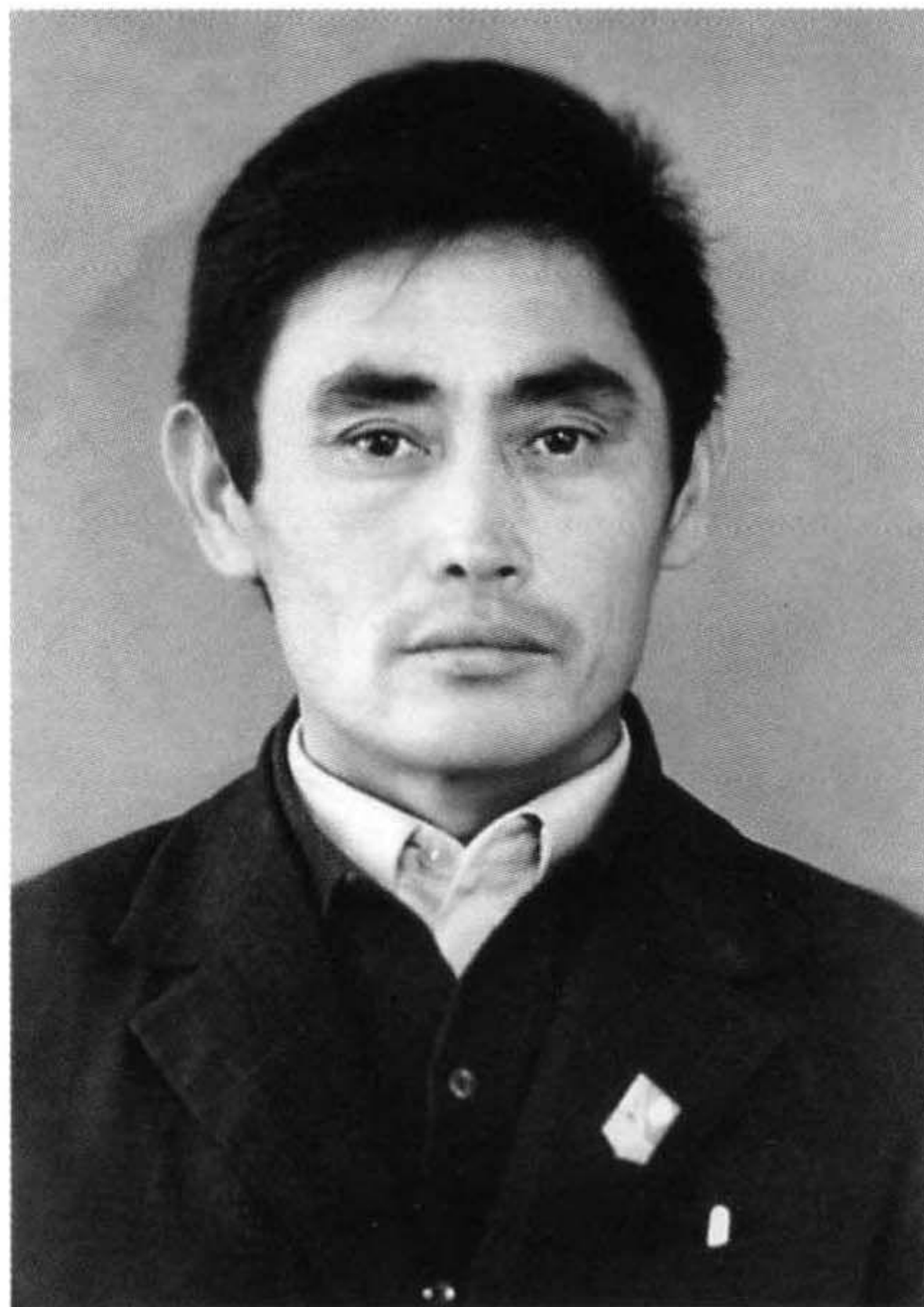
*Кинсфатер Александр Иванович, Кербс Артур
Иммануилович и Ляйман Андрей Егорович - из ряда
Шубинских кадров - организаторов высокотехнологичного
производства на селе*

В.И. Шубин встречает Динмухамеда Ахмедовича Кунаева в аэропорту г. Уральска

Немецкое кладбище в Талдыбулаке. Уехавшие не забывают своих родителей, покоящихся здесь. Сюда ежегодно приезжают дети и внуки

Майрамша Хасанов. Его хорошо знают многие талдыбулакцы в Германии. Ветеран целины и соцпятилеток. Это у него в семье сохранились фотографии наших земляков-немцев

*Мария Яковлевна Берг.
Несколько лет прожила в Аралтобе, выехала в Саратовскую область (фото 1949 г.)*

На этой фотографии семья джамбейтинца - аралтобинца Гергерта Виктора Давыдовича: жена Мария Петровна Беккер, дочери Людмила и Надежда. Дети и внуки Гергертов живут в г. Аксае (ЗКО) и Германии (фото 1952 г.)

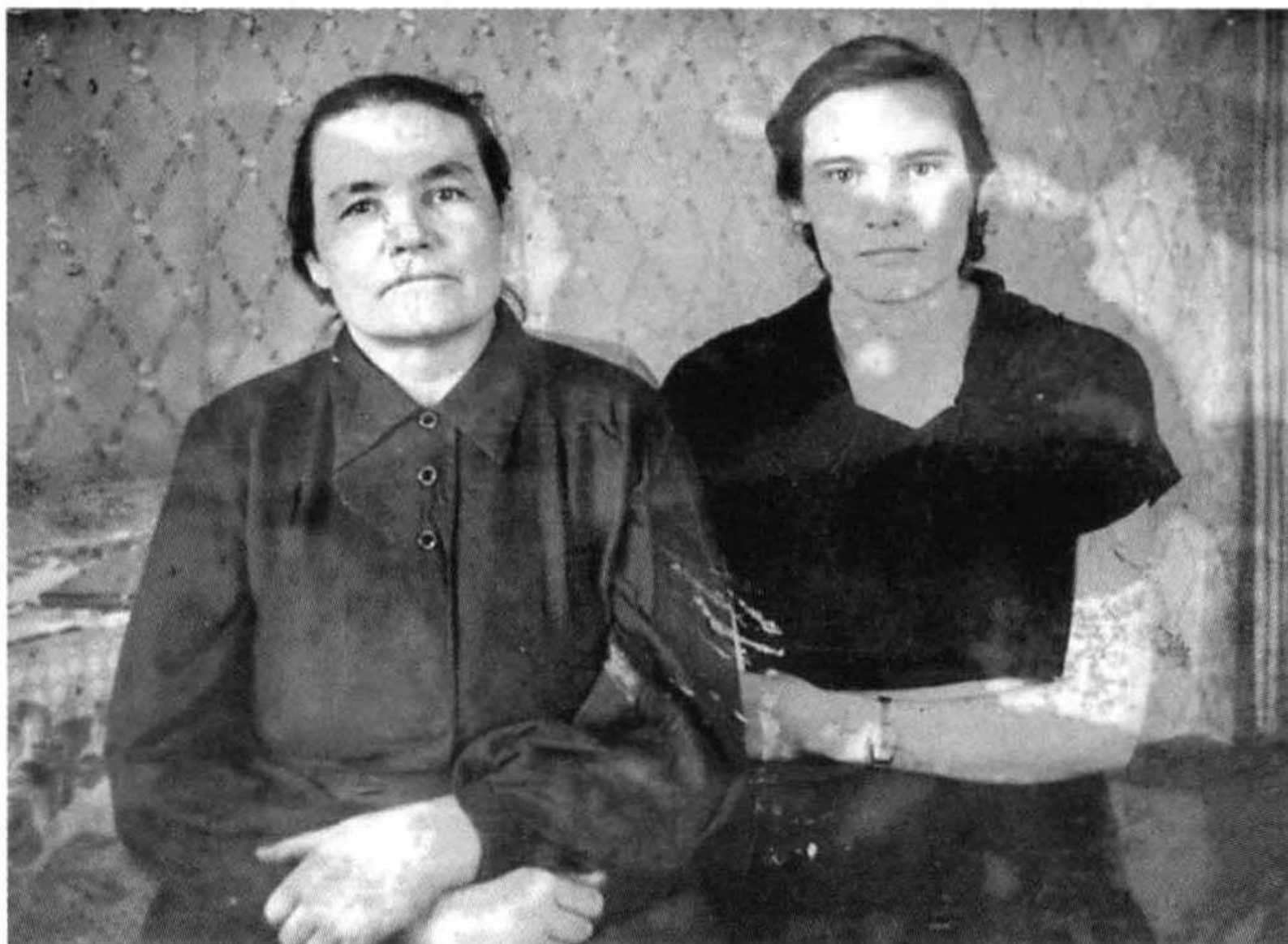

Анна Петровна Брунгардт. Семья аралтобинца Сауын-ага и Анны Петровны Жумагалиевых живет в г. Уральске

Циля Георгиевна Вебер.

В Булдурту приехала из Одесской области в 1939 г. по направлению Минтрестсовхозов. В ноябре 1941 г. органами МВД определена как спецпоселенка. Живет в Булдурте (фото 1998 г.)

*Екатерина Георгиевна Вебер с дочерью Лизой.
(фото 1961 г.)*

*Дети Цили Георгиевны Вебер:
Джема, Ольга, Александр, Тамара, Юра и Геннадий
(фото 1954 г.)*

*Джема Антоновна Вебер-Муканова, Мать-Героиня.
Бессменный депутат Булдуртинского сельского
Совета, родила и воспитала пятнадцать детей*

*Кенжетай Онгарбеков.
Более 20-ти лет по совместной работе
(в должности директора совхоза «Булдуртинский»)
хорошо знал немцев-булдуртинцев. В Германии
живут и работают его близкие родственники и
друзья*

*Эмилия Александровна Дислинг-Роут.
Дочь младшего из Дислингов - Александра
Александровича*

*Гайнолла Сулейменов.
Сегодняшний Коспанкульский фермер с женой
Тамарой Сейтекеновной (учительницей Правдинской
средней школы) и с внуком*

*Учителя Джамбейтинской средней школы - супруги
Владимир Карлович Нильмаер и Вера Александровна
Радченко (фото 1961 г.)*

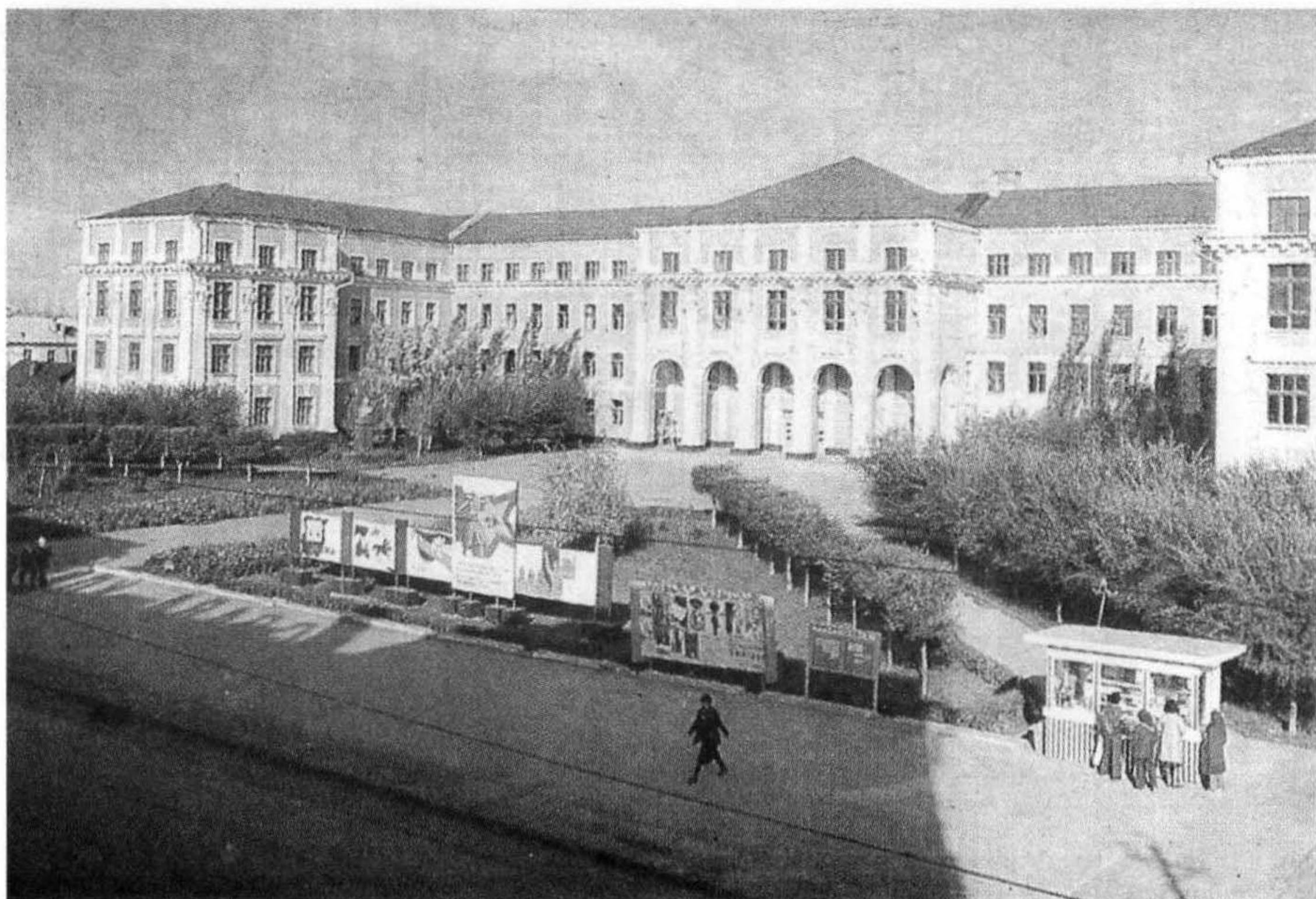
*Эрика Карловна и Нелли Карловна Нильмаеры.
За городом у озера, Германия. Январь, 1998 г.*

*Председатель Джамбейтинского райисполкома
Георгий Георгиевич Граф и его супруга Полина
Генриховна с детьми (фото 1952 г.)*

*Супруги-булдуртинцы Ажгалиевы. Гумар-ага и Луиза
Фридриховна Бенцлер (фото 1996 г.)*

*Уральский педагогический институт им.
А.С. Пушкина - альма-матер студентов-немцев
пятидесятих годов прошлого века*

СОДЕРЖАНИЕ

На долгую добрую память (<i>М.Онгарбеков</i>)	5
Слово к читателю (<i>В.Киянский, М.Барадосова</i>)	9
Wort an Leser	10
Қаратпа сөз (<i>Вместо предисловия</i>)	11
Арнау. Посвящение	13
Ноябрь 1941-го года	
(<i>Краткая предистория первых немецких поселенцев</i>)	15
Одна беда на всех	27
Первое “знакомство”: джамбейтинский Дислинги	35
Очень нужный колхозный человек	45
Иван Антонович Зоммер	48
Письмо из Талдыбулака	58
Дитман	60
“Аманбысын, айналайын!”	
(<i>О булдуртинском бахчеводе Норусе Берге</i>)	63
Судьба учительницы	
(<i>Рауш-Соляникова Гильда Ивановна</i>)	70
Ирма Гейнц-Гефелей	82
Два Артура (<i>Артур Александрович Штромбергер</i> <i>и Артур Эрнстович Вегеле</i>)	91
Сороковые годы. Ауыл әңгімелері	101
Семья Рифферт – аралтобинские старожилы. (<i>рассказ Кумисшаш-апай</i>)	107
Мария Яковлевна Берг	
(<i>Ваше благородие, подполковник Кудрин!</i>)	113
Герой Труда Эдуард Карлович Риффель (<i>Выбор Шубина</i>)	117

Уроки немецкого	131
К знаниям	136
Траутвейны	142
Ирма Богданова	147
Сестры Вебер	151
«Говорит Москва» – приглашение в гости. <i>(Рассказ о Фрицлерах)</i>	156
“Прошу дать ответ!!”	170
Лехман Иван Пиусович	175
Зов предков	185
Дождевые облака над Тоганасом <i>(Быль об Иване Михайловиче Третьяке)</i>	189
От автора	205
Указатель лиц, фамилии которых значатся в тексте книги.	206
Послесловие	211

Серия «Уральская библиотека»

Гадильше Отебали

Джамбейтинские немцы

(перевод с казахского)

Редактор *А.А. Дош*
Верстка *И.Брындин*

Подписано в печать 08.11.2003г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 600 экз. Заказ 1008.

Издательство ТОО «Оптима».
417000, г. Уральск, ул. Фрунзе, 49.
Тел.: (3112) 51-09-74, 50-44-50
E-mail: bryndin@aport.ru

